СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ
КОЛЫБЕЛЬ КАЧАЕТСЯ НАД БЕЗДНОЙ
16+

Сергей Михайлов

Колыбель качается над бездной

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Михайлов С. Г.

Колыбель качается над бездной / С. Г. Михайлов — «ЛитРес: Самиздат», 2010

В его власти дать людям бессмертие и изменить ход мировой истории. Он должен сделать непростой выбор. А пока… едва не гибнет под гусеницами фашистских танков, подвергается обстрелу в секретном ангаре для атомных субмарин, едва уносит ноги от охотников за скальпами, вступает в схватку с древними чудовищами… А над миром парит Летающий в позе медитирующего Будды. И Агасфер, видевший живого Христа, даёт ему мудрые советы… Сумеет ли он одержать верх над рвущимся к мировому господству сумасбродом, победить сомнения в душе и сделать правильный выбор? И, главное, вернуть любимую жену, затерявшуюся в лабиринтах безвременья? (Фото на обложке – автора).

© Михайлов С. Г., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Из архивных записей 7
Часть первая. Лес 9
1. 10
2. 12
3. 14
4. 16
5. 18
6. 20
7. 23
8. 25
9. 27
10. 29
11. 31
12. 34
13. 36
14. 40
15. 43
16. 45
17. 46
18. 49
19. 51
20. 53
21. 56
22. 58
Inferno. Исход 61
1. 61
2. 64
3. 67
4. 71
5. 74
6. 76
7. 79
8. 82
Из архивных записей 84
Часть вторая. Эдем 85
1. 86
2. 88
3. 91
4. 94
5. 97
6. 99
7. 101
8. 103
9. 105
10. 107
11. 109

12. 111
13. 114
14. 116
15. 119
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Сергей Михайлов
Колыбель качается над бездной

Колыбель качается над бездной. Заглушая шёпот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого света между двумя идеально чёрными вечностями.

Владимир Набоков, «Другие берега»

Из архивных записей

18 августа 1974 года. Калининская область.

Из докладной записки командира пожарного расчёта лейтенанта М.И. Серёгина начальнику пожарной части ПЧ-NN майору С.Н. Марченко.

Гриф: сов. секретно.

«Докладываю, что 15 августа сего года в 9 часов 45 минут, в соответствии с Вашим приказом, вверенный мне расчёт отбыл к месту возникновения очага возгорания в село Первомайское М-ского района Калининской области. В состав расчёта входили сержант Петров, рядовые Волгин и Матросов. Выполнив свою задачу, в 14 часов 30 минут мы покинули объект и направились на базу. По дороге мотор машины заглох, мы вынуждены были остановиться. Дорога проходила по лесистой местности, ранее ни мне, ни моим бойцам в этой местности бывать не приходилось. Я попытался связаться с базой по рации, однако связь установить не удалось. В довершение ко всему сержант Петров, выполнявший роль водителя, обнаружил, что это не та дорога, по которой мы ехали к месту возгорания. Скорее всего, мы сбились с пути. Оценив ситуацию, я послал двух бойцов, Петрова и Матросова, за помощью в ближайшее село, которое, как я полагал, должно было располагаться где-то рядом. Однако прошло более двух часов, а бойцы всё не возвращались. На их поиски был направлен рядовой Волгин. Уже через пятнадцать минут он вернулся. Из его сбивчивого рассказа я понял только одно: двое посланных ранее бойцов находятся поблизости. На мой вопрос, почему они не возвращаются к машине, он ответить не смог. Я приказал рядовому Волгину отвести меня к ним, но боец отказался выполнить приказ. Он был чем-то сильно напуган. Однако я продолжал настаивать на выполнении приказа. В результате рядовой вынужден был подчиниться. Он пошёл вперёд, указывая мне путь, я двигался следом. Метров через триста он вывел меня к большой поляне и наотрез отказался идти дальше. На вопрос, где пропавшие бойцы, он жестом указал в сторону поляны.

Сержант Петров и рядовой Матросов находились метрах в сорока-сорока пяти от меня, почти в самом центре поляны. Они беспомощно озирались по сторонам и, по всей видимости, не знали, куда идти. Вид у обоих был растерянный и испуганный. Я окликнул их, но они не отозвались. Я крикнул громче, и опять безуспешно. Они не слышали меня. Почувствовав смутную тревогу, я направился к ним, но сколько бы я не шёл, дорога всё время уводила меня от них в сторону. Я отчётливо видел обоих бойцов, однако никак не мог до них добраться. Тогда я вынул табельное оружие и сделал несколько выстрелов в воздух, надеясь привлечь внимание бойцов, но снова успеха не добился. Я обратил внимание, что бойцы несколько раз покидали поляну и углублялись в лесные заросли, однако каждый раз возвращались на прежнее место.

У меня создалось впечатление, что это место как-то держит их и в то же время не пускает к ним меня. Я обратил внимание, что в лесу не слышно никаких звуков: ни шелеста листьев, ни птичьих криков. Совершенно не было ветра, лес казался мёртвым. Но больше всего меня поразило то, что деревья не отбрасывали тени. Стояла середина дня, небо было чистым, облачность полностью отсутствовала, но солнца не было. Наверное, поэтому не было и тени.

А потом воздух наполнился каким-то гулом, источник которого я определить не смог. Гул нарастал, и когда он достиг определённого уровня, сержант Петров и рядовой Матросов исчезли. Словно растворились в воздухе, растаяли, как дым. Гул тут же прекратился. Мне стало не по себе. Я окликнул рядового Волгина и поспешил назад, к машине. Однако рядовой Волгин не отозвался. Возле машины его также не оказалось. Я попытался завести двигатель и обнаружил, что он исправен. Прождав своих бойцов примерно минут тридцать (более точно

определить время я не мог, так как все часы стояли: и мои наручные, и на приборной панели пожарной машины), я принял решение возвращаться в часть.

В 16 часов 30 минут я прибыл в расположение части».

Часть первая. Лес

Полный новыми силами странник продолжит путь.
«Агни Йога»

1.

Трое суток непрерывного мозгового штурма, без сна и отдыха, вымотали меня до полной потери чувства реальности. Сейчас, когда весь этот кошмар был уже позади, сладкая истома разлилась по всему телу, сознание почти совсем померкло, осталась лишь едва тлеющая искорка. Последние силы покинули меня, однако усталости я не чувствовал. Я вообще ничего не чувствовал – потерял такую способность. Одно только чувство грело меня сейчас – чувство выполненного долга. Я пребывал в состоянии эйфории, ещё чуть-чуть, и я бы, наверное, полностью, без остатка, растворился в нирване.

Гремучая никотино-кофеиновая смесь (блок «Парламента» плюс не менее пяти литров крепкого кофе) ядовитыми миазмами пронизала всё моё тело, все мои нервные окончания, все ячейки моего воспалённого мозга. Такая доза не только лошадь – целый табун слонов свалила бы с ног. Я же до сих пор жив, хотя и сознаю этот факт весьма смутно.

Телефонный звонок донёсся словно сквозь плотный слой ваты. Вата была повсюду, всё было пропитано ею, весь мир превратился в вату. Ватным был воздух, который я заглатывал, вяло ворочая ватным языком, ватными были звуки, вязкими струями вливавшиеся в уши, ватными были мысли, скрипевшие в ватных извилинах ватного мозга, ватным было всё тело, ставшее бескостным и аморфным.

Телефон трезвонил уже давно, прежде чем я сообразил, что нужно снять трубку. С трудом повинуясь неверному импульсу мозга, рука сорвала тяжёлую, весом не менее тысячи тонн, трубку с рычага.

– Да, – просипел я. Голос был явно не мой.

– Зайди. – Короткие гудки.

Это был Власов, вице-президент нашей компании. Он всегда отличался предельной лаконичностью, предельней уже некуда. Его узнавали даже не по голосу, а по этим вот коротким глаголам повелительного наклонения. Таков он был со всеми сотрудниками фирмы, невзирая на ранги и служебное положение.

Оторвавшись от кресла, в котором я пребывал до сего момента, бесформенный и растёкшийся, подобно капле ртути, я заковылял ватными ногами по ватному коридору.

При моём появлении Власов поднялся и шагнул навстречу.

– Жив?

Я пробубнил что-то невнятное. Язык не повиновался. Он походил сейчас на чужеродный кусок мяса, который каким-то образом очутился у меня во рту и так и остался там лежать, забытый и одинокий.

– Да ты садись, – указал он на кресло рядом со своим столом. – На ногах-то, смотрю, едва держишься.

Он был вежлив и предупредителен, более чем когда-либо. Я сел. Он расположился напротив, достал пачку «Мальборо лайт» и, прежде чем закурить самому, предложил мне. Я смог лишь ребром ладони провести у горла: под завязку, мол, больше никак. Он понимающе кивнул.

– Я вот зачем тебя вызвал, – начал Власов. – Сергей Николаевич очень высоко оценил твою работу в эти дни и попросил меня выразить тебе благодарность.

– Да я ж не один… Нас вон сколько было, чуть ли не полфирмы на ушах стояло. Такие горы своротили.

– Знаю. С остальными я тоже поговорю. Когда время их придёт. Сейчас речь о тебе.

Он мощно затянулся в последний раз и сунул недокуренный бычок в хрустальную пепельницу.

– Так вот, – продолжал он, выдержав паузу, – принято решение о твоём поощрении внеочередным двухнедельным отпуском. За счёт фирмы. Заметь, решение принято на самом высо-

ком уровне. – Он ткнул пальцем в потолок. – Это большая честь, тёзка. Не каждому она выпадает. Отдохнёшь, развеешься, силёнок поднаберёшься. А то вон какой зелёный, того и гляди, сляжешь. Ты нам как специалист здоровым нужен. У нас здесь не богадельня, сам понимаешь.

Ватный туман в голове постепенно развеивался. Из всего сказанного Власовым я понял только одно: я смогу отоспаться. Вволю, на всю катушку, на десять лет вперёд. Только бы до подушки доползти.

Однако Власов на этом не закончил.

– Далее, Сергей Николаевич принял также решение о твоём премировании. – Он щёлкнул ключом и открыл дверцу встроенного в стену миниатюрного сейфа. Вынул пачку долларов и небрежно бросил на стол. – На, это тебе. За ударный труд. Здесь пять тысяч.

Я окончательно очухался. Пачка баксов на столе у шефа (моих баксов!) подействовала на меня возбуждающе. Куда более возбуждающе, чем весь выпитый накануне кофе. Это был, действительно, приятный сюрприз.

– Спасибо, Виктор Валентинович.

– Бери, бери. Это твоё.

Я сунул деньги в карман брюк. Увесистая пачка новеньких долларов приятно легла на ляжку.

– Но и это ещё не всё, – продолжал Власов.

(Что-то блага на меня сегодня сыпятся словно из рога изобилия!)

– Сергей Николаевич предоставляет тебе путёвку в один элитный пансионат, сроком как раз на две недели. Тоже за счёт компании. Так что сегодня отоспишься, а завтра – в путь. Всё понял?

Я кивнул, хотя не совсем был уверен, что всё это происходит наяву. В моём теперешнем состоянии было бы неудивительно утерять грань между явью и сном.

– Да, и самое главное. Сергей Николаевич настоятельно просил тебя не отказываться от поездки в пансионат. Это не просто элитное заведение – это заведение для особо избранных. Туда путь простому смертному заказан. Я, например, там ни разу не был. Не пускают. А тебе, видишь, как подфартило. Так что уж ты, тёзка, меня не подведи. Сергей Николаевич очень не любит, когда игнорируют его знаки внимания. Не каждому, поверь, он их уделяет.

Это звучало как приказ. Как направление на добровольно-принудительный отдых. Однако сопротивления он у меня не вызвал. Ещё бы! Оттянуться по полной в шикарном местечке! Да надо быть круглым идиотом, чтобы отказываться от такого подарка.

– На этом всё, тёзка, – заключил Власов. – Отдыхай.

Я уж собрался было уходить, но вспомнил, что путёвку он мне так и не дал. Или что там должно быть вместо неё? Направление какое-нибудь, рекомендательное письмо, записка, в конце концов.

Он явно читал мои мысли.

– Никакой путёвки нет. Путёвка – это условно. Один звонок – и всё устроено. Сергей Николаевич уже сделал этот звонок. Так что на этот счёт не беспокойся. Завтра в двенадцать ноль-ноль будь в Твери, на городском автовокзале. Там тебя встретят. Остальное не твоя забота.

Я снова поблагодарил. Уже на пороге меня вновь настиг его голос.

– И не забудь взять супругу. Лена, кажется? Она тоже в списке. Путёвка-то на двоих.

2.

Лена. Действительно, куда ж я без неё? Отдыхать, так на пару. У нас так заведено с самого начала. И вовсе не из-за недоверия друг к другу («курортные романы» и всё такое прочее исключались), а потому что вдвоём нам было лучше. Наша ячейка общества была вполне самодостаточной, и ни в каком дополнительном обществе мы не нуждались. Короче говоря, нам было интересно друг с другом, а в этом-то, по-моему, и заключается залог семейного благополучия. Или я не прав?

Вот только откуда Власов её знает? Один раз, правда, он мог её видеть, год назад, на новогоднем вечере. Фирма тогда устроила для сотрудников шикарную пьянку. Каждому сотруднику разрешено было пригласить по одному человеку со стороны, на свой выбор. Установили таксу: с сотрудника – пятьдесят баксов, с приглашённого – по сотне. Лена тогда впервые попала в нашу контору. Честно говоря, я с трепетом ожидал её критики в адрес организаторов вечеринки. Уж кому-кому, а мне хорошо был знаком её злой язычок! Однако опасения мои не оправдались: она осталась в восторге. Музыка, танцы, игры, конкурсы… Столы буквально ломились от изысканных яств и дорогих напитков: лягушачьи лапки, запечённые в кляре, были далеко не самым экстравагантным блюдом. Надо заметить, что к питанию своих сотрудников Сергей Николаевич всегда относился очень серьёзно. Повара у нас менялись гораздо чаще, чем работники других подразделений. Чуть проштрафился – и за ворота. Без разговоров, без слезливых оправданий. А для пущего контроля качества приготовленных блюд нашему штатному врачу было вменена в обязанность ежедневная их дегустация, за десять минут до подачи на стол, которую он называл не иначе как «бракераж».

На том вечере было человек двести, не меньше. Примерно половину составляли приглашённые, большинство из них попали в эти стены впервые. Запомнить всех простому смертному было не под силу.

Впрочем, Власов был далеко не простым смертным. Крепкий, статный, спортивного вида мужчина лет пятидесяти пяти, с неизменной улыбочкой и едва обозначенной лысиной, всегда гладко выбритый, напарфюменный, в дорогих, сшитых на заказ, костюмах, он производил благоприятное впечатления на всех, с кем общался, и сразу же, с первых слов, располагал к себе собеседника, вызывал его на откровенность. Однако за этой внешней витриной скрывался человек весьма коварный. Известно было, что раньше он был сотрудником каких-то спецслужб, скорее всего, в структуре ВМФ. По крайней мере, однажды на 23 февраля он явился на работу в чёрном морском мундире капитана первого ранга (и не он один: как выяснилось в тот день, более половины сотрудников фирмы были когда-то офицерами Морфлота). У него остались обширные связи в самых различных структурах, в том числе и в высших эшелонах ФСБ. Это-то, по слухам, и дало ему возможность занять кресло вице-президента компании. Неудивительно поэтому, что эту должность он совмещал с должностью директора по безопасности.

Разговоры про него ходили самые разные. Как-то в курилке мне довелось услышать такую фразу: «Если надо, он по трупам пойдёт ради шефа». (Шеф – это Сергей Николаевич Крымов, президент нашей фирмы). Ветераны компании, работавшие с самого дня её основания, скупо, без особой охоты, с оглядкой на стены (которые, как известно, имеют уши), порой намекали на какие-то жуткие случаи, в которых Власов играл весьма одиозную роль. Но в одном ему следовало отдать должное: он был бесконечно предан компании.

Впрочем, всё это меня не касалось. Шеф оценивал меня достаточно высоко, да и с самим Виктором Валентиновичем отношения у меня сложились самые безоблачные. Я отлично понимал: пока я добросовестно выполняю свои функции на благо фирмы, мне ничего не грозит. Более того, я нахожусь под неусыпным оком и защитой нашей доблестной службы безопасности. В лице самого Власова В.В.

Кстати, за глаза его у нас называли «В»-в-Кубе. По начальным буквам фамилии-имени-отчества. Разумеется, он об этом знал.

3.

– Ну что там Власов? Разгон устроил? – поинтересовался Игорь, не отрываясь от монитора, когда я вернулся в отдел.

– За что разгон?

– Известно за что. За хорошую работу. Начальству ведь никогда не угодишь: всегда что-то не так. Даже если благодарят, то всё равно с оговоркой.

– Тут ты пальцем в небо попал, – отозвался я. – На этот раз никаких оговорок. Благодарность в чистом виде. Принимайте. Уполномочен от имени руководства объявить всем сотрудникам отдела «большое спасибо».

– И всё? – Игорь скривил кислую гримасу. – А что-нибудь посущественнее? Поматериальнее? Чтобы в карман положить? На хлеб намазать? Не удосужились наши олигархи, а?

Я ждал этого вопроса, но всё равно он застиг меня врасплох.

– Отпуск мне двухнедельный дали, – смущённо ответил я.

– Ага! – Игорь, наконец, оторвал колючий взгляд от монитора и упёр его в меня. Сергей и Наташа, до сего момента безучастно следившие за развитием нашего диалога, тоже оживились. – Мы тут, значит, за тебя батрачим, пашем ночи напролёт, здоровье гробим, анус на благо этой грёбаной фирмы рвём, а блага, значит, тебе одному достаются? Нам же – большое царское спасибо. Так я понимаю? Что ж, всё по справедливости.

– Да ладно тебе, Игорь, – вступилась за меня Наташа. – Виктор не меньше нашего вкалывал. И ты это знаешь. Хватит язвить.

– Ишь, заступница нашлась! – проворчал тот.

Я с благодарностью взглянул на девушку – и только сейчас заметил, как она осунулась, подурнела за эти три дня. Обычно румяная, живая, бойкая, сейчас она походила на пациента туберкулёзной клиники: щёки ввалились, румянец бесследно исчез, под глазами глубокие тени, взгляд тусклый и бесцветный. Мне стало её искренне жаль.

Мне было жалко их всех. Я чувствовал себя последним негодяем. Хотя я ничуть не виноват, что отметили только меня (правда, Власов обещал, что не забудет и остальных), ощущение было самое мерзопакостное.

Миротворческая попытка Наташи не удалась. Игорь всё так же бычился, Сергей, не проронивший пока ни слова (он вообще был немногословен), был с ним явно солидарен. В этой взрывоопасной ситуации упоминать о пяти тысячах баксов, жёгших мой карман, я, честно говоря, не рискнул.

За окном моросил мелкий холодный дождь, небо от горизонта до горизонта затянуло сплошной свинцовой мглой. Сквозь щель в приоткрытой фрамуге тянуло осенней сыростью. Что-то непохоже на конец мая. Скорее, середина октября, чем преддверие лета. Перспектива ехать в такую погоду в тверскую глушь меня не очень-то прельщала.

– Домой-то нас хоть отпустят, а, любимчик олигархов? – снова подал голос Игорь, на сей раз прежним своим тоном, без излишней жёсткости и неприязни. Однако обида всё ещё сквозила в нём.

– Да погоди ты домой, – проговорил наконец Сергей, – успеется. Жди, может, и нас вызовут. Ещё только десять утра.

– Ага, от них дождёшься, – буркнул Игорь и пожал плечами, всё также следя взглядом за изображением на экране монитора.

Сергей оказался прав: звонок от Власова не заставил себя ждать. Вернув трубку на рычаг, я с облегчением объявил:

– Всех троих – к Виктору Валентиновичу.

Они рванули с места так, словно и не было никакой усталости. Когда вся троица вернулась, лица их сияли.

Игорь дружелюбно похлопал меня по плечу.

– Извини, Витёк, погорячился. Ты ж меня знаешь: это я снаружи такой колючий, а внутри белый и пушистый.

– Да ладно, проехали, – устало отмахнулся я.

Выяснилось, что каждый из них получил по пять отгулов и по две тысячи долларов.

Огромный груз свалился с моей души. Я был искренне благодарен Власову.

– Всё, по домам, – распорядился я. – Игорь, в моё отсутствие остаёшься за главного.

– Есть, командор, – вытянулся во фрунт этот оболтус.

4.

Если честно, то команда у меня подобралась просто супер. Игорь был классным компьютерным дизайнером (слово «дизайнер» он страшно не любил и именовал себя не иначе как художником). На своём компьютере он творил настоящие чудеса. Да и компьютер у него был самый навороченный из всех, что имелись на фирме. PhotoShop и Corel знал как свои пять пальцев, от и до, чем значительно превосходил своих собратьев по профессии. Во время творческого процесса любил болтать без умолку, неважно о чём, лишь бы язык не оставался без работы, чем часто досаждал и мне, и Сергею.

Сергей был непревзойдённым мастером печатного слова. Из-под его пера (вернее, клавиатуры) выходили блестящие статьи, которые нарасхват брали самые престижные компьютерные издания. Однако этим его достоинства не ограничивались: он был автором множества уникальных слоганов, становившихся позднее расхожими и весьма популярными среди компьютерной братии.

Наташа не отличалась какими-либо особыми талантами, и всё же она была незаменимым человеком в отделе. Она выполняла самую разную повседневную работу, незаметную на первый взгляд, но такую необходимую для нормального протекания творческого процесса, носителями которого были Игорь с Сергеем. К тому же, женское общество всегда облагораживает мужчин. Особенно, если это общество воплощено в лице такой очаровательной девчушки. Она являлась тем цементирующим началом, которое не давало нашему мужскому коллективу распадаться на отдельные атомы, вращающиеся каждый по своей собственной орбите.

Игорь недавно разменял четвёртый десяток, Сергей упорно приближался к своему тридцатилетию, а Наташа… её возраст я, пожалуй, умолчу, в силу существующей традиции. Замечу лишь, что она была самой юной из нас. Я среди них оказался самым «старым» и доживал уже свой тридцать девятый год. Старик в полном смысле этого слова.

Наша контора существовала десять лет (в этом году намечался грандиозный юбилей) и успешно работала на рынке информационных технологий. Реализация средств вычислительной техники, в том числе готовых компьютерных систем, была одним из важных направлений нашей деятельности, при этом весьма прибыльным. У нас был обширный круг корпоративных клиентов, с которыми мы работали уже не первый год, и не меньший круг вендоров из числа крупных зарубежных фирм. Несколько дней назад компания IBM, один из наших давних партнёров, вышла на нас с супервыгодным предложением: срочно реализовать крупную партию компьютеров по бросовой цене. Объём партии может быть сколь угодно велик: всё зависит от величины спроса. Иными словами, бери столько, сколько сможешь продать. Что за причины вынудили их пойти на такой шаг, мы не знали, да и не очень-то интересовались. IBM – фирма с мировым именем, и продукцию низкого качества сбывать не станет; для неё чистая, незапятнанная репутация – залог дальнейших успехов, на многие-многие лета.

Крымов тут же дал команду финансистам подсчитать возможную прибыль от реализации партии (с учётом различных факторов). Цифра, говорят, получилась ошеломляющая. Сразу же завертелись все механизмы. Стимул был более чем заманчивым: в случае успеха предприятия каждый его участник мог рассчитывать на значительную премию. На отдел маркетинга и рекламы, который я возглавлял, была возложена задача проведения маркетинговых исследований, разработка концепции рекламной кампании и, в случае утверждения Крымовым, её реализация. Отсчёт времени пошёл не на дни, как обычно, а на часы и даже минуты. К чести сотрудников фирмы должен заявить: все без исключения справились со своей задачей на «отлично». В кратчайшие сроки удалось заключить контракты с несколькими крупными корпоративными клиентами на поставки значительных объёмов техники, большая партия ком-

пьютеров поступила также в розничную торговлю через сеть одной известной торговой компании.

«Сделка века» была совершена. Сегодня утром её механизм заработал на полную катушку.

5.

– Витенька, куда ты задевал свою зубную щётку? – донёсся до меня голос жены, едва я переступил порог своей квартиры. – Никак не могу её найти.

Я замер на пороге, обескураженный столь ранним её появлением дома. Лена была трудоголиком, на работу ходила, как на праздник, работала азартно, с увлечением, с полной отдачей, с головой погружаясь в свою химию. Только очень и очень веская причина могла её заставить прийти домой в середине трудового дня.

Химией она болела ещё со школьной скамьи. Ради этого предмета часто пропускала другие занятия, просто забывала о них, часами проводя время в школьной химлаборатории. После десятого проблемы выбора у неё не стояло – выбор был сделан задолго до окончания школы. Подала документы на химфак МГУ, с блеском его закончила, поступила в аспирантуру, защитила кандидатскую, и теперь трудилась в одном из московских НИИ на благо российской науки.

– Ты почему дома? – спросил я, застряв в прихожей, чтобы снять обувь.

Её стройная, миниатюрная фигурка, появившаяся в дверях, замерла в позе удивления.

– Как это – почему? Мы же завтра уезжаем. Нужно собраться, всё подготовить.

Вид у меня, наверное, был настолько глупым, что она невольно рассмеялась.

– Ну ты что, Витенька? Или уже забыл? Про дом отдыха.

Вот тут уж я совсем потерял голову.

– Про дом… подожди, что-то я не очень… про какой?..

– О-о! – протянула она, мило улыбаясь. – Трое суток, кажется, не прошли для тебя даром. Туго стал соображать, муженёк. Совсем укатали бедного моего сивку крутые горки. Ведь тебе путёвку дали, так?

Я кивнул. До меня что-то начало доходить, хотя и с великим трудом.

– Ну, дали. Да ты-то откуда знаешь?

– Да всё очень просто, Витенька. Вызывает меня сегодня спозаранку Семёнов и объявляет, что с завтрашнего дня мне предоставляется двухнедельный отпуск. Я сначала перепугалась, не случилось ли что, думаю. А он и говорит: мужу твоему, тебе то есть, путёвку дали на двоих, в дом отдыха. Директор, мол, команду дал: отправляй Смирнову в отпуск. Откуда Агапов узнал о твоей путёвке, можно только догадываться. Видать, сильные у тебя покровители, Витенька.

Агапов, покровители… Абсурд какой-то! Что это ещё за покровители, хотел бы я знать. Ни Власов, ни даже Крымов не имеют такой власти, чтобы давать указания директору крупного института, с которым, к тому же, у них нет никаких общих дел. Моя контора и НИИ, в котором трудилась Лена, – два совершенно параллельных мира, которые никогда не пересекались и вряд ли пересекутся.

Мне стало тревожно. Что-то здесь не вяжется. Для Лены же, похоже, всё это было в порядке вещей.

– Если бы ты видел его лицо! – снова рассмеялась она, не замечая моего беспокойства. – Испуганный какой-то, потерянный, глазами хлопает, говорит сбивчиво, невпопад. Мне даже жалко его стало.

Это она о Семёнове, своём завлабе, догадался я. Вслушиваясь в её звонкий голосок, я пытался отмахнуть от себя тревожные мысли, которые, словно червь, грызли меня изнутри.

Вывод напрашивался только один: решение о моём отпуске было принято не Крымовым, а кое-кем повыше. Дело в том, что наша фирма не была самостоятельным предприятием, а входила в состав крупнейшего холдинга. Этот факт старались не афишировать – по крайней мере, в документах компании, которые изредка проходили через мои руки, ни словом об этом не говорилось. Но слухи ходили, причём самые разные. А слухи, как известно, на пустом месте

не рождаются. Значит, что-то за всем этим было. Но что именно, не знал никто. За исключением, может быть, Крымова. Хотя и он, как я подозревал, знал лишь ту долю правды, которую ему позволили знать. Кто стоял во главе холдинга, также было тайной за семью печатями. Не уверен, известно ли это было и самому Крымову. Мелькала, правда, в наших кулуарах фамилия «Иванов», но с таким же успехом могла быть названа фамилия «Петров» или «Сидоров».

Если моя судьба решалась на *таком* уровне, тогда всё объяснялось легко и просто. Один звонок «Иванова-Петрова-Сидорова» куда следует, и весь этот сонм Агаповых, Семёновых и чёрт знает кого ещё вытянется во фрунт, щёлкнет каблуками и примет к исполнению любое указание. Я не знал, в каких сферах обращаются руководители незримого холдинга, но был почему-то уверен, что выше этих сфер обитает только Господь Бог.

Однако быть предметом пристального внимания *таких* людей меня совсем не прельщало. Обласканный ими сегодня, завтра я мог впасть в крайнюю немилость, и тогда одному Богу известно, чем всё это для меня может кончиться. Нет уж, увольте! Чем реже мы попадаем в поле зрения сильных мира сего, тем спокойнее наша жизнь.

Впрочем, возможно, я слишком сгущаю краски, и всё это не более, чем игра больного воображения человека, вкалывавшего без сна трое суток кряду и поглотившего за семьдесят два часа месячную норму кофе и сигарет.

Будем жить сегодняшним днём и радоваться предстоящему отпуску, нежданно-негаданно свалившемуся на мою голову как ком прошлогоднего снега в самый разгар знойного лета. И чёрт с ней, с погодой! У природы, гласит народная мудрость, нет плохой погоды.

К реальности меня вернула внезапно наступившая тишина. Лена молчала, с тревогой всматриваясь в игру лицевой мускулатуры, которая отражала напряжённый мыслительный процесс в моей черепной коробке.

– Витенька, с тобой всё в порядке?

Я отчаянно тряхнул головой и улыбнулся.

– Всё в норме, Ленок, – сказал я, привлекая её к себе. – Устал просто, как собака. Вот и торможу сверх меры.

Она положила голову мне на плечо и вздохнула. От её волос исходил пряный аромат её (и моих тоже) любимых духов.

– Бедный! – проворковала Лена. – Тебе отдохнуть надо. Поспишь?

Я кивнул.

– Пару-тройку часов. Не больше.

– Может, поешь сначала? Голодный, поди. Хочешь, пельменей сварю? Ручной лепки, твои любимые?

– Не сейчас, Ленок. Мне б до дивана доползти.

До дивана я дополз. И сразу же отключился.

6.

Проспал я аж семь часов. Спал как убитый, без задних ног, без сновидений, без какой-либо подспудной подсознательной деятельности. Спало моё тело, спал мозг, спало моё эго, моё «я». Фактически всё это время я был без сознания. У индусов такой сон считается наибольшим приближением к Абсолюту – когда душа освобождается от оков разума и без остатка растворяется в Брахмане.

Не знаю, где там витала моя душа, пока мозг был в отключке, но только в половине восьмого вечера они вновь воссоединились, и я проснулся. Свежий, бодрый, готовый к новым трудовым подвигам. И тут только вспомнил, что завтра нам предстоит путешествие в Тверь.

Лёгкий ветерок тревоги пробежал по закоулкам души – и растаял, не оставив следа. Будем решать проблемы по мере их поступления, решил я. Создавать их искусственно было не в моих правилах. С завтрашнего дня начинается мой внеплановый двухнедельный отпуск – и это всё, что мне необходимо сегодня знать. Все домыслы, смутные догадки, пустые подозрения – по боку, в корзину для мусора. И хватит об этом.

Откушав горячих пельмешек со сметаной, предусмотрительно приготовленных моей очаровательной супругой (тридцать штук, моя обычная норма), я отправился в ближайший «Перекрёсток», чтобы закупить кое-что из продуктов на завтрашний день. Путь предстоял неблизкий: Тверь всё-таки.

К вечеру поднялся ветер. Холодный, мерзкий, пронизывающий, бр-р-р!.. Неба видно не было, вместо неба прямо над головой висела серая мгла, источающая липкую, вязкую влагу. Струи дождя хлестали по лицу, словно плетью, стекали за воротник, заставляя меня ёжиться и проклинать эту идиотскую погоду. Зонта я с собой не взял, так как не носил его принципиально. Борьба с этим неуклюжим изобретением цивилизации, особенно в ветреную погоду, всегда казалась мне занятием, позорящим высокое звание «человека разумного». Не скрою, наблюдать за тем, как под внезапным порывом ветра зонт выворачивается наизнанку, обнажая торчащие спицы, или вырывается вдруг из рук хозяина и скачет по лужам подобно перекати-полю, доставляло мне особое удовольствие и неминуемо вызывало приступ злорадного веселья. Но сам выглядеть идиотом я не хотел. Уж лучше закутаться в дождевик и накинуть капюшон на голову. Да и толку от этого больше.

Загрузившись в «Перекрёстке» (две бутылки кваса по полтора литра, палка «Брауншвейгской» сырокопчёной, буханка «Бородинского» и два блока «Парламента»), я пошлёпал домой. Едва я сунулся в свой подъезд, как в ноги мне ткнулось что-то мягкое, мокрое и лохматое. Лампочки в парадном, как обычно, не оказалось и потому темень там стояла непроглядная. Присмотревшись, на уровне своего пояса я смутно различил собачью морду, преданно смотревшую на меня.

– Марс, ты что ли?

Пёс радостно вильнул мокрой метёлкой хвоста.

Это и в самом деле был Марс, соседский пёс. Вода струями стекала с его длинной шерсти, образуя небольшую лужицу, а сам он был похож на выжатую мочалку. Несмотря на свой жалкий вид, Марс улыбался. Да, именно улыбался. Где-то я слышал, что животные улыбаться не умеют, это дано только человеку. Однако *эта* собака улыбалась. Не так, как человек, конечно, который использует свою лицевую мускулатуру, а всем своим видом, всем выражением своей, если хотите, собачей морды.

Этот пёс всегда вызывал у меня симпатию. Гордый бело-рыжий красавец с густой длинной шерстью, он располагал к себе своим добродушным нравом и преданностью. Впрочем, я слышал, колли все такие.

У меня никогда не было собаки. В том заведении, где я воспитывался и коротал свои детские годы, держать собак было запрещено. Ни собак, ни кошек, ни какой-либо другой живности. Позже, когда я вырвался во взрослую жизнь, покончив с детством и целым сводом запретов, собакой я снова не обзавёлся: не до того было. Жизнь вертела меня, как щепку в полноводном весеннем ручейке. Учёба, работа, женитьба, то одно, то другое, то третье – новые ориентиры, новые ценности, новые интересы. И всё же мысль завести собаку не оставляла меня никогда.

Мечта о собаке почему-то всегда вызывала в голове образ «Майн Кампф». Такая вот странная ассоциация, теперь уже необъяснимая, но устойчивая и никогда не дающая сбой. Я давно уже не помнил всей ассоциативной цепочки, всех её промежуточных звеньев, которые с очевидностью бесстрастной логики связывали два крайних её члена: первый – мысль завести собаку, и последний – печатное творение фюрера, эту нацистскую библию, после которой на душе остаётся грязный осадок и возникает непреодолимое желание вымыть руки и прополоскать рот… Как не помнил и других подобных цепочек: их у меня было несколько. Помнил только начала и концы.

Когда я принимал аспирин, я всегда отчётливо вспоминал «Женщину в песках» Кабо Абэ. Аспирин обязательно шипучий, который надо растворять в воде, иначе ассоциации не возникало. Как только большая плоская таблетка начинала шипеть в стакане с водой, мне тут же представлялась глубокая песчаная яма, мужчина и женщина на дне её, одинокая чайка на фоне сиреневых, цвета Кришны, предгрозовых туч.

Кришна тут, конечно же, не причём. Всё дело в ещё одной ассоциации, навеянной Бхагават-Гитой.

А когда я мыл посуду, перед глазами пролетала вереница романов Мураками. От «Охоты на овец» до «Кафки на пляже». Может быть потому, что все герои Мураками с особым тщанием предаются мытью посуды?

А вот Гичин Funакоши (ещё один легендарный японец) за всю свою долгую жизнь не вымыл ни одной тарелки. И даже ни разу не был на кухне. Согласно традициям самураев, японский мужчина не должен показываться в местах, грозящих нанести его репутации непоправимый вред. Кухня – это как раз такое место. Мужчина – прирождённый воин, его дело биться с врагом, а на кухне пусть хозяйничает женщина…

Вот и ещё одна цепочка готова.

С чего я начал? С Марса, соседского пса. А чем закончил? Традициями японских самураев. Если выкинуть все промежуточные звенья, останутся только два крайних, ничем напрямую между собой не связанных: Марс и самураи. А уж отложится ли этот тандем в памяти, покажет время. Не все ассоциации живучи.

Однако я отвлёкся.

– Вот ты где, паршивец! – услышал я позади себя сердитый голос. – Я его по всему району ищу, а он вон где прячется.

В подъезд ввалился мой сосед по лестничной клетке. Скинув с головы мокрый капюшон дождевика, он заметил меня и приветливо улыбнулся.

– А, Виктор! Рад видеть, сосед.

Я кивнул в ответ.

При виде хозяина Марс пригнул косматую голову и виновато ткнулся носом в его ладонь.

– Ах, подлиза, – улыбнулся сосед и потрепал своего любимца по холке. – Ну ладно, ладно. Я сам виноват, что в такую погоду вывел тебя на прогулку. Терпеть не может всю эту слякоть. – Теперь он обращался ко мне. – Чистюля он у меня. Не дай Бог лапы в луже замочит – тут же домой мчится. Вот и сейчас примчался, улизнул от меня и примчался. А вообще он у меня умница, таких поискать. Правда ведь, Марс?

Тот радостно завилял хвостом, a priori соглашаясь со всем, что скажет его хозяин.

С Олегом Александровичем у нас сложились самые что ни на есть добрососедские отношения, хотя дальше обычного взаимного приветствия они не простирались. На вид ему было лет шестьдесят, семьи у него не было, если не считать верного Марса. Переехал в наш подъезд он года три-четыре назад. Седой, как лунь, поджарый, крепкий старикан, с лукавинкой в серых, с прищуром, глазах. Тактичный, вежливый, благожелательный, он олицетворял собой идеальный тип соседа в многоквартирном городском доме. Да, что и говорить, с соседом нам повезло. Предыдущие жильцы постоянно досаждали нам шумом, громкой музыкой и ночными дебошами.

– Как дела, Виктор? Что-то давно вас не видно.

– Да всё работа. Трое суток дома не был, аврал, только сегодня отпустили.

– Ну ничего. Отдых пойдёт вам на пользу. Когда уезжаете? Завтра?

– Завтра, – машинально ответил я, чувствуя, как на меня снова накатывает смутная тревога. А он-то откуда знает?

– С Леночкой вашей случайно столкнулся на улице. Вот она и поделилась новостью, – поспешил объясниться он, словно прочитав мои мысли.

Я кивнул. Ну да, всё проще простого. Всё легко объяснимо. И нечего в колокола бить.

– А насчёт погоды не беспокойтесь, – продолжал он. – Это здесь льёт, как из ведра. А в Тверской губернии дождей нет. Гарантия. – Он кивнул на прощание и неторопливо зашагал по лестнице. Марс степенно потрусил на полшага впереди. – Приятного вам отдыха, Виктор. Заходите, когда вернётесь. Потолкуем.

Потолкуем? Гм… любопытно. За все эти годы это было первое приглашение к общению, выходящему за рамки обычного приветствия на лестничной клетке. Однако ядовитый укол вновь пробудившейся тревоги был вызван не этим.

Ведь Лене о Твери я ничего не сказал. Ни слова.

7.

За ночь дождь перестал, а к утру шоссе даже успело просохнуть. Благо, ветер продолжал яриться, словно взбесившийся на цепи лев. Нам это было только на руку: я страсть как не любил езду по мокрому асфальту. Возникало такое чувство, что у тебя одновременно отказывали тормоза и клинило руль.

Лена о Твери не знала ничего. По крайней мере, до того момента, накануне вечером, как я изложил ей цель нашего путешествия – в той мере, конечно, насколько сам был осведомлён. По её реакции, по тем едва уловимым признакам, хорошо мне известным, я понял, что до сих пор она была в полном неведении.

Попытка отключить механизм дедуктивного мышления и плюнуть на всё с самой высокой колокольни удалась мне с великим трудом. Проклятые мысли так и лезли в голову, но укладываться в стройную систему никак не хотели. В системе явно не доставало каких-то важных звеньев. Откуда, откуда, чёрт побери, *он* мог узнать о Твери?

Однако, по мере удаления от Москвы и приближения к Твери, и в первую очередь благодаря моей очаровательной жёнушке, без умолку болтавшей на протяжении всего нашего трёхчасового пути, горизонт в моей голове в конце концов прояснился. Может, *он* телепат, откуда мне знать! Ведь не заговор же плетётся вокруг моей малозначительной персоны!

Лена была просто в восторге от всяких путешествий. Причём, в новым местах её больше привлекали не объекты культурного назначения (музеи, соборы, памятники архитектуры и так далее) и уж тем более не выбеленные жарким солнцем, истоптанные миллионами ног пляжи южных курортов, где и плюнуть-то в разгар сезона нельзя без риска попасть в чью-нибудь обожжённую, в волдырях, лоснящуюся от пота спину среднерусского обывателя, а уголки дикой, нетронутой природы, с их первозданным очарованием и какой-то удивительной, обнажённой чистотой. Увы, в густонаселённой части европейской России таких уголков оставалось всё меньше и меньше. Поэтому, когда приходило время летних отпусков, мы (каждый год) отправлялись куда-нибудь за Урал, или на Север, или в предгорья Тянь-Шаня, в тайгу и дремучие леса, на озёра и живописные речушки, с рюкзаками и всем необходимым походным скарбом – словом, в направлении, противоположному вектору обычной ежегодной миграции туристов-отпускников из пыльных бетонно-асфальтовых мегаполисов.

Я полностью разделял её страсть. Мы и познакомились-то с ней в походе, на Пахре, семь лет назад, когда наша небольшая группка из трёх особей мужского пола (я и двое моих товарищей по работе) наткнулась в лесу на их палатку. Их было четверо, все – студентки химфака МГУ. Тогда мы принципиально не брали в поход девчонок, считая их общество в таком важном деле не только обременительным, но и нарушающим некую святость всего предприятия. Однако после этой встречи мои взгляды коренным образом изменились.

Через год мы сыграли свадьбу. Лена как раз защитила диплом, и тем же летом мы стали мужем и женой. Стоит ли говорить, что свой медовый месяц мы провели с рюкзаками за плечами? Селигер остался в нашей памяти как самое прекрасное место на земле.

Любовь к лесу пробудилась у меня ещё с детства. Детский дом, в котором я воспитывался до восемнадцати лет, располагался в окрестностях большого города (я так никогда и не узнал – какого), в лесной глуши, вдали от людской толчеи и суеты скоростных автотрасс. Первые детские воспоминания у меня всегда ассоциировались с лесом. Память сохранила фрагменты моего раннего детства, чёткие, контрастные, словно чёрно-белые фотоснимки. Я хорошо помню долгие прогулки по лесу, которые совершал со своими сверстниками, такими же воспитанниками, как и я, во главе с бдительной воспитательницей. Помню поляну, на которой мы часто располагались на пикники, помню тёплые июльские ночи у костра, весёлое потрескивание берёзовых поленьев, ночную тишину, пугающую и завораживающую одновре-

менно, искры, тающие на лету где-то высоко-высоко под сенью невидимых сосен… Детские впечатления, светлые, безмятежные, навсегда остались со мной, и вместе с ними в мою жизнь вошёл лес…

8.

Лена вся светилась от предвкушения нового приключения. Авантюрная жилка в её характере, страсть ко всему неизведанному сочеталась с глубоким, чуть ли не патологическим интересом к своей работе. Эти две крайности гармонично уживались в ней, как ин и янь, как день и ночь, как лёд и пламень. За это (не только за это, конечно) я и любил её. Тверская губерния, ясное дело, не сибирская тайга и уж тем более не горные перевалы Тянь-Шаня, но и здесь, я был уверен, есть уголки нетронутой природы, пока неиспорченные цивилизацией, куда нам стоило наведаться.

На границе Московской и Тверской областей мы сделали привал. Вернее было бы сказать – остановку, но походная терминология мне была как-то более по душе. В этой точке пути я засёк время, следуя скорее привычке, чем необходимости. Когда долго путешествуешь, как-то сама собой вырабатывается привычка делать зарубки на временной оси, отмечать своего рода реперные точки, чтобы позже, оглядываясь назад, легче было восстановить в памяти цепочку событий не только по географическим названиям населённых пунктов, которые оставляешь за плечами, но и по тем самым временным зарубкам. Порой ведь ничего, кроме этих зарубок, и не остаётся.

Часы показывали 10:48, календарь на часах высветил дату – 27 мая.

Мы перекусили на скорую руку и ровно в 11:00 двинулись дальше. В Тверь мы прибыли по расписанию. На автовокзале нас уже ждали. Едва я припарковался, как к нам подошёл молодой человек в солнцезащитных очках и предложил следовать за ним.

– О машине не беспокойтесь, о ней позаботятся. Дальше вы поедете на моём транспорте.

Нас погрузили в микроавтобус. В салоне я обнаружил пожилую чету, которая на наше появление никак не отреагировала. Без ответа осталось и наше приветствие. Я пожал плечами. Не знаю, может быть у них здесь в Твери так принято.

Мы выскочили на трассу М10 и помчались к окраине города. Вскоре городские многоэтажки остались позади, вдоль дороги потянулись серые домишки частного сектора. Но вот и они стали редеть, пока совсем не исчезли. Мы свернули на просёлок, аккуратно упакованный в асфальт. Дорога была ровная и гладкая, как стрела, ехать по ней было одно удовольствие. Через четверть часа мы остановились.

– Приехали? – спросил я у водителя, того самого человека в солнцезащитных очках. Он покачал головой.

Мы вышли из машины, все пятеро. Я огляделся и с удивлением отметил, что мы находимся на лётном поле. Чуть поодаль стоял вертолёт. Похоже, мы очутились на каком-то частном аэродроме.

Увиденное произвело на Лену не меньшее впечатление, чем на меня. В глазах её читался неподдельный интерес.

– Ни фига себе, – присвистнула она.

Пожилая чета, как по команде, повернула головы в сторону моей очаровательной супруги (пускай завидуют!) и тут же отвернулась, надменно поджав губы. Мы переглянулись и тихонько прыснули.

Наш провожатый прямиком направился к вертолёту, приглашая нас следовать за ним.

– Так мы что, на этой штуковине полетим? – догадался я.

– *Там* нет дорог. Сообщение только по воздуху.

Вот оно что! Выходит, в этот элитный пансионат чужому путь был заказан. Прав был Власов. Клиентов доставляли по воздуху строго в соответствии с регламентом, по чьей-то высочайшей санкции. Избранное общество, на неделю-две полностью оторванное от мирских забот, могло предаваться здесь изысканному отдыху. Идея показалась мне очень недурной.

Я перехватил взгляд Лены. По блеску её глаз я понял, что её посетили те же мысли.

Мы поднялись по трапу, опять в том же составе. Тут же загудел двигатель, корпус завибрировал, винт над нашими головами начал набирать обороты. Уже через минуту машина благополучно оторвалась от земли.

Примечательно, что окон в салоне вертолёта не было. Никто из нас не мог видеть, что творилось за бортом и куда держит путь наша стальная «стрекоза».

Провожатый перехватил мой взгляд.

– Никому не следует знать месторасположение нашей *точки*, – сказал он. И всё, больше ни слова. Он выдавал информацию порциями, строго дозируя её, словно опасаясь произнести лишнее слово. И вовсе не из соображения безопасности и необходимости хранить тайну, насколько я понял, а в силу своей склонности к краткости.

Точка. Походило на некий военный объект. Впрочем, неудивительно: ореол секретности, отсутствие подъездных путей, переброска клиентов в наглухо задраенном вертолёте, скрытое месторасположение – всё это роднило таинственный пансионат с объектом стратегического назначения. Я был на сто процентов уверен, что ни в одном справочнике, ни в одном туристическом каталоге, ни на одной самой подробной карте этого объекта не значилось.

Мы пробыли в полёте минут двадцать. (Зная примерную скорость вертолёта, время нахождения в пути и точку отсчёта, можно было бы прочертить некую окружность, на которой с большой долей вероятности располагался искомый объект. Потом, запасшись терпением, скрупулёзно прочесать местность вдоль полученной линии, километров эдак двести, и найти, наконец, так называемую *точку*. Такая вот математическая задачка. Ясно, что делать этого я не собирался).

Вертолёт сел на небольшую площадку, надёжно скрытую от посторонних глаз плотной стеной леса. Огромные вековые деревья обступали бетонный пятачок со всех сторон. Ничего, кроме деревьев, я вокруг не увидел. Ни пансионата, ни каких-либо других признаков жилья.

Нужно быть настоящим виртуозом вертолётного вождения, чтобы посадить такую машину на крохотный лесной пятачок в гуще зелёного массива.

– Красота! – восторженно прошептала Лена. – Чувствуешь, какой воздух?

Воздух, действительно, был наичистейшим. Влажный лесной дух, напоённый ароматами девственных трав и терпкой хвои, царил здесь повсюду.

Однако, чёрт побери, где же этот секретный объект? Не под землёй же он устроен, в конце концов!

– Витенька, взгляни! – задрав голову, Лена зачарованно смотрела наверх.

Высоко вверху, там, где кроны деревьев расступались и образовывали брешь в сплошном переплетении ветвей, сияло чистое, без единого облачка, небо.

Я вспомнил слова соседа по лестничной клетке. «А в Тверской губернии дождей нет». Что-то ёкнуло у меня в груди.

9.

Провожатый повёл нас прочь от взлётно-посадочной площадки по тропинке, которую я вначале не заметил. Тропка, аккуратно выложенная гравием, исчезающей лентой вилась сквозь заросли бузины и молодого подлеска. Мы пересекли миниатюрный горбатый мостик, перекинутый через ручеёк, и двинулись дальше.

Первое строение буквально выросло перед нами из лесной чащи. Это был двухэтажный коттедж, отстроенный по последнему слову современного архитектурного искусства. Чуть поодаль я заметил ещё пять-шесть таких же домиков. Они уютно примостились под сводами гигантских сосен и идеально гармонировали с окружающей естественной средой, ничуть не нарушая её покой и первозданную красоту.

Те двое напыщенных стариканов, что за всю дорогу не проронили ни слова, далеко оторвались от нас и уверенно шагали к одним им известной цели. Они неплохо ориентировались на местности, из чего я заключил, что они здесь не впервые. Постоянные клиенты, решил я, VIP-персоны, шишки особой важности, пупыри на ровном месте, которые на мелочь вроде нас, простых смертных, смотрят исключительно сквозь бронированные стёкла своих очков.

Наш попутчик остановился у одного из коттеджей.

– Мы на месте. Это ваш участок. Располагайтесь.

Точка, участок – что за терминология у этого типа!

– И это всё наше? – спросила Лена, зачарованно смотря на это чудо архитектуры.

– Полностью в вашем распоряжении. Все удобства. Вы останетесь довольны. Более подробные инструкции получите у вашего куратора. Он сам вас найдёт. А пока можете отдохнуть с дороги. Всё необходимое для отдыха вы найдёте внутри.

За всё время нашего кратковременного знакомства он ни разу не улыбнулся. Ни разу не проявил хоть какой-нибудь эмоции. Не разу не изменил тембр голоса, ни на йоту не повысил его громкости. Робот какой-то, а не человек. Впрочем, я слишком пристрастен к нему. Просто хорошо вышколенный сотрудник *точки*, чётко выполняющий свои функции.

– А ключи? – спросил я.

– Здесь нет замков. Не от кого запирать.

Не простившись, он повернулся и пошёл по тропинке назад, к вертолёту. А я так и не узнал, как его зовут.

Первым делом мы обследовали свои новые хоромы. Пять комнат с полной обстановкой (телевизор, DVD-плейер с набором фильмов, компьютер, камин, добротная и удобная мебель), кухня (холодильник, микроволновка, посудомоечная машина, кофейный автомат), ванная, два туалета, обширная терраса на втором этаже. В каждом помещении – кондиционер. В холодильнике – полный набор свежих продуктов. Словом, шикарное гнёздышко.

– Нехилое местечко, – подытожил я. – Жить можно.

– Ха! Нехилое! – воскликнула Лена. – Да здесь просто великолепно!

Она с разбегу плюхнулась на широкую двуспальную кровать и буквально утонула в пуховой перине.

– Ух!.. – Других слов у неё уже не было.

Я последовал за ней…

Куратора звали Павлом. Он появился через полчаса после нашего водворения в коттедж и являл собой полную противоположность нашему бесстрастному, немногословному провожатому. Павел был сама обходительность и предупредительность: на все наши вопросы, даже ещё не заданные, у него всегда был готов ответ, он охотно, с дружелюбной улыбкой, давал нам необходимые разъяснения, провёл небольшую экскурсию по нашим хоромам, показал, что, где

и как включается. Дал необходимую информацию по устройству пансионата. И при этом ни тени подобострастия. Что ни говори, школа высшего разряда.

Пансионат состоял из двух десятков коттеджей, подобных нашему, и нескольких более крупных строений общего пользования, в которых размещались зал для боулинга, дискотека, бильярдная, два бара, ресторан, казино. В подземной части одного из строений была обустроена сауна. Имелись также теннисный корт, бассейн, тренажёрный зал и ещё много всего, чего сразу и не запомнишь. В дальнем конце пансионата хоронилось лесное озеро. С сюрпризом, многозначительно заметил наш куратор.

– И вот ещё что, – добавил в заключение Павел, растягивая в улыбке рот до самых ушей. – Здесь ни за что не надо платить, всё уже оплачено. Сауна, боулинг, бары, ресторан – всё это бесплатно. В ресторане у нас, кстати, шведский стол, питание круглосуточное. А если хотите перекусить на скорую руку, то в холодильнике есть всё необходимое.

– Ну прямо-таки коммунизм, – сказал я. – В отдельно взятом лесном массиве.

– Не совсем. Здесь работать не надо. Отдыхай – не хочу.

Он откланялся.

– Если буду нужен – звоните. – Он сунул мне в руку мобильник.

– Спасибо, у меня свой.

Он мотнул головой.

– Этот особенный. Взгляните. – Я взглянул. – Видите, здесь нет кнопок с цифровым набором. Всего две кнопки: зелёная – вызов, красная – сброс. Жмёте зелёную – и я к вашим услугам, хотите отключиться – жмёте красную. Аппарат настроен на связь только с вашим куратором, то есть со мной. Очень удобно, знаете ли. А ваш мобильник можете запрятать, куда подальше. Сотовая связь в этой зоне не работает. Только наша, внутренняя.

Я с интересом разглядывал аппарат.

– Удобно, – подвёл я итог и сунул мобильник в карман.

– Да, и не забирайтесь далеко в лес. Заблудитесь.

Мы с Леной многозначительно переглянулись. Это мы-то заблудимся!

Павел ещё раз откланялся и вышел.

Не успел я опомниться, как Лена повисла у меня на шее.

– Как здесь здорово! – завизжала она. – Какой ты молодец! И как это тебя угораздило такую путёвку отхватить, а?

– Сам не знаю. Ну что, на разведку?

Она быстро-быстро закивала.

10.

Если смотреть на территорию пансионата сверху, с борта гипотетического вертолёта или самолёта, то разглядеть сквозь плотные кроны деревьев какие-либо строения вряд ли удастся. Наверняка я этого, конечно, не знал, но мне почему-то казалось, что при возведении пансионата эта особенность расположения комплекса играла не последнюю роль. Одним словом, маскировка самого высокого уровня.

И при этом никаких заборов. Ни заборов, ни запоров.

Уютные аллейки, веером расходящиеся от главного здания, в котором располагались основные источники увеселений, включая ресторан и боулинг. Несколько фонтанов с золотыми рыбками (фонтаны в дремучем лесу!), ухоженные клумбы, миниатюрные беседки в ретро-стиле, увитые плющом, аккуратно подстриженный газон и кустарник вдоль гравиевых дорожек, уютные скамейки, утопленные в густой зелени – всё это слишком напоминало старинную помещичью усадьбу конца девятнадцатого столетия, куда в старое доброе время обычно стекались мелкопоместные дворянчики и где в поисках истинно русского пути била баклуши провинциальная интеллигенция.

Здесь совсем не было комаров. Ни комаров, ни какой-либо другой мошкары. И это несмотря на дремучий лес вокруг. Как они этого добились, ума не приложу.

Нашли мы и лесное озеро, о котором вскользь упомянул Павел. Наткнулись на него совершенно случайно. Рыскали по территории, как две голодные ищейки в поисках приключений, и вышли на прямую, как стрела, аллею, которая рассекала два ряда древних лиственниц, посаженных здесь, по-видимому, ещё в эпоху крепостного права. Аллея внезапно обрывалась как раз на берегу озера. Более живописного уголка я не видел уже давно. Но не само озеро поразило нас.

В его центре высился небольшой островок, буйно заросший тропической растительностью. Несколько самых настоящих пальм, магнолий и пышно цветущих олеандров были перевиты лианами, свисавшими до самой земли, крохотная бамбуковая рощица гармонично дополняла этот странный, неуместный здесь пейзаж. Мне даже показалось, что из листвы магнолии высунулась обезьянья морда и, заметив нас с Леной, оскалилась в ироничной гримасе.

– А вот это, действительно, сделано с размахом, – одобрительно кивнул я. – Впечатляет.

– Да как же это возможно? – удивлённо пожала плечами Лена. – В нашей полосе эта экзотика жить не может. А зимой она просто-напросто вымерзнет.

– Видно, под островом мощная система подогрева имеется, – предположил я. – С наступлением же холодов чем-нибудь всё это накрывают. Каким-нибудь прозрачным колпаком.

– Какую же уйму деньжищ во всё это угрохали! – ахнула Лена.

– Да, господа олигархи умеют шиковать, это факт. Но всё равно, здорово сделано. Кусочек тропиков в дремучих тверских лесах – это, согласись, стильно. Неплохая, кстати, тема для рекламной кампании.

– Ты всё о работе, – упрекнула меня Лена. – Забудь, мы же в отпуске.

– Уже забыл, – улыбнулся я и привлёк её к себе.

В тот же день мы сходили в баньку. Попарились от души. Уставшие, разомлевшие, кое-как доползли до коттеджа и упали в нашу шикарную двуспальную кровать.

Такой крепкий, безмятежный сон, наверное, бывает только у младенцев.

Наутро сходили в ресторан, отведали изысков тамошней кухни. Зашли в кегельбан – так, ради интереса, посмотреть, как вальяжные престарелые толстосумы катают тяжёлые шары в бессмысленных попытках свалить как можно больше кеглей.

– Пошли отсюда, здесь пахнет плесенью и нафталином, – потянул я Лену за рукав. Произнёс я это достаточно громко, хотя и без всякого умысла. Меня услышали: несколько человек повернулось в нашу сторону. Их каменные лица не выражали ничего, даже презрения.

– Здесь пахнет большими деньгами, – громким шёпотом поправила меня Лена, ступая следом за мной к выходу.

– Запах примерно тот же, – подытожил я. Хотя больших (действительно больших) денег нюхать мне никогда не приходилось. И вряд ли придётся. О чём нисколько не жалею.

Боулинг, в принципе, игра неплохая, но стереотип, сложившийся у меня в мозгу, мешал мне объективно воспринимать её. Для меня это была игра исключительно для «новых русских», бандитов и толстосумов, наживших свои миллионы путём далеко не самым праведным. Впрочем, большие деньги у нас на Руси праведным путём вряд ли наживёшь.

Мы посетили ещё несколько злачных мест, побывали даже в казино. И с каждым таким посещением я всё больше и больше убеждался, что мы здесь чужие. Случайные прохожие, перед которыми по ошибке открыли дверь в другой мир. Я знал: Лена думает так же. В этом мы были с ней единодушны.

– Ну всё, хватит, – категорически заявила она к исходу второго дня. – Так и жиром заплыть недолго. Тем более, что нам здесь не очень-то и рады. Завтра идём в лес. Ты как, Витенька?

– Обеими руками, – ответил я, пуская кольца табачного дыма в вечерние сумерки.

Мы сидели в беседке неподалёку от нашего коттеджа и лениво потягивали пиво. Солнце уже село, день неуклонно катился к своему концу, на безоблачном небосводе, ещё светлом, но уже подёрнутом предчувствием надвигающейся тьмы, замелькали бледные звёзды. По аллеям поползли чёрные тени.

К пиву я относился так себе, без особого пристрастия, скорее равнодушно, чем с любовью, да и Лена не была большой охотницей до этого напитка, но иногда мы любили посидеть вот так, вдвоём, где-нибудь на природе или, на худой конец, дома, перед телевизором, с бутылочкой хорошего (лучше тёмного) пивка, да с воблочкой, да с сигареткой… Редкие минуты безмятежного удовольствия, когда все повседневные заботы, все мысли, все неурядицы тают подобно прошлогоднему снегу под ярким солнцем весеннего дня.

Утром мы покидали кое-какие пожитки в рюкзак (я предусмотрительно захватил его с собой), изрядно опустошили холодильник и двинулись в путь.

11.

Лес встретил нас свежестью, прохладой и предвкушением тайны. Лес всегда хранит в себе тайну, тайну вечности и круговорота жизни, тайну былых эпох и иной реальности, тайну, которая испокон века влечёт к себе первопроходцев и искателей приключений. Ожидание чего-то нового, доселе неизведанного влекло под его сень и нас с Леной.

Мы шли наобум, выбрав случайное направление. Заблудиться я не боялся: во-первых, за плечами был богатый опыт лесных походов, да не где-нибудь, а в самой настоящей сибирской тайге, где неделями можно было не встретить людского жилья, а во-вторых, у меня был компас.

Лена была счастлива. Она вся светилась от возбуждения, в глазах плясали озорные чёртики, а с языка не сходили восторженные междометия. Снова оказаться в родной стихии, в мире естественной гармонии и божественного порядка, где человеческое присутствие и разрушительная поступь технического прогресса ещё не дали о себе знать, всегда было пределом её мечтаний. Это был её мир. Её и мой. Просто не представляю, как на её месте, на месте моей маленькой очаровательной супруги, могла бы оказаться другая женщина, равнодушная к такой жизни. Нам достаточно было просто ходить по этому лесному бездорожью, без конкретной цели и плана, продираться сквозь кустарник и разнотравье, пересекать овраги и лесные ручьи, в короткие минуты отдыха наблюдать, как плещется у ног непуганая рыба в небольших озерцах, а тучи мошкары вьются над камышовыми зарослями, слушать многоголосье лягушачьих концертов и весёлый гомон лесных пичуг.

Через два часа мы устроили привал. Нашли лужайку, разожгли небольшой костерок, достали провизию, наскоро перекусили. Я сунул сигарету в рот и разлёгся на траве. Лепота!

И тут одна мысль пришла мне в голову. Я приподнялся на локте и спросил, не столько Лену, сколько самого себя:

– Интересно, а как они стройматериалы завозили? Кирпич, бетон, всю эту технику, инвентарь. Ведь дорог-то здесь нет. Ни дорог, ни подъездных путей, ни какой-нибудь задрипанной узкоколейки. Сплошная глушь.

Лена пожала плечами и сморщила свой хорошенький носик.

– Да, вопрос на засыпку. Не знаю, что и сказать.

– То-то и оно. Неувязочка какая-то получается. Отгрохать такой комплекс без отлаженного подвоза стройматериалов невозможно. Это факт.

– А вертолёт? Ведь нас-то на вертолёте доставили.

Я категорически замотал головой.

– Отпадает. Видела вертолётную площадку? Там кроме того игрушечного геликоптера ничто больше не сядет. Деревья мешают. Слишком тесно для грузового вертолёта.

– Ну тогда я не знаю. Разве это так важно?

– Да нет, это я так, в принципе. Не люблю, понимаешь, когда что-то не сходится. Чувствую себя последним идиотом.

– А ты выбрось это из головы и чувствуй себя наипервейшим мудрецом.

– Легко сказать.

И тем не менее я последовал совету Лены и постарался выкинуть из головы эту шараду. Сейчас она мне не под силу, а потом, глядишь, разгадка придёт сама собой.

Мы снова двинулись в путь. Лес постепенно стал меняться. Всё чаще стали попадаться овраги, которые приходилось обходить стороной либо форсировать напролом. На дне одного из них, в молодой поросли крапивы и иван-чая, мы нашли ключ с чистейшей родниковой водой. Напились вволю, пополнили запасы воды (у меня имелась вместительная армейская фляга) и отправились дальше, навстречу неведомому.

В час пополудни мы остановились на очередной привал. Я видел, что Лена уже изрядно устала, хотя силёнок в этом хрупком теле было ещё предостаточно. Я это знал по прошлым нашим походам.

– Ну как, поворачиваем назад?

– Сколько там натикало?

– Час.

Она что-то прикинула в уме.

– Давай примем компромиссное решение. Сделаем крюк и вернёмся в лагерь с северной стороны. Где-нибудь к шести будем на месте. Идёт?

Она употребила слово «лагерь» как наиболее привычное в нашем лексиконе.

– Идёт, – кивнул я. – Устала?

Лена обиженно фыркнула.

– Обязательно надо какую-нибудь пакость сказать, да? Но всё равно спасибо. За заботу.

Она улыбнулась и чмокнула меня в щёку. Признание в усталости было для неё равносильно признанию в собственной беспомощности и никуда-не-годности. А этого гордая девочка себе позволить никак не могла.

Я определил по компасу направление, и мы двинулись дальше. Однако не прошло и десяти минут, как мы вынуждены были остановиться. Впервые за эти несколько часов мы наткнулись на следы пребывания человека. Это было кострище, неведомо когда и кем оставленное здесь.

– Выходит, мы не одни бродим по этим нехоженым дебрям, – сказала Лена.

Но я не слушал её. Нарастающая тревога поднималась откуда-то из глубин моей души. Я нагнулся и пощупал угли рукой. Они были ещё тёплыми. Я резко встал и огляделся. Так и есть! Холодный пот прошиб меня с головы до самых пят.

– Это наше кострище. Мы жгли здесь костёр два часа назад. Угли ещё не остыли.

– Не может такого быть, – категорически заявила Лена. – Мы всё время шли по прямой, строго на запад.

– Не может, – согласился я. – Но это так. Это то самое место. Видишь ту поваленную берёзу? А это дупло? Я ещё оставил в нём пустую пачку из-под сигарет. – Я приблизился к дуплу и сунул в него руку. – Вот она.

Это была смятая пачка из-под «Парламента».

В глазах Лены мелькнул испуг.

– Что-то мне всё это не нравится. Ты сверялся с показаниями компаса? – Я кивнул. – Компас же не мог сломаться?

– А что с ним может случиться? Магнитная стрелка на стальной игле – вот и вся премудрость. Его может вывести из строя только сильное магнитное поле. Но компас здесь не причём. Я отлично помню, что мы никуда не сворачивали.

– Мы никуда не сворачивали, – подтвердила Лена.

– Мистика какая-то. Я слышал, что существуют такие аномальные зоны, где всё шиворот-навыворот, но никак не ожидал, что мы можем попасть в такую же. Хотя это ещё не факт. Может, объяснение где-то на поверхности, мы просто его не видим.

– Давай выбираться отсюда, Витенька, – сказала Лена. – А объяснения будем искать потом. Нам ещё около двадцати вёрст плутать по этому лесу, и неизвестно, как быстро мы решим эту задачу.

– Будем выбираться.

Я внимательно оглядел окрестности, пытаясь воскресить в памяти направление, откуда мы вышли к этому месту в первый раз. По некоторым мелким деталям ландшафта мне это в конце концов удалось.

– Мы пришли с той стороны, – с уверенностью указал я рукой нужное направление. – Туда и пойдём.

Прежде чем двинуться в путь, я решил свериться с показаниями компаса. В такой дурацкой ситуации полагаться только на собственную память было рискованно.

Нам следовало двигаться строго на восток. По крайней мере, этого требовала элементарная логика: от пансионата до этого места наш путь лежал в западном направлении.

Однако стрелка компаса показывала иное направление, градусов на шестьдесят левее избранного.

12.

– Что за чёрт!

Я тряхнул компас, но стрелка осталась верна своему первоначальному положению.

– Что-то не так? – встревожилась Лена.

– Компас… будь он неладен!

Я попытался взять себя в руки. Сейчас я больше доверял своему чутью, чем этой пластмассовой коробке со свихнувшейся стрелкой. В сердцах я сунул компас в карман.

– Идём туда, – кивнул я в ту сторону, откуда, как я полагал, мы пришли с самого начала.

Лена ухватила меня за руку и послушно пошла рядом, тем самым давая понять, что полностью полагается на моё решение. Через сто метров я не удержался и снова достал компас. Теперь стрелка показывала диаметрально противоположное направление.

Я криво усмехнулся.

– Похоже на сильную магнитную аномалию. Где-то рядом, скорее всего под землёй, источник магнитного излучения… Вот попали! – Я зло сплюнул себе под ноги. – Ленок, ты как?

– Да ничего, в норме, – устало ответила она.

– Не вешай нос, малышка, выберемся. Мы и не в таких переделках бывали.

Не знаю, кого я хотел подбодрить больше, её или себя.

Прошёл ещё час. Мы молча двигались сквозь лесную чащу, строго придерживаясь прямой линии. Я то и дело оглядывался, сверяя наш маршрут с воображаемым вектором, привязывая его то к одному, то к другому ориентиру. Мне стало казаться, что мы проходим по уже знакомым местам, и это придало мне уверенности. Да и солнце, этот самый верный компас, теперь помогало нам: сойдя с точки зенита, оно стало медленно клониться к закату. Теперь, чтобы следовать выбранным маршрутом, мы должны постоянно иметь солнце за спиной. Сопоставив положение солнца с вектором нашего движения, я с радостью отметил их полное соответствие.

Лена вскрикнула от неожиданности.

– Смотри!

Увиденное заставило меня крепко выругаться.

Мы снова вернулись на старое место. К давно погасшему костру. Скомканная пачка от «Парламента» сиротливо валялась в траве.

– Мы движемся по кругу, – простонал я. – По заколдованному кругу. Но это невозможно!

Я готов был поклясться, что ни на йоту, ни на микрон не свернул с прямой линии!

– Что будем делать, Витенька? – упавшим голосом спросила Лена. Теперь она уже не скрывала своей усталости.

Я не знал. Не знал потому, что ничего не понимал. Бермудский треугольник какой-то! Однако надо было принимать решение. Тем более, что Лена, моя хрупкая спутница, вот-вот готова была сдаться. Кроме как на меня ей надеяться больше не на кого. Именно это, а не наше критическое положение, придало мне решимости.

Я нежно привлёк её к себе. Она удобно примостилась у меня на груди, как делала всегда, когда нуждалась в защите от житейских невзгод.

– Ничего, ничего, мы выберемся, – повторял я, гладя её по голове. – Верь мне, Ленок.

Мы снова двинулись в путь, по тому же маршруту. А через час в бессилии опустились на траву. Всё на том же месте, у потухшего костра.

– Попробуй связаться с лагерем. Может, Павел сможет нам помочь, – предложила Лена, вовремя вспомнив про мобильник, который оставил нам наш куратор.

Мысль показалась мне разумной. В памяти всплыло предупреждение Павла: сглазил, зараза! Или, может быть, знал что-нибудь? Я достал аппарат и вышел на связь. Павел ответил сразу же. Я вкратце объяснил ему нашу ситуацию. Он долго молчал.

– Далеко вы ушли? – наконец спросил он.

– Далеко. Вёрст пятнадцать.

Он опять замолчал. Мне показалось, что он с кем-то переговаривается – там, на том конце.

– Мне очень жаль, – вновь заговорил он, – но вам придётся выбираться самим. Я вас предупреждал. Мы ничем не сможем вам помочь. – И тут же дал отбой.

– Кретин! – выругался я и зашвырнул мобильник в кусты.

Лена поняла всё и без объяснений. Не стала задавать и ненужных вопросов. Только вся как-то сникла и совсем по-детски шмыгнула носом.

Я судорожно курил, перебирая в голове различные варианты спасения. Да, именно спасения, поскольку наше положение стало до абсурда неуправляемым. С тем же успехом можно было плутать по лесу с закрытыми глазами.

С закрытыми глазами… А может, так и следует поступить? Может, именно в этом и был единственный смысл? Идти, куда ноги сами поведут, поддавшись инстинкту, а не рассудку, вслепую, наугад? Там, где рушатся все законы логики, самым разумным будет действовать вопреки им. Пусть теперь иные законы, законы абсурда, ведут нас по этому бесконечному лесу.

Я рывком встал и подал руку Лене.

– Идём!

– Куда?

Я наугад ткнул пальцем в лесную массу.

– Туда! В конце концов, должно же где-то быть людское жильё. Ведь не на обитаемом же острове мы оказались!

Она покорно поднялась и молча последовала за мной. Бедная моя, бедная! Никогда ни на что не пожалуется, не попросит помощи. Как же я жалел её в эту минуту! Жалел и ещё больше любил.

Лес не кончался. Ни просвета, ни речушки, ни луга или пастбища, ни холма или просеки, всё одно и то же, всё та же зелёная стена – сплошной лесной массив, без конца и края, на много часов пути.

Лес изменился, стал враждебным, холодным. Из нашего старого, испытанного друга он вдруг превратился в бесстрастного чужака, за каждым кустом, в каждом овраге, в самом воздухе нам мерещилась теперь неведомая опасность, затаившаяся угроза.

Местность пошла под уклон, идти стало легче. Я не знал, радоваться этому или бить тревогу. Прошло уже два часа, как мы двигались по новому маршруту. Пока что надежду вселяло только одно: к погасшему костру мы больше не возвращались. Однако ясно было и другое: таким путём в пансионат мы вряд ли попадём.

Мы спускались всё ниже и ниже. Я стал опасаться, не забредём ли мы в итоге в какое-нибудь болото. Но почва оставалась сухой – в той мере, в какой она может быть сухой после прошедших накануне дождей. Успокаивало уже то, что вода под ногами не хлюпала.

– Ты как, Ленок? – то и дело спрашивал я. – Устала? Может отдохнём?

Она лишь молча качала головой и доверчиво смотрела мне в глаза. Порой улыбалась, стараясь меня подбодрить.

– Всё хорошо, Витенька. Идём дальше.

В шесть часов вечера мы вышли на заброшенную бетонку.

13.

Она завизжала от радости и бросилась мне на шею.

– Витенька, дорога! Помнишь, как ты мне обычно говорил?

– Каждая дорога всегда куда-нибудь ведёт. Помню, Ленок. Вот только пока непонятно, куда ведёт *эта* дорога. По ней как минимум лет пять уже никто не ходил. И не ездил.

Старая бетонка, действительно, являла собой плачевное зрелище. Наполовину занесённая прошлогодней листвой, в выбоинах и трещинах, она помимо всего прочего была совершенно непригодна для транспортного передвижения. Пронёсшаяся в последние годы череда ураганов натворила здесь немало бед: то тут, тот там дорогу преграждали поваленные стволы деревьев, некоторые из которых уже превратились в труху.

– Витенька, да какая разница! Дорога, даже заброшенная, всё равно куда-нибудь выведет. Это же аксиома. Вопрос в другом: в какую сторону идти?

– Хороший вопрос. Осталось только получить на него ответ.

Я почесал в затылке. Жест, испокон века означавший на Руси растерянность и нерешительность. Я не имел ни малейшего понятия, в какой точке Тверской губернии мы находимся. Как не имел понятия и о направлении, в котором нам следовало идти дальше.

Закрой глаза и смотри, – вспомнилась мне строчка из джойсовского «Уллиса». И опять та мысль, мысль идти наугад, вслепую, *с закрытыми глазами*, всплыла в моём мозгу. Именно ей мы следовали на последнем отрезке пути – и оказались на этой дороге. Шестое чувство, интуиция, древний инстинкт, прозрение… не знаю, как это назвать. Да и не в названии дело, главное – мы вышли в эту точку пространства, из которой выбираться было уже проще. Любая дорога имеет два направления, в отличие от леса, где их великое множество и все они равнозначны.

Я сбросил рюкзак, достал сигарету, закурил, сел на поваленный берёзовый ствол и закрыл глаза. Почувствовал, как Лена примостилась рядом. Молча, ни о чём не спрашивая.

Я ждал, когда придёт ответ, но, увы, никакого ответа, никакого голоса свыше, никакого знамения не услышал. Просто сидел с пустой головой и ждал. Минуту, две, может быть пять. Потом встал и сказал:

– Идём, Ленок. Нам туда. – Я указал пальцем в южном направлении.

– Ты уверен?

Уверен ли я? Этот вопрос для меня не стоял. Я начал действовать ещё до того, как понял, что выбор сделан. Решение пришло само собой, без моего участия. Я лишь послушно выполнял команды, которые посылало мне моё тело. А вот кто посылал команды ему, для меня оставалось загадкой. Поэтому говорить об уверенности в этой ситуации было лишено всякого смысла.

Однако Лену необходимо было подбодрить, и поэтому я кивнул.

– Абсолютно.

И вот мы снова в пути. Дорога шла всё время прямо, никуда не сворачивая. Безмолвный лес плотной однообразной стеной стоял по обе её стороны и лишь изредка вторгался на её территорию – там, где бетонное покрытие от времени разрушилось или ушло в мягкий, податливый грунт. И ни единого признака деятельности человека: ни обрывка бумаги, ни пустой пластиковой бутылки из-под «кока-колы», ни пивной банки, ни пачки из-под сигарет. Ни собачьего лая, ни петушиного кукареканья, ни звона бубенчика на шее у вожака коровьего стада, ни привычной деревенской кутерьмы со всем многообразием её звуков и запахов. Не было даже намёков на близость человеческого жилья. Странная это была дорога – словно какие-то неведомые космические силы по ошибке материализовали её здесь, вырвав из параллельного мира. А потом и нас, и эту дорогу, и весь этот лес взяли и зашвырнули на необитаемую планету.

Не знаю, сколько мы так шли – час или полтора. Но когда я взглянул на часы, то оказалось, что не более получаса. Я всегда остро чувствовал время и редко ошибался в его определении, даже не имея часов. Лена любила повторять, что мои внутренние часы никогда не дают сбоя и продолжают тикать даже во сне. Как в выключенном компьютере.

Сверить часы было не с чем: Лена принципиально их не носила. Спишем этот сбой на усталость, решил я. Чего уж скрывать: я действительно устал. Не от физических нагрузок – к ним я привык, а от неизвестности. В такую дурацкую ситуацию мы попадали впервые. И где! В двухстах верстах от столицы!

Местность вдоль дороги стала меняться. Лес поредел, в просветах между деревьями всё чаще стали попадаться поляны с молодой луговой порослью. То тут, то там мелькали крохотные пятачки лесных озёр, чистых, гладких, ещё не покрытых тиной. Мягкое майское солнце уже клонилось к горизонту. На душе стало веселей.

Изменился и рельеф. До сих пор ровный и гладкий, словно поверхность гигантского полированного стола, теперь он изобиловал пологими холмами, чередованием низин и возвышенностей. Мы взобрались на одну из таких возвышенностей, однако ничего нового для себя не обнаружили: всё тот же лес, те же холмы, та же бетонка.

– Стой! – Я схватил Лену за руку и остановился. – Ничего не слышишь?

Она прислушалась.

– Вроде гул какой-то. Будто из-под земли кто-то выбраться пытается, большой и тяжёлый.

– Большой и тяжёлый – это ты верно подметила. Только не из-под земли. Сюда кто-то едет, и, скорее всего, по этой самой дороге. – Я кивнул на бетонку. – Похоже на мощную бронетехнику.

Действительно, гул усиливался и теперь уже отчётливо носился в атмосфере. Земля дрожала, словно от тяжёлой поступи великана, вибрация передавалась ногам, сонным деревьям, траве, воздуху. Рябь обезобразила гладкое зеркало поверхности ближайшего к нам озерка.

Мы стояли посреди дороги, крепко взявшись за руки, и ждали. Вместе с гулом росло и наше напряжение. Я сказал Лене, что это бронетехника, дав источнику гула наиболее рациональное объяснение, но это могло быть всё что угодно. В этом странном лесу привычная логика переставала действовать.

И вот, наконец, с той стороны дороги, откуда мы пришли, показалась громада стального чудовища.

– Танк! – воскликнул я и облегчённо улыбнулся. – Это всего лишь танк, Ленок. Смотри, их там много! Да это целая танковая колонна!

Всё объяснилось очень просто. Колонна танков движется к месту своей дислокации. Или к месту учений. Неважно. Главное – логика восторжествовала, разум победил. Кроме того, это первые люди, с кем мы встречаемся с самого утра. У нас появился реальный шанс выбраться из этого заколдованного леса.

Однако Лена не разделяла моего оптимизма. Я видел, как напряжено её лицо, как пристально вглядывается она в надвигающуюся колонну.

– Странные какие-то танки, – сказала она. – Не нравятся они мне. Давай-ка лучше отойдём в сторонку.

Теперь и мне казалось, что с этими танками что-то не так. Они шли прямо на нас, я видел их только в лоб, однако и под этим углом зрения вполне мог разглядеть их контур и конструктивные особенности. Где-то я такое уже видел…

– «Тигры»! – вдруг осенило меня. – Ленок, это же немецкие «Тигры»! Времён Второй мировой войны.

– Вот именно. Это фашистские танки.

– Ну и что? Не думаешь же ты…

– Давай всё-таки отойдём с дороги, – предложила она.

Мы спустились с бетонки в придорожный кювет. Угол зрения несколько изменился, и теперь я мог отчётливо видеть фашистские кресты на корпусах танков. Стальные коробки были уже совсем близко. И вот первый танк поравнялся с нами.

– Смотри! – крикнула Лена, пытаясь перекрыть лязг гусениц о бетонное покрытие дороги, и ткнула пальцем в первый танк.

Над башней головного танка маячила фигура танкиста, мерно покачиваясь в такт движениям могучей машины. На фоне голубого неба ясно обозначился контур… фашистского солдата! Нет, это был не танкист, это был пехотинец: на голове – характерная каска, сотни раз виденная мною в фильмах о той войне, на груди – не менее характерный «шмайсер». Типичный фашист во плоти.

– Что за хрень такая, – пробормотал я, на всякий случай отступая под прикрытие придорожного куста и увлекая за собой Лену.

Однако фашист никак не реагировал на наше присутствие. Прошёл следующий танк, также увенчанный фигурой гитлеровского солдата, за ним третий, потом четвёртый… Всего я насчитал двенадцать «Тигров», и из люка каждого из них торчал фашист. Их взгляды были устремлены только вперёд, никто не обращал на нас никакого внимания. Танки шли новенькие, только что с конвейера, в деле ни разу ещё не участвовали – это было видно даже мне, дилетанту в таких делах. Свежая краска характерными маскировочными разводами покрывала броню, белые кресты яркими бельмами мелькали перед глазами.

Вот и последний, двенадцатый танк. На броне сидел молодой гитлеровец, совсем ещё мальчишка. К каске его, не по размеру большой, была приторочена свежая еловая ветка, на которой болталась зелёная шишка. Поравнявшись с нами, солдат чуть повернул голову в нашу сторону и встретился со мной глазами. Глазами обычного подростка, которого зачем-то упаковали в эту идиотскую форму.

Едва наши взгляды пересеклись, как сознание моё заволокло какой-то полупрозрачной дымкой – словно я смотрел на мир сквозь марево испарений, которые источает влажная земля в жаркий летний полдень. «Картинка» завибрировала, поплыла, затуманилась…

– Что с тобой? – прорвался сквозь марево голос Лены.

Я тряхнул головой. Осмотрелся. Хвост танковой колонны пылил уже метрах в ста от нас.

– Не знаю, – отозвался я. – Наваждение какое-то. Словно накатило что-то. Как странно этот паренёк смотрел на меня!..

– Какой паренёк?

– Да тот, на последнем танке. У него ещё ветка еловая из каски торчит. С шишкой.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Витенька, не было никакой ветки. И паренька не было. Там был офицер, гитлеровский офицер, немолодой, уже в годах.

Я уставился на неё, ещё не до конца уверенный, шутит ли она или у меня действительно крыша поехала. Похоже, не шутила.

– А, ну их всех в баню! – махнул я рукой. – От усталости привиделось, вот и всё объяснение. Не бери в голову, Ленок. От шума, от грохота, от солярки юнца желторотого с матёрым офицером спутал. Бывает.

– Бывает? А то, что фашисты запросто по нашим лесам на танках разъезжают, тоже бывает? – Она покачала головой. – Нет, Витенька, здесь одной твоей галлюцинацией дело не обойдётся. Здесь дело посерьёзней будет.

– А… – попытался я что-то возразить, но осёкся. Действительно, с немецкими танками какая-то неувязочка получается. Да что там неувязочка – откровенный бред. И тут меня осенило. Я рассмеялся.

– Да всё нормально, Ленок. Это кино, понимаешь? Самое обыкновенное кино. Фильм здесь снимают, про войну. Танки эти – обычная бутафория, а солдатики – актёры ряженые.

Она смотрела на меня во все глаза. И вдруг улыбнулась.

– Ну конечно же кино! Какой ты молодец, Витенька! Как всё хорошо объяснил.

А я поймал себя на мысли, что для человека важна, как правило, не сама истина, а лишь её популярная, понятная, доступная интерпретация. И пока он её не получит, он не успокоится. Я попытался найти объяснение тому, что мы сейчас увидели. Соответствовало ли оно факту, мы не знали. Однако иного объяснения у нас не было.

– Мы оказались в зоне киносъёмки, – продолжал я развивать свою мысль. – Потому-то здесь нет людей. Они даже территорию всю вылизали: ни обрывка газеты, ни пачки из-под сигарет, ни пустой банки из-под пива, ни пластиковой бутылки. Представляешь, что будет, если в объектив попадёт пустая бутылка из-под фанты?

Лена совсем развеселилась.

– Ага! Представь, сидит такой фашист на танке и хлещет фанту прямо из горлышка! Или пиво «Балтика», третий номер. Умора!

– Во-во! А в руках у него пачка «LM» с надписью «Минздрав предупреждает»!

Мы оба от души хохотали, совсем позабыв, в какой ситуации оказались. Танки тем временем укатили прочь, скрывшись за поворотом. Гул почти совсем затих.

– Нам надо найти съёмочную площадку, – сообразил я, когда к нам вернулась способность здраво рассуждать. – Там люди, они помогут нам выбраться.

Лена согласно кивнула.

– Идём за танками, – сказала она. – Они нас выведут.

– Верно. Только давай поторопимся, а то мы их упустим.

Мы снова выбрались на бетонку и быстро зашагали вслед ушедшей колонне фашистских «Тигров».

14.

– Они исчезли. – Лена в недоумении вертела головой. – Как сквозь землю провалились.

Танковой колонны, которую мы ожидали увидеть сразу же за поворотом дороги, не было. Ни металлического лязга гусениц, ни следов на бетоне, ни вони от сгоревшей солярки – никаких следов. Прямая лента дороги хорошо просматривалась километра на три вперёд, но она была абсолютно пустынна.

– Что за чёрт! – выругался я. Настроение у меня снова упало. – Куда же они подевались? Не в лес же они свернули!

А, собственно говоря, почему бы и нет? Наверняка события фильма разворачиваются в этих лесах, потому и искать их следует где-то здесь, поблизости.

– Ищи следы от гусениц, Ленок. Думаю, они всё-таки свернули.

Мы принялись рыскать вокруг дороги в поисках хоть каких-нибудь следов. Должны же их оставить двенадцать танков (или их имитация – неважно) в девственном лесу! При этом мы отлично понимали всю абсурдность поисков. Если бы здесь прошли танки, мы бы давно это увидели. Дюжина танков в лесу – это вам не иголка в стогу сена!

– Глянь-ка! – воскликнула Лена. – Дорога!

Это была старая заброшенная (как и всё в этом лесу) грунтовая дорога. Под острым углом она уходила влево от бетонки и терялась в густом ельнике. Обе её колеи давно уже поросли травой, в некоторых местах скопилась влага, образовав полупересохшие лужи. Здесь не то что колонна танков – велосипед уже лет двадцать не проезжал. Нет, эта забытая дорога нам ничем не поможет. Впрочем… что это там?

В левой колее, почти полностью скрытое молодой порослью, что-то лежало. Что-то круглое, правильной формы. На камень не похоже. Я нагнулся, раздвинул руками траву. Старая, местами проржавевшая немецкая каска. Совсем непохожая на те, что грозно сверкали на головах гитлеровских солдат, которых четверть часа назад мы видели в составе танковой колонны. Эта ржавая жестянка лежит здесь как минимум полвека. Да нет, больше: немцев погнали от Москвы в сорок первом.

Я забросил её далеко в кусты. Ненужный архаизм. Нам от него никакого проку.

– Что же делать? – растерянно сказала Лена, проследив взглядом за траекторией улетевшей каски.

То же, что мы делали и раньше, – мысленно проговорил я, – искать выход. Но вслух озвучивать эту банальную сентенцию не стал. Зачем? Проблемы она всё равно не решает.

Закрой глаза и смотри, – вновь вспыхнула в сознании джойсовская фраза. Закрыть глаза и не мешать внутреннему оку выбирать единственно верное направление. Всевидящее око души не может ошибиться. Таков смысл этой гениальной строчки, внезапно пришедший мне на ум из недр подсознания.

Положись на интуицию, – перевёл я её на общепонятный язык. – Следуй её велениям.

Я прислонился спиной к берёзовому стволу и зажмурился. Попытался настроиться на приём информации из космоса (или откуда ещё она там поступает). Но так ничего и не увидел…

– Вить, ты чего? – испуганно спросила Лена, тронув меня за рукав.

– А? Что? – Я открыл глаза. – Что-нибудь случилось?

– Ты стоишь, не шелохнувшись, уже минут десять.

Я обвёл лес ошалелым взором. Тряхнул головой. Неужели десять? Мне показалось, пролетело лишь одно мгновение.

– Ты меня пугаешь, – сказала Лена.

– Всё нормально, Ленок, – улыбнулся я и ткнул пальцем в сторону лесной чащи, где терялась заросшая весенней зеленью лента грунтовой дороги. – Нам туда.

Она вопросительно посмотрела на меня. А я привлёк её к себе и шепнул в самое ухо:

– Танки ушли в ту сторону. Идём, родная. Здесь недалеко.

Я *знал*, что нам туда, хотя и понимал, что это противоречит всякой логике. Джойсовский рецепт работал, но как именно, это оставалось для меня загадкой. Отключив на несколько минут сознание, я получил нужную информацию. Это всё, что я понял.

Верую, потому что абсурдно. Этот парадокс Тертуллиана стал для меня вторым откровением за последние четверть часа.

Мы вновь углубились в лес, сойдя с удобной и просторной бетонки. Заблудиться мы не боялись. Дорога, по которой лежал наш путь, хорошо просматривалась под слоем весенней травы, ещё не достигшей июльского буйства. В случае нужды, мы легко могли выбраться по ней обратно на бетонку.

Через четверть часа лес расступился, и мы оказались на самом краю маленькой лесной деревушки.

Это была мёртвая деревня. Проделав свою разрушительную работу, время замерло здесь навсегда. Огненный смерч войны пронёсся над этим местом более шестидесяти лет назад, оставив после себя следы пожарищ, холодные остовы домов, обуглившиеся скелеты деревьев, пересохшие колодцы – и мёртвую тишину. И ещё танки. Два фашистских «Тигра», один в дальнем конце деревни, второй совсем рядом.

Молча, крепко сцепившись пальцами рук, мы зашагали по этой странной деревне. Под ногами скрипела спрессованная временем зола, перемешанная с битым стеклом и костями. Изредка попадались человеческие тела, иссохшие, мумифицированные, обтянутые пергаментной кожей, облачённые в полуистлевшую одежду, с выеденными Хроносом внутренностями, застывшие в неестественных позах, некоторые – всё ещё сжимавшие костяшками обескровленных пальцев охотничьи ружья и автоматы.

Когда-то здесь произошёл страшный бой. Трудно сказать, как именно развивались те далёкие трагические события. Скорее всего, в деревню вошли немецкие танки (каратели?), однако встретили мощный отпор партизан. Деревня умерла в тот же день и час, когда прогремел последний выстрел – и с тех пор больше не возрождалась. Выпала из истории, вычеркнута из мирового процесса. За долгие десятилетия сюда так и не ступила нога современного человека.

Из-под наших ног вздымались фонтанчики пересохшей чёрной пыли. Звук шагов тонул в этом неестественном безмолвии, будто кто-то большой и всемогущий увернул регулятор громкости до нуля. Лена шла, зажав ладонью рот и выпучив глаза от ужаса. Гигантская братская могила давила на мозг, словно призраки когда-то погибших здесь людей всё ещё витали над этим местом в поисках вечного упокоения, но так и не находили его. Их незримое присутствие ощущалось всеми фибрами души, каждой клеточкой кожи, проникало в кровь с каждым вдохом, с каждым толчком сердца.

– Уйдём отсюда, – произнесла она, но я не услышал её, а лишь прочитал сказанное по губам.

Я кивнул, и мы поспешили назад. Вот и окраина деревни. Звук постепенно возвращался в мир – под ногами снова захрустело стекло вперемешку с истлевшими костями. Мы как раз проходили мимо ржавого немецкого «Тигра» со свёрнутой на бок башней. Я невольно задержал взгляд на фашистском танке.

Из люка торчал скелет гитлеровского солдата с каской на черепе. Он был обращён к нам в профиль, и я хорошо разглядел притороченный к его каске остов еловой ветки, на которой болталась старая, вылущенная временем шишка.

Я судорожно проглотил комок, образовавшийся в горле, и прибавил шагу.

– Он смотрит на нас, – сдавленно прошептала Лена.

– Кто?

Я обернулся и проследил за направлением её взгляда. Круглыми немигающими глазами она смотрела на скелет фашиста с еловой веткой на каске. А тот уставился на нас пустыми глазницами и словно провожал мёртвым взглядом с дальнего берега Стикса. Внутри у меня всё сковало ледяным холодом.

– Ч-чёрт! – выругался я. – Быстрее, Ленок! Уходим!

Я схватил её за руку и поволок от этого проклятого места…

15.

И вновь мы шагаем по бетонке. Уставшие, опустошённые, окончательно выбитые из колеи привычного рационального восприятия мира, молча топаем прежним маршрутом. Изредка перекидываемся взглядами, пытаясь прочесть в глазах друг друга, не приснилось ли нам всё это, не игра ли это нашего воспалённого разума, соскочившего с проторенной орбиты, не стали ли мы жертвой какой-то мощной массовой галлюцинации?

Наконец Лена решила нарушить молчание.

– Он смотрел на нас. Ты видел?

Я кивнул. В том-то вся и проблема, что видел. А за полчаса до этого я видел *его* в полном здравии, совсем ещё юнцом – тогда он тоже смотрел на нас, мерно покачиваясь в люке грохочущего танка.

– Что это было, Витенька?

– Мы попали в зону какой-то необычной временной аномалии, – попытался объяснить я всю эту чертовщину. – Прошлое, настоящее и будущее пересеклись здесь в одной точке, спутались в единый узел. С научной точки зрения это выглядит вполне разумно.

Лена долго молчала. Однако я видел, что что-то тяготит её, что-то очень важное готово сорваться с её языка. И я догадывался, что именно.

– Витенька, – наконец не выдержала она, – а ты уверен, что мы всё ещё в настоящем?

Вопрос не в бровь, а в глаз! В том-то всё и дело, что не уверен. Но разве я имел право усомниться в этом?

– Брось, Ленок! – постарался я придать голосу бодрости. – Ты же видишь, лес совсем не изменился. Да и дорога та же самая. Вот увидишь, скоро мы выйдем к людям. К *настоящим* людям, а не к призракам. Моё шестое чувство подсказывает, что мы уже в конце пути. Интуиция меня ещё никогда не подводила.

Она вздохнула и ничего не ответила. Бедняжка! Как бы я хотел, чтобы всё уже было позади – не ради себя, а ради неё. Я-то выдюжу – мужик как-никак. А вот она, такая хрупкая, маленькая…

Вскоре дорога круто свернуло вправо. И сразу же за поворотом мы обнаружили новые следы человеческого присутствия, на этот раз вполне объяснимые. У самой обочины, на проржавевшем металлическом шесте, маячила покосившаяся табличка с полустёршейся надписью: «Военный объект. Проезд воспрещён». А чуть поодаль виднелись останки бетонной постройки, в своё время служившей, по-видимому, контрольно-пропускным пунктом. Покорёженный шлагбаум сиротливо уткнулся в землю и никого уже больше не мог остановить.

Это тупик. Если дорога упиралась в некий таинственный военный объект, то признаков цивилизации в этом направлении искать бесполезно. Вряд ли дорога, минуя объект, вела куда-нибудь дальше. Судя же по царившему здесь запустению можно было с уверенностью сказать, что и сама дорога, и военный объект давно уже оставлены человеком. Брошены на произвол судьбы. Вышвырнуты на обочину российской истории. Увы, на этот раз интуиция подвела меня: мы выбрали неверное направление. Я оказался прав только в одном: конец пути уже не за горами. Но только такого ли конца мы ожидали?

– Привал, – мрачно сказал я, сбрасывая рюкзак на траву и избегая взгляда моей супруги.

Лена молча опустилась возле рюкзака. Она всё поняла и без слов. Устала, бедная моя, хорошая. Устала, я хорошо это видел. Поникшая, без былого блеска в глазах, с тяжким бременем неизвестности на хрупких плечах. И ни одной жалобы, ни единого упрёка.

– Дай, пожалуйста, попить, – попросила она.

Я с готовностью протянул её флягу. Утолив жажду, она тихо сказала:

– Не расстраивайся, Витенька. Ты же сам говорил, что из любого безвыходного положения всегда есть выход. Здесь он тоже есть, просто нужно как следует поискать.

И она же ещё меня успокаивает! Я опустился рядом с ней и крепко прижал её к груди. Даже не видя её лица, я знал: она улыбается. Минутой позже, освободившись из моих объятий, она продолжила:

– Давай, пока выход ещё не нашёлся, прогуляемся вон по тем развалинам. Может, что-нибудь интересное найдём. А, Витенька?

– С тобой хоть на край света, – с готовностью отозвался я.

Увы, осмотр останков КПП ничего не дал. Голые, полуобвалившиеся стены с облупленной штукатуркой, пустые глазницы оконных проёмов, обломки мебели, горы мусора, пожелтевшие обрывки каких-то документов и газет. Я поднял одну из них. «Красная звезда», 15 мая 1990 года. Девятнадцать лет. Девятнадцать лет минуло с тех пор, как люди покинули эту территорию. Если эта газета, конечно, одна из последних, которые были здесь прочитаны.

Едва мы выбрались из развалин, как Лена внезапно остановилась. Настороженно принюхалась.

– Стой! Ничего не чувствуешь? Кажется, дымком потянуло.

Я последовал её примеру. И правда, едва заметно пахнуло палёной древесиной. Кто-то жёг костёр.

Словно заправская ищейка, она завертела головой, пытаясь уловить направление, откуда шёл запах. Затем повернула назад к развалинам КПП, миновала их, остановилась. Я едва поспевал за ней.

– Гляди! – крикнула она радостно, указывая пальцем в сторону леса.

Там, в лесной чаще, чуть заметной струйкой тянулся кверху лёгкий, эфемерный дымок.

– Есть! – крикнул я. – Вперёд, Ленок! Там люди!

Мы наперегонки бросились к источнику дыма. Миновав небольшой ельник, выскочили на лесную поляну.

Спиной к нам, у небольшого костерка, неподвижно сидел мужичёк. В немыслимой шапке, в старой телогрейке, из которой клоками торчала вата. Стоптанные, протёртые до дыр сапоги аккуратно стояли рядом. В руках – сучковатая палка, которой незнакомец ворошил горячие угли. Над костром висел закопчёный котелок, из которого вкусно тянуло незамысловатым варевом. А огонь тем временем весело потрескивал, пуская высоко вверх снопы искр.

Мы в нерешительности остановились, потом снова двинулись вперёд, на этот раз шагом. Человек у костра либо не слышал нас, либо делал вид, что не слышит.

Голову окутал какой-то туман – и тут же рассеялся. Осталось только одно:

Шагающий.

16.

Раньше Лена очень любила делать мне подарки. Она регулярно дарила мне какие-нибудь приглянувшиеся ей безделушки, которые покупала по случаю: зажигалки, брелоки, бумажники, авторучки, галстуки и так далее и тому подобное. К особо же торжественным событиям она преподносила мне более солидные презенты, заранее тщательно обдумывая эту важную процедуру.

На моё тридцатитрёхлетие она подарила мне шикарную электробритву фирмы «Филипс» самой последней модели. Уж где она её раздобыла, я не знаю: знатоки потом говорили, что это опытный образец и в широкое производство ещё не поступил. Я успел побриться ею только один раз, на следующее утро после того памятного дня рождения.

В тот же день, возвращаясь с работы, я попал в автомобильную аварию, вдребезги разбив наш новенький «ауди». Маленькая девочка выбежала на проезжую часть как раз перед моим авто и, испуганная видом гигантского стального чудовища, несущегося прямо на неё, замерла у меня на пути. Руки сами резко крутанули руль вправо, и я на полной скорости влетел в бетонный забор. Последнее, что я успел увидеть, – это широко распахнутые глазёнки девочки, живой и невредимой, крепко прижимавшей тоненькими ручонками к груди плюшевого Винни-Пуха.

В себя я пришёл только на третий день. В больнице. И сразу же увидел Лену. Она сидела возле моей койки и не отрывала от меня пристального взгляда, словно зная, что я очнусь именно в этот момент. Тогда я ещё не знал, что все трое суток она бессменно провела у моего изголовья и покрасневшими от бессонницы глазами жадно ловила тот миг, когда сознание вновь вернётся ко мне. И ведь дождалась!

– Милый, любимый, – прошептала она чуть слышно и нежно поцеловала меня в пересохшие губы.

Позади неё я увидел ещё одну женщину, как оказалось, мать той самой девчушки, которая чудом не попала под колёса моей машины. В глазах её стояли слёзы. Робко приблизившись ко мне, она положила на мою подушку букет пахучих полевых цветов.

– Спасибо вам, Виктор.

Из-за её спины внезапно вынырнула и сама девчушка.

– Простите меня, дяденька. – И положила рядом с букетом плюшевого Винни-Пуха. Того самого.

Лена наблюдала за этим изъявлением благодарности, молча улыбалась, шмыгала носом и украдкой смахивала набегавшие на ресницы слезинки.

Врачи заявили, что я родился в рубашке. За исключением сильного сотрясения мозга я отделался всего лишь несколькими ссадинами и царапинами. Ни одного перелома, ни одной более или менее серьёзной травмы. И это притом, что машина в результате аварии сложилась буквально в гармошку.

В больнице я провалялся две недели. По истечении этого срока мне сказали, что с головой у меня всё в полном порядке, – и выписали.

Именно после этого случая у меня перестали расти волосы, причём не только на голове, но и на лице. Я перестал ходить в парикмахерскую, а бритву фирмы «Филипс» запрятал в самый дальний угол. За ненадобностью. То же самое произошло и с ногтями: за все эти годы они не выросли ни на миллиметр.

С тех самых пор Лена перестала дарить мне подарки.

17.

– Шагающий? Почему шагающий? – прошептала Лена.

– Что? – не понял я.

– Ты сказал – шагающий.

– *Я* сказал?

– Ну да. Почему ты так его назвал?

Я готов был голову дать на отсечение, что ничего не произносил вслух. Или всё-таки произнёс?

Я пожал плечами. Откуда мне знать, почему я так сказал!

– Так, стрельнуло что-то в голову, вот и сказал первое, что пришло на ум.

Она внимательно посмотрела на меня и ничего не ответила.

Мы были уже в двух шагах от костра.

– Присаживайтесь к костру, люди добрые, – пригласил нас мужичёк, продолжая сидеть к нам спиной.

– Здравствуйте, – сказала Лена, первой последовав его приглашению. Я присел рядом на берёзовый ствол. – Мы тут заблудились. Подскажите, пожалуйста, как нам выбраться к какому-нибудь жилью.

Мужичёк не удостоил её ответом. Он в упор смотрел на меня.

– Долгонько же ты добирался сюда. Ох, долгонько…

Он был смугл, горбонос, с копной чёрных, как смоль, вьющихся волос и такой же чёрной ассирийской бородой. Густая шевелюра, которая могла бы стать предметом зависти любой модницы, никак не вязалась с измождённым лицом, на котором время и жизненные невзгоды отложили свою неумолимую печать. Всё лицо и шея были изрезаны глубокими бороздами морщин, глаза смотрели из запавших глазниц с прищуром, с какой-то скрытой иронией и до того пронзительно, что я невольно чувствовал себя раздетым под его взглядом. Свободная от растительности часть лица была гладко выбрита, причём совсем недавно. Возраст его определить я бы не взялся, но то, что он стар, сомнений не вызывало. Весь облик незнакомца выдавал его семитское происхождение.

Нехитрый скарб в беспорядке был разбросан по траве: большая холщовая сумка, видавшие виды сапоги, несколько предметов алюминиевой посуды со следами костровой копоти, пара банок тушёнки в промасленной обёртке, полбуханки чёрного хлеба, завёрнутой в полиэтилен, несколько луковиц, пара помидоров, шмоток сухой колбасы… и едва початая бутылка дорогого армянского коньяка. Бритвенный станок («жиллет») с помазком, зубная щётка, тюбик зубной пасты («бленд-а-мед»), кусок мыла, рулон туалетной бумаги лежали отдельно, аккуратно упакованные в прозрачный пакет. Похож вроде на бомжа, решил я, но некоторые предметы его походного скарба явно не соответствовали облику среднестатистического российского бродяги начала третьего тысячелетия от рождества Христова. Тот же коньяк, например. Откуда, спрашивается? Может, свистнул где-нибудь? Или смуглая синева гладко выбритых щёк. Бомжи, насколько я знал, бритьём сильно не злоупотребляют. В общем, если не считать поношенной, в заплатках, одежды, он выглядел весьма цивильно и вполне даже ухоженным. Смущало меня и кое-что другое: бомжи обычно вертятся около человеческого жилья, как правило, в больших городах, в местах скопления людей, там, где можно чем-нибудь поживиться. Здесь же кругом был лес.

И ещё этот запах: от старика исходил тонкий аромат туалетной воды, причём не самой дешёвой. От бомжей так не пахнет. От бомжей вообще не пахнет, от них воняет.

– Подскажите, как нам отсюда выбраться, – повторил я вопрос Лены.

– Угости сигареткой, добрый человек, – вместо ответа попросил он.

Я бы сейчас многое ему отдал, лишь бы получить нужные нам сведения. Сунув руку в рюкзак, вынул непочатую пачку «Парламента». Я всегда с избытком запасался куревом, когда отправлялся в поход. Я вполне мог обходиться без пищи, воды, тёплой одежды, но без достаточного запаса сигарет – никогда. Тут уж ничего не поделаешь – пагубная привычка.

– Забирайте всю, у меня ещё есть.

– Благодарствую. – Он принял пачку как должное, и хотя на словах выразил благодарность, в его тоне таковой я не услышал. Сложный, видать, старикан.

– Значит, заплутали, – сказал он, с наслаждением затягиваясь. – Это хорошо.

– Да уж хорошего мало, – сказала Лена. – Вы лучше помогите нам. Хотите, мы вам денег дадим.

Он снова проигнорировал её. Словно и не было её здесь вовсе. Меня это задело.

– Ладно, дед, хватит тянуть резину, – сменил я тон на более грубый. – Укажи нам дорогу, и мы пойдём. Некогда нам с тобой лясы точить.

Он неожиданно улыбнулся. Рот его был полон крепких белых зубов – прямо хоть сейчас на рекламный плакат зубной пасты.

– Отчего ж не указать, укажу, – закивал он. – Ступай прямо по дороге. – Он ткнул пальцем (с золотой печаткой, кстати) в ту сторону, куда мы двигались до сих пор. – Здесь немного осталось. Да поторопись, скоро небо дождём прольётся.

Как поэтично он это выразил – «небо дождём прольётся». Не по-бомжарски как-то. Впрочем, в наше время в бомжи и поэты частенько попадают.

Я взглянул на небо. Ни единого облачка, от горизонта до горизонта сплошь одна синева.

– Ты что, дед, какой дождь? На небо взгляни.

– Знаю, что говорю. Иди. И поторопись, гроза будет сильной.

– А что там, впереди?

– Одному Богу известно, что ждёт нас впереди. У тебя же впереди дорога. А что на той дороге, то мне неведомо. Иди. – Он вдруг засуетился и начал собираться. – Да и мне, пожалуй, пора. Засиделся я что-то.

Он торопливо покидал в сумку свои вещи, крякнув, натянул сапоги.

– Погоди, дед, – забеспокоился я. – Нам нужна более точная информация. Нормальное шоссе, а не эта грёбаная бетонка, жильё, транспорт, люди, цивилизация, в конце концов. Где всё это? Где дорога, по которой ездят автобусы? Где город? А ещё лучше будет, если ты укажешь нам дорогу в пансионат.

Старик, казалось, думал о чём-то своём. И лишь последний мой вопрос вывел его из задумчивости.

– *Туда* ты не вернёшься. Лес не пустит. Потому как лес тут с норовом, он водит.

– Водит?

– Водит. Тягаться с ним бесполезно, всё одно проиграешь. У тебя только один путь. Путь, который открывает тебе лес. – Он снова указал в сторону бетонки. – Следуй ему, и он приведёт тебя к цели.

– К какой ещё цели?

Он пожал плечами.

– У каждого из нас своя цель, своя дорога. Найдёшь свою – считай, жизнь прожил не зря.

Я махнул рукой. Вряд ли добьёшься от него чего-нибудь дельного. Напустил туману – и только. Ничего конкретного.

– Главное – найди свою дорогу, – продолжал он свои нравоучения. – И тогда выйдешь победителем. А мне пора. Моё дело – шагать.

Я поймал на себе многозначительный взгляд Лены. *Шагающий*.

Старик заковылял в лесную чащу, прочь от бетонки. Отойдя уже на приличное расстояние, обернулся.

– Зови меня Агасфером, Победитель, – донёсся до меня его голос.

18.

Победитель. По-латыни – Виктор. Снова случайное совпадение? Или во всём этом был какой-то скрытый смысл? И что это ещё за прозвище – Агасфер?

Я отбросил все эти вопросы, как нечто второстепенное, не заслуживающее внимания, чтобы не засорять мозги и не бередить душу неясными тревогами. Главное сейчас – выбраться отсюда.

Нам ничего не оставалось, как следовать указаниям старика, поскольку своих идей у нас просто не было. Да и дорога здесь была только одна – авось и выведет куда-нибудь. Выбор, как видите, невелик.

Мы снова вышли на старую бетонку и двинулись в прежнем направлении. Развалины КПП остались позади. Теперь мы находились на территории бывшего военного объекта, поэтому не очень удивились, когда вскоре на обочине обнаружили брошенный, уже порядком изъеденный ржавчиной, БТР. Мы миновали и его.

Дорога пошла в гору. Я взглянул на часы. По моим прикидкам, должно было быть что-то около девяти вечера, однако часы показывали семь. Да и солнце не торопилось садиться. День явно не спешил заканчиваться.

Сначала лес, который *водит*, потом колонна немецких танков и мёртвая деревня, следом – чудной старик со своими философскими сентенциями, а теперь ещё и это. Всё явно шло наперекосяк. Не слишком ли много для одного раза?

Лес плотной стеной сопровождал дорогу, два ряда стройных сосен выстроились по обе её стороны подобно шеренгам вражеских солдат-великанов. Стояла абсолютная тишина: ни дуновения ветерка, ни привычного гомона лесных пичуг. Лес словно замер в предвестии каких-то важных событий. Чужое, зловещее безмолвие давило на нас, обволакивало, гнало вперёд, всё время вперёд по этой бесконечной дороге. Казалось, стоит нам свернуть с неё, как лес снова вышвырнет нас на бетонку.

Мы шли молча, каждый думая о своём. Впрочем, о чём думает Лена, я догадывался: наверняка, о том же, о чём и я. Мои же мысли вертелись вокруг этого проклятого леса. В пути у меня было достаточно времени, чтобы о многом передумать, и сейчас эти мысли вылились в серию вопросов, которые, увы, пока оставались без ответов. Во-первых, почему мы до сих пор не встретили ни одного человека? Старик, разумеется, не в счёт. Мы всё-таки не в тайге, где на сотни километров порой не встретишь никакого жилья. Но даже там, в глухих сибирских лесах, человек оставлял следы своего присутствия: на лесных тропках нет-нет да наткнёшься на обрывок газеты, окурок от сигареты, след от костра. Здесь же не было ничего, что бы напоминало о существовании человека. Здесь не было даже тропинок – если не считать, конечно, этой заброшенной бетонки – единственного творения человеческих рук на десятки километров вокруг.

Здесь никогда не бывает людей. Лес не пускает.

Но почему тогда он пустил *нас*? Случайно, или это где-то кем-то спланировано? Сразу же возникала догадка, которая только ещё более сгущала тучи в этой череде загадок: нас здесь ждали. Нас не просто ждали – нас сюда привели. Какие-то могущественные кукловоды дёргали за невидимые ниточки, а мы, как безвольные и бездумные марионетки, послушно выполняли команды, смысл которых для нас оставался скрытым. Началось же всё, по-видимому, с моего вызова к Власову. А потом пошло-поехало. Весь мой путь от кабинета Власова до этой бетонки (и, наверное, дальше) был жёстко детерминирован.

Я украдкой наблюдал за Леной. Она была задумчива, на лбу её пролегла глубокая вертикальная складка. Внезапное чувство вины захлестнуло меня. Я вдруг почувствовал себя

страшно виноватым перед ней, виноватым за то, что невольно втянул её в эту дурацкую историю. Мне захотелось сказать ей что-нибудь хорошее, доброе, ласковое.

– Ну что ты, Ленок? – как можно мягче произнёс я, на ходу обнимая её за плечо. – Всё будет хорошо, я тебе обещаю. Вот увидишь.

Она вскинула на меня большущие серые глаза и улыбнулась. Готов поклясться, в её глазах не было ни тени упрёка, напротив, они светились весёлыми искорками. Морщинка на лбу тут же разгладилась.

– Спасибо тебе, Витенька.

– За что? – спросил я, сбитый с толку.

– За такое прекрасное приключение.

Чёрт побери! А ведь она права! Мы действительно попали в удивительное приключение, остроту которому придавала череда загадок и тайн. Я вспомнил наши прежние походы и понял, что всегда в них чего-то не хватало. Не хватало той самой тайны, неопределённости, непредсказуемости. Что мы видели в этих походах? что будоражило нам кровь, поднимало уровень адреналина? Пройденные километры, бесконечные лесные тропы, ночные костры с тучами мошкары, новые места, новые впечатления, новые знакомства. Великолепие первозданной природы, лесные озёра и могучие сибирские реки, восход солнца в горах, встречи с местными жителями, охотниками, промысловиками – всего и не перечтёшь. Да, ради этого стоило колесить по стране, стоило тратить свой отпуск, ради этого стоило жить – но приключением это не назовёшь. Настоящим приключением, которое всегда сопряжено с риском. С риском, опасностью и тайной.

А я-то, болван, полагал, что Лена озадачена теми же мыслями, что и я! Вместо того, чтобы принимать от меня утешения, она сама одним махом разрубила цепь всех моих сомнений. Чувство вины как-то само собой рассеялось, словно дым. Словно карточный домик, рассыпались сомнения, тревоги. На сердце стало спокойно и легко. Нет, никогда не постичь нам, мужикам, женской логики.

– Тебе спасибо, Ленок. Ты просто прелесть.

– А мне-то за что? – рассмеялась она своим мягким смехом.

– За то, что ты есть. Здесь и сейчас. Без тебя бы я, наверное, впал в депрессию.

– Без меня бы ты вообще жить не смог, – смеясь, заметила она.

– Не смог, – отозвался я без тени сомнения в её словах. – Это уж как пить дать.

Этот короткий, но такой важный диалог придал нам обоим сил и бодрости. Теперь мы шли легко, уверенно, с улыбками на устах. Теперь нам никакой лес не страшен, будь он трижды неладен.

Впереди обозначился ещё один поворот. Бетонка круто сворачивала влево. Дойдя до угла, мы поняли, что этот участок пути окончен.

Сразу же за поворотом дорога упиралась в холм или небольшую гору, недра которой были скрыты от нас широкими створками ворот из бронированной стали.

Военный объект. Тот самый, о котором гласила табличка у заброшенного КПП.

19.

Дальше дороги не было. Не знаю, что имел в виду старик, посылая нас в эту сторону, но здесь наш путь заканчивался. Всё, тупик.

Мы остановились.

– Ну старик! – сказал я в сердцах. – Попадись он мне сейчас, я б ему шею точно намылил. Не посмотрел бы на возраст.

Лена о чём-то напряжённо думала.

– Не спеши с выводами, Витенька. Если он привёл нас сюда, значит есть в этом какой-то смысл.

– Хотелось бы знать, какой. – От былого благодушия не осталось и следа, я чувствовал, как во мне нарастает раздражение. – Ну вот куда нам теперь идти, а? Тупик он и в Африке тупик.

Лена не успела ответить. Внезапно ливанул такой сильный дождь, что всё вокруг мгновенно застлало непроницаемой водной пеленой. Ливанул сразу, без предупреждения, без предварительного накрапывания. Мы вмиг промокли.

Поначалу я даже растерялся. Куда бежать? Где спрятаться? Но вот Лена взяла инициативу в свои руки.

– Беги за мной! – крикнула она, с трудом перекрывая шум падающих водяных струй, и опрометью кинулась к стальным воротам. Не долго думая, я бросился за ней.

Уже у самых ворот я заметил, что створки прикрыты не плотно, между ними имеется щель, в которую без труда можно протиснуться человеку средней комплекции. Мы благополучно миновали ворота и оказались в густой затхлой темноте.

– Вот чёрт! – выругался я.

Сквозь щель в воротах было видно, как с шумом несутся с небес тонны дистиллированной влаги. Но не ливень привлёк моё внимание, а нечто совершенно другое, поразившее меня куда больше внезапно хлынувшего дождя.

На небе не было ни облачка, ни тучки. Небосвод был идеально чистым, дождь лил прямо из него, из этого бледно-голубого, без единого изъяна, купола.

И тут мне вспомнились слова старика.

Небо прольётся дождём. Именно небо, а не тучи, которых не было и в помине. Слова старика сбывались буквально. Что ж, ещё одна загадка, которую приготовил нам лес.

– Видишь? – Я кивнул в сторону полоски света, который пробивался снаружи, из-за прикрытых створок ворот. – Ни одной тучи, дождь льёт прямо с неба.

Лена кивнула: она тоже обратила внимание на эту странность. Потом тряхнула головой, и дождевые брызги полетели в разные стороны.

– Промокла? – участливо спросил я.

– Ничего, обсохну, – бодро отвечала она. – Фонарик у тебя с собой?

Фонарик? Я бросил беглый взгляд вглубь помещения, которое, судя по звуку наших голосов, звонким эхом отражавшимся от невидимых сводов, было огромных размеров. Вот оно что! Лена уже приняла решение, и это решение явно следовало из её страсти к приключениям: идти вглубь горы. Авантюрная жилка в её характере к исходу дня заговорила с полной силой. Я привлёк на помощь элементарную логику и понял, что Лена, в принципе, права. Сидеть здесь, у ворот, и ждать окончания дождя, чтобы потом вновь выйти на опостылевшую нам бетонку – и снова оказаться в тупике? Нет уж, лучше идти вперёд. Тем более, что и меня самого привлекали недра этого таинственного военного объекта, жертвы постперестроечной конверсии, который в своё время наверняка был окружён ореолом глубокой тайны. До сих пор в подобных местах мне бывать не приходилось.

Фонарь у меня был с собой, он входил в обязательный комплект походных принадлежностей. Я достал его из рюкзака, проверил аккумуляторы, направил сноп света в темноту, однако световой луч так и не достиг противоположной стены. Я скользнул им по сторонам. Серые бетонные своды, высвеченные лучом фонарика и терявшиеся где-то далеко впереди, где фонарик был уже бессилен, сплошь были увиты кабелями разной толщины и конфигурации. Где-то в глубине мелькнула тень спугнутой летучей мыши.

– Да, забрели мы в местечко, – сказал я, почесав в затылке. – Ну что, идём на разведку?

– Идём.

20.

Здесь было мрачно, как в склепе, пахло плесенью и сырым подвалом. Под ногами порой хлюпала вода, и мне приходилось высвечивать фонариком каждый дюйм бетонного покрытия, которое вело нас в недра горы. Или, если хотите, военной базы. Вполне вероятно, что в эпоху «исторического материализма» она служила научно-техническим полигоном для отработки новейших оборонных технологий. По крайней мере, уже с первых шагов нашей экскурсии по объекту мы пришли к убеждению о его грандиозности и внушительных размерах. Я был почти уверен, что структура базы имела не только горизонтальную, но и вертикальную протяжённость, то есть простиралась вверх и вглубь на энное количество этажей. Вся гора внутри, скорее всего, была прорезана сетью коммуникаций и напоминала вымерший улей с тысячами и тысячами сот. Или кусок голландского сыра с традиционными дырками, которые пронизывали его по всему объёму.

С потолка и стен тонкими струйками стекала влага, собиралась в ручейки и небольшие лужи. Часть её уходила в невидимые канализационные стоки. Порой луч света прорезала тень летучей мыши, сухой треск её крыльев диссонансом врывался в каменное безмолвие бесконечного лабиринта. Коридор, по которому мы шли, постепенно начал сужаться, стали появляться боковые ответвления, более узкие, чем главная артерия, но тоже достаточно широкие, чтобы по ним мог без труда проехать БТР или промаршировать в полном боевом порядке рота солдат. Мы прошли мимо нескольких кабин массивных лифтов, которые лишь подтвердили мою догадку о многоярусной структуре объекта. Возможно, под нашими ногами и над нашими головами простирались точно такие же коридоры.

Углубляться в боковые проходы мы не рискнули. Не дай Бог, аккумуляторы сядут – тогда нам каюк. В кромешной темноте мы не пройдём и ста метров, как полностью потеряем способность к ориентации. Никакие опыт и знания здесь нам уже не помогут. Я представил, как мы, подобно слепым кротам, на ощупь бродим по бесконечным коридорам, час за часом, день за днём, неделя за неделей, без пищи и солнечного света. Думаю, двух недель нам хватило бы, чтобы этот мрачный, всеми забытый секретный объект, это дитя постсоветской конверсии стало бы для нас каменным погребальным саваном, гигантской могилой, в которой никто никогда не найдёт два обнявшихся скелета в полуистлевших одеждах. Бр-р-р… Поэтому я держал фонарь мёртвой хваткой, вцепившись в него всей пятернёй.

Мы шли уже достаточно долго. Луч фонаря всё так же тонул в непроглядном мраке, который обступал нас со всех сторон. С каждым шагом наш энтузиазм шёл на убыль. Однообразие бетонных коридоров явно не способствовало выбросу адреналина и ускорению кровообращения. Адреналин оставался на нуле, кровь всё так же вяло текла по жилам. Ко всему прочему, мы продрогли и ужасно проголодались. Я стал сомневаться, имеет ли смысл продолжать путь дальше.

– Может, вернёмся? – предложил я. – Здесь нам явно ничего не светит.

– Кроме твоего фонарика, – заметила Лена, стараясь за шуткой скрыть усталость. Однако ей это плохо удалось. Да я и сам, чего уж скрывать, был порядком измотан. Весь день в дороге, практически без отдыха – это даже для нас было серьёзным испытанием. Сейчас бы растянуться в тёплой постели, или на травке, у весело потрескивающего костерка, на берегу лесной речушки, да закинуть удочку!..

Мы остановились. Я направил луч фонарика на левое запястье и взглянул на часы. Взглянул со смешанным чувством тревоги, отнюдь не уверенный, что их показания удовлетворят меня. Увы, мои опасения подтвердились. Стрелки замерли на отметке 19.07. Когда я сверялся с ними в последний раз – это было ещё до того, как мы вышли к горе, – на часах было ровно семь.

– Вот чёрт! – в сердцах выругался я. – Ты подумай только: стоят.

Наверное, аккумуляторы сели, хотя я точно помнил, что совсем недавно ставил новые… Стоп! Секундная стрелка вдруг дёрнулась и медленно, ужасно медленно поползла вперёд. Или мне это только показалось? Нет, действительно ползёт. Вот она прошла положенный путь, равный одному делению, и снова замерла.

Секунда… За одну такую секунду я запросто мог бы выкурить сигарету.

Потом движение возобновилось, всё с той же умопомрачительной медлительностью. Часы шли, но их ход явно не соответствовал привычному ходу времени, его ритму и скорости. Словно невидимый режиссёр поместил их в иное временное измерение, где время течёт по иным законам, а нас оставил в прежнем.

Я с силой тряхнул их, но картина не изменилась.

– Странно, – пробормотал я.

Лена через моё плечо молча наблюдала за необычным поведением секундной стрелки. Я встретился с её взглядом, в котором читалось такое же непонимание, какое, наверное, можно было прочесть и в моём.

– Идём к выходу, – решительно заявил я.

– А потом? – задала Лена вопрос, который я боялся задать себе сам.

– Не знаю, – откровенно признался я. – Там видно будет.

Дорога назад заняла у нас значительно меньше времени. Нигде не задерживаясь, мы вскоре увидели едва заметную впереди полоску света, который пробивался сквозь неплотно прикрытые створки ворот. Однако, не дойдя до них примерно метров двести, Лена внезапно остановилась.

– Смотри!

Я взглянул в направлении, в котором указывала её рука, и увидел ещё один источник света, чуть различимый во тьме подземного коридора. Он был прямо по курсу нашего движения, с небольшим отклонением влево. Мы ускорили шаг и вскоре оказались перед небольшой дверью в стене коридора, из-под которой тускло расползалось по бетону световое пятно. Скорее всего, мы её просто не заметили, когда начинали свой путь в недра горы.

Я толкнул тяжёлую металлическую дверь. С ужасающим скрипом она отворилась. Нашим взорам предстала крохотная каморка: серые бетонные стены со следами копоти, обклеенные вырезками из иллюстрированных журналов, неказистая деревянная койка, сколоченная руками доморощенного столяра, грубый обшарпанный стол, тоже явно ручной работы, табуретка, электроплитка и древний холодильник эпохи хрущёвской оттепели. Небогатый набор кухонных принадлежностей аккуратно был разложен на столе, электроплитку венчали чугунная сковородка и эмалированная кастрюля. И весь этот нехитрый интерьер освещался обычной бытовой лампочкой, свисавшей с низкого потолка на толстом узловатом проводе.

Именно она и привлекла моё внимание в первую очередь.

– Если есть свет, должен быть и его источник. Где-то здесь работает генератор, – заключил я с уверенностью.

– Логично, – кивнула Лена. – Только всё это очень странно. На этом объекте уже много лет никого нет. Кто мог включить генератор?

– Возможно, его никто и не выключал, – заметил я. – А энергию для его питания можно черпать, скажем, из земных недр. Кто знает, может быть здесь есть термальные источники? Или какой-нибудь другой источник дешёвой энергии, с неиссякаемыми её запасами. В конце концов, наши секретные учёные эпохи развитого социализма вполне могли открыть что-нибудь эдакое, нетрадиционное, типа вечного двигателя. А что? Не секрет, что наши оборонные технологии того периода на порядок превосходили американские, и я не удивлюсь, если перпетум мобиле реально существует. Меня сейчас волнует другое. – Я ещё раз внимательно осмотрел помещение. – У этой комнаты есть хозяин.

Действительно, несмотря на скудность обстановки, комната имела обжитой вид. В помещении было всё аккуратно прибрано, нигде не было ни соринки, ни пылинки, ни клочка бумаги.

Внезапно громко затарахтел холодильник.

– Ух ты! Этот монстр ещё и работает!

Я дёрнул тугую ручку и распахнул дверцу.

– Неплохо.

Холодильник сверху донизу был забит говяжьей тушёнкой. В промасленной обёртке.

– Старик, – осенило меня. – Это его нора.

Лена с интересом заглянула в раскрытый зев холодильника.

– Да, похоже.

– Неплохой запасец. Дед-то, видать, не промах.

Лена кивнула и устало опустилась на койку.

– Извини, я немножко посижу. Ноги гудят ужасно.

– Бедная ты моя! Конечно, отдыхай. А я пока стол накрою. Поужинаем как белые люди. Что-то я проголодался.

– Надеюсь, не тушёнкой?

– Зачем же объедать старика? У нас и свой хавчик пока имеется.

Я расстелил на столе газету и выложил на неё из рюкзака две упаковки с нарезанной ветчиной, батон хлеба, бутылку минералки, несколько помидорин, пучок укропа и пяток варёных вкрутую яиц. Вполне приличный рацион для двух изголодавшихся путников. Жаль только, кофе горячего не было.

Аппетит нагуляли мы зверский. В два счёта смолотили всю эту снедь и почувствовали себя не в пример лучше.

Я со смаком закурил и уселся на койку рядом с Леной.

– Не жалеешь?

– Чего? Что замуж за тебя вышла? Ещё как жалею!

– Нет, я серьёзно. Не жалеешь, что я втянул тебя в эту историю? Вон в какую переделку попали. Загадка на загадке. И чем дальше, тем хуже.

– Почему хуже? Не хуже, а непонятнее. А это уже совсем другое дело. – Она пожала плечами. – Люди не любят загадок. Вернее, они не любят загадок, которые не могут разгадать. Они их боятся. Всё непонятное, недоступное их пониманию, не поддающееся объяснению пугает их. Они не успокаиваются до тех пор, пока не находят объяснения каждому явлению, каждой загадке. Иначе им грозят неврастения, депрессии, а то и суицид. Любая тайна влечёт их, но не сама по себе, а предвкушением её раскрытия. То есть включением её в череду уже известных, описанных наукой явлений. Так рассуждает ограниченный ум обывателя. Но мы же не станем им уподобляться, ведь так? Не все загадки следует раскрывать, есть такие, которые должны оставаться неразгаданными. Иначе ореол тайны растает, как тает притягательность фокуса, чей секрет вдруг становится известен широкой публике. Как тает тень вампира при первых лучах солнца.

– О!..

Я откровенно любовался ею. В этой чёртовой дыре, Богом и людьми забытой бетонной могиле она читала мне лекцию о глубинах человеческого познания. Ну не прелесть ли!

21.

Она была не по годам рассудительна и порой ставила в тупик маститых учёных своими нетривиальными высказываниями и интеллектуальными изысками. В ней удивительным образом сочетались несколько ипостасей. В тесной дружной компании она была весела и беззаботна, любила выпить хорошего вина, не брезговала и более крепкими напитками. В дальних походах, на горной тропе и в таёжном бездорожье, она была молчалива и сосредоточенна, слепо доверяла моим опыту и знаниям и лишь изредка давала советы, всегда толковые и неожиданно меткие. В кругу семьи, оставаясь наедине со мной, она умела быть послушной женой и искусной любовницей. На работе, среди коллег и химических формул, она становилась настоящим исследователем – тогда в неё вселялся дух истинного учёного.

Ей не раз предлагали заняться преподавательской работой, даже возглавить кафедру в каком-то институте, но она на все предложения отвечала категорическим отказом. «Педагогика – не моё амплуа, – любила повторять она. – Пусть этих оболтусов учат другие, те, кому это интересно и кому это дано. А меня увольте».

Она обладала уникальной способностью мгновенно переключаться, перевоплощаться в другие свои ипостаси. Она могла быть настолько разной, что порой ставила меня в тупик: когда же она бывает сама собой? когда она – настоящая? Но самое удивительное было в том, что сама собой она оставалась всегда, никогда не играла роль, ни перед кем не позировала, не рядилась ни в какие обличья.

Её отличала какая-то особая женская мудрость, идущая от самых основ женской природы, от интуиции, от сердца, в отличие от мудрости мужской, основанной на логике и холодном рассудке. Мы никогда не ссорились, и в этом, я уверен, во многом была её заслуга. В семье у нас царили лад и понимание.

Помню, когда мы с ней ещё только встречались, она решила познакомить меня со своими родителями. Лена была последним ребёнком в семье, сын-первенец был на пять лет старше её. Отцу тогда было уже за пятьдесят, а мать готовилась вот-вот перешагнуть полувековой рубеж. Это была семья старого уклада, строгих правил и незыблемых традиций советской интеллигенции. В своё время отец Лены занимался научной деятельностью и достиг на этом поприще заметных успехов, внеся в историю мировой науки и свою скромную лепту. Правда, это было ещё до развала Союза. С приходом девяностых он остался не у дел, так и не сумев вписаться в новую российскую реальность. Его консервативный ум категорически отказывался принимать весь тот бардак, в котором погрязла страна после перестройки и из которого он не видел никакого выхода. Он жил прежними ценностями, не замечая или не желая замечать, что жизнь всё-таки продолжается и ничто уже не сможет повернуть её течение вспять.

В семье он был деспотом, его слово для всех было законом, непререкаемой нормой. Мать, тихая, незаметная женщина, всю жизнь оставалась в тени супруга и никогда не пыталась перечить ему. Сын, здоровый ленивый детина, с горем пополам получивший диплом какого-то третьеразрядного ВУЗа, провёл бурные молодые годы в кабаках и пьяном угаре и теперь сидел на шее у отца. Своей семьи он не завёл, работы, которая смогла бы обеспечить ему достойное и, главное, независимое существование, так и не нашёл – да и не особенно искал. Дома, в кругу семьи, послушно внимал частым нотациям отца, в порыве раскаяния опускал очи долу, пускал слюни и со всем соглашался, истошно бил себя в грудь и клялся исправиться. И тут же клянчил деньги, в которых отец ему никогда не отказывал.

Лена была единственным членом семьи, с мнением которого отец считался. Думаю, не столько потому, что в эти трудные годы Лена была основным кормильцем в семье, сколько потому, что дочь пошла по стопам отца и избрала науку в качестве жизненной стези. Он

искренне гордился ею, она же, нисколько не злоупотребляя его благосклонностью, порой смело отстаивала свою точку зрения – и он почти всегда отступал перед её молодостью и напором.

В тот день, когда я впервые переступил порог их дома, отец, суровый и мрачный, сразу же, в упор, спросил, чем я занимаюсь. Я популярно объяснил. Он долго молчал, потом повернулся и грузно зашагал к своему кабинету. И лишь на пороге бросил через плечо, что не желает знаться с «прислужниками капиталистов». За весь вечер он так из кабинета и не вышел.

Лена расстроилась. Да и я чувствовал себя не в своей тарелке, каким-то непрошеным гостем, вломившимся в чужую жизнь, неким осквернителем священного семейного очага. Первым моим порывом было бежать из этой негостеприимной квартиры, однако Лена не отпустила. Поборов неловкость, она вместе с мамой (брат где-то отсутствовал) собрала на стол, включила красивую музыку, и мы втроём уселись трапезничать. Тихо звучала музыка, в такт ей так же тихо лилась беседа. В итоге вечер прошёл не так уж и плохо. При прощании, когда мы остались с ней наедине, она шепнула мне: «Не волнуйся, любимый, я всё улажу» – и крепко поцеловала.

И уладила. В следующий мой визит отец снизошёл до беседы со мной и даже подал руку на прощание. Уж какие тайные струнки его души она затронула, я могу только догадываться, но факт оставался фактом: я был принят в семью.

22.

– Отдохнула?

Лена кивнула.

– Выбираемся, Ленок? Или, если хочешь, разобьём здесь бивак на ночь? Как никак, крыша над головой. В принципе, здесь не так уж и плохо. Тепло, не капает, провизии вдоволь.

На этот раз Лена жестом выразила отказ.

– Витенька, давай лучше на волю. Мне это место напоминает саркофаг. Как-то жутко…

– Ноу проблем. На волю так на волю, – подвёл я жирную черту.

Мы быстро собрались и покинули жилище странного старика. Хотя, если честно, я бы не прочь был здесь заночевать. Клаустрофобией я не страдал, многометровая толща бетона и камня над головой нисколько меня не смущала. Но если Лена сказала, значит, точка. Без вопросов.

Мы выбрались на свет Божий и с удовольствием отметили, что дождь прекратился. У меня возникло сомнение, а был ли он вообще: вокруг было совершенно сухо. Ни луж, ни обычных после сильного ливня ручьёв. Солнце неподвижно висело на западе, роняя на землю мягкий тёплый свет. Я пожал плечами, перехватил недоумённый взгляд Лены – и махнул рукой, мысленно отправляя ещё один казус в копилку тайн и загадок, которыми оказался так богат сегодняшний день.

Я пробежался взглядом по горе, из недр которой мы только что вынырнули. Вершина была «лысой», и лишь редкий кустарник слегка разнообразил её ландшафт. У меня появилась одна мысль.

– Ленок, ты постой пока здесь, а я взберусь наверх и огляжу окрестности. Авось повезёт, и выход где-нибудь совсем рядом. Я мигом!

Не дожидаясь её ответа, я скинул рюкзак и начал карабкаться наверх. Но не прошёл я и трети пути, как посторонний шум, до боли знакомый, привлёк моё внимание. Я оглянулся – и остолбенел.

Внизу, на бетонной площадке, как раз напротив стальных ворот, у входа в военный объект стоял новенький шестисотый «мерседес».

Откуда, чёрт побери, он здесь взялся?! И как? Ведь подъезды к базе отсутствуют, все дороги завалены стволами мёртвых деревьев!

С бешено колотящимся сердцем я кубарем покатился вниз. Только бы он не исчез! Только бы не исчез… Но я не успел выскочить на площадку: путь мне преградила Лена. Она затаилась в кустах и отчаянно жестикулировала мне, призывая к молчанию.

– Тсс!.. – прошипела она. – Смотри!

Скрытые ветвями орешника и бузины, мы могли хорошо видеть всё, что происходило на площадке. Возле «мерса» стояли двое мужчин и тихо переговаривались. Один – высокий, худой, в длинном чёрном плаще, тёмных солнцезащитных очках и с металлическим дипломатом в руке. Второй…

А вторым оказался Павел, наш куратор из пансионата. Он был облачён в цивильный чёрный костюм-тройку и имел весьма респектабельный вид, подстать своему визави.

– Здесь что-то не так, – шепнула Лена. – Не нравится мне этот тип. – Я понял, что она имела в виду Павла, которого и сам сильно невзлюбил после того, как он отказался нам помочь, там, в лесу. – Давай немножко подождём, посмотрим, что будет дальше.

Я согласился. Не знаю, почему, но эти двое и у меня вызывали опасения. В конце концов, если потребуется, мы всегда можем выйти из укрытия и обнаружить себя.

Видимо, разговор у них подошёл к концу. Они попрощались, Павел сел за руль, завёл двигатель. Я дёрнулся было вон из укрытия, но Лена остановила меня, глазами указав на вто-

рого, в чёрном плаще. Тот, кажется, не собирался уезжать. Я понял смысл её пантомимы: нам нужен не Павел, к которому мы не испытывали ни капли доверия, а тот, второй. Его и следовало держаться. Не Павел, а этот неизвестный должен нас вывести отсюда.

Павел тем временем бесшумно развернулся на пятачке и покатил по бетонке прочь от базы. Длинный тип какое-то время оставался на прежнем месте, провожая взглядом удаляющийся автомобиль, а когда тот скрылся за поворотом, уверенно зашагал к воротам. У самых ворот остановился, осмотрелся и, готов поклясться, дольше, чем следовало, задержал взгляд на нашем укрытии. Или мне это только показалось? Потом скользнул между створками ворот и исчез в недрах горы.

– За ним! – Я вскочил на ноги. – Давай, Ленок! Уйдёт!..

Мы выскочили из укрытия, более не опасаясь быть замеченными, и кинулись к воротам. Лена первая скрылась за стальными створками, я – следом. В самый последний момент я оглянулся и увидел, как к нам вновь возвращается чёрный «мерседес». Я не сомневался, что Павел заметил нас. Впрочем, сейчас меня это волновало менее всего. Главное – не упустить того типа с дипломатом.

Мы снова оказались в кромешной темноте. Я нащупал руку Лены и крепко сжал её.

– Вон он! – шепнула она в ответ на моё рукопожатие.

Метрах в двадцати впереди внезапно вспыхнул луч фонаря и стал быстро удаляться. Мы осторожно, не привлекая внимания неизвестного в плаще, двинулись следом. Свой фонарь я предусмотрительно включать не стал. Человек с дипломатом уверенно шёл по главному коридору бетонного каземата, явно хорошо знакомый с расположением подземного лабиринта. Внезапно он свернул в одно из боковых ответвлений. Мы прибавили шаг, чтобы не потерять его из виду. Прежде чем свернуть за ним, я оглянулся, опасаясь преследования Павла, однако никакого движения сзади не заметил. Тем лучше. По крайней мере, с тыла проблемы нам не грозят.

Он долго водил нас по многочисленным коридорам, а мы всё так же следовали за ним. Я опасался только одного: как бы не потерять его. Дорогу назад я уже вряд ли смогу найти.

Он остановился у одной из дверей, набрал код, и дверь бесшумно отворилась. Потом шагнул внутрь – и его фонарь внезапно погас. Оставшись в абсолютной темноте, мы на ощупь приблизились к дверному проёму и заглянули внутрь. Прислушались. Тишина. Пришлось доставать свой фонарь.

Луч фонаря высветил небольшое помещение, совершенно пустое. Незнакомец исчез, как сквозь землю провалился. Мы шагнули внутрь, и дверь за нашими спинами тут же автоматически закрылась. Я попытался открыть её, но безуспешно. На стене, возле двери, я заметил кодовый замок. Кода мы, конечно, не знали.

– Мы в ловушке, – заключил я.

– Не спеши с выводами, – прошептала Лена. – Здесь должен быть выход.

Логично. Ведь не мог же тот тип раствориться бесследно!

Я тщательно обследовал всё помещение, сантиметр за сантиметром освещая его стены лучом фонаря. В дальнем углу я заметил дверь.

– Есть!

Дверь оказалась незапертой. Я отворил её, и в лицо нам пахнуло запахом озона. Мы остановились, не решаясь переступить порог. Смутное беспокойство овладело нами.

Там, за порогом, царила абсолютная тьма. Свет от моего фонарика полностью поглощался ею, ни один фотон не проникал внутрь этого странного помещения. Световой луч обрывался за дверью, словно упираясь в невидимую чёрную стену. Размеры помещения определить было невозможно. Я протянул руку вперёд и ощутил слабое покалывание от кончиков пальцев до локтя. Казалось, всё помещение, какой бы величины оно не было, наполнено статическим электричеством.

– Ты готова?

– Готова.

– Тогда вперёд.

Крепко взявшись за руки, мы шагнули внутрь. Я чувствовал, как Лена вся напряглась. Приведённая неведомым механизмом, дверь позади нас бесшумно затворилась. Теперь-то уж точно путь назад отрезан, окончательно и бесповоротно.

Я не знал, сколько мы так простояли. Лена до боли вцепилась в мою ладонь. Как ни пытался я что-нибудь разглядеть в этой черноте, успеха так и не добился. Чернота обволакивала нас со всех сторон, проникала в наши тела, в наши глаза, в наше сознание. В этой черноте тонули мысли, ощущение времени, пространства… А мы стояли и ждали, сами не зная, чего.

Внезапно стена перед нами раздвинулась, словно занавес в кинотеатре, и яркий свет на какое-то мгновение ослепил нас. Мы машинально шагнули вперёд, скорее повинуясь интуиции, чем осознанному решению.

А когда наши глаза привыкли к свету, мы разинули рты от изумления.

Если и есть где-нибудь на земле рай, то сейчас он был перед нами.

Inferno. Исход

1.

Холодное, скользкое, мокрое, солёное, противное, оно шлёпнулось ему на лицо, облепило липкой маской, сбило дыхание. Он машинально сдёрнул эту гадость, брезгливо отряхнул пальцы, открыл глаза и сел. И только потом проснулся.

Лист формата А4 нежно-розового цвета. Порыв ветра сначала забросил его в море, а потом вырвал оттуда, уже потяжелевший, набухший морской влагой, похожий на желеподобную медузу, и цинично швырнул в лицо спящему человеку.

Он был один на этой гигантской, простирающейся на многие километры песчаной косе, омываемой тёплым южным морем. Мягкий шелест прибоя, солёный влажный ветерок, струящийся с гор, весёлый детский гомон, обычное пляжное многоголосье, гортанные выкрики смуглых торгашей-аборигенов – всё это оказало на него усыпляющее воздействие. Он и сам не заметил, как сон сморил его.

Сколько он спал? Десять, пятнадцать минут, ну от силы полчаса. Разве это много? Однако этого короткого времени хватило, чтобы мир изменился столь кардинально.

Он сел. Пустынный пляж, совсем ещё недавно пестревший от тел сотен отдыхающих, ныне являл собой печальное зрелище. Всё его пространство, включая полосу прибоя, пляжную инфраструктуру, брошенные впопыхах шезлонги, было усеяно вот этими самыми листовками формата А4. Словно люди по воле злого мага превратились в клочки розовой бумаги.

Но он знал, что это не так. Знал, что на самом деле всё гораздо хуже. Розовый цвет всегда был предвестником несчастий и бед.

Потому что это война.

Он мельком скользнул взглядом по ещё одному листку, что случайно прибился к его плечу. Один-единственный вопрос волновал его сейчас более всех остальных: когда? Когда всё это начнётся? Как обычно, или будут какие-нибудь новые вводные? Глаз трепетно зацепился за нужное место в листовке. Сердце на миг замерло – и колом ушло в пятки. Так и есть: два дня. То есть как обычно. Ничто не меняется в подлунном мире, увы. На приведение в порядок всех своих дел даётся двое суток – после этого повсеместно начинаются военные действия. Вернее, самоистребление.

Взгляд тупо упёрся в линию горизонта, где серо-зелёное море смыкалось с мутно-молочным белесым небосводом, и скользнул выше, туда, где в зените висел блеклый жёлтый диск дневного светила, выгоревший, с размытыми контурами, застрявший в рыхлом облачном коконе, навечно сковавшем планету. Он смотрел на полуживое холодное солнце и с тоской думал о том, что в этот самый момент в ту же точку пространства, возможно, устремлены три пары глаз самых дорогих ему существ – жены и двух десятилетних сыновей-близнецов, и через этот мутный светящийся диск, как через блок-лебёдку, перекинута, может быть, единственная нить, связывающая его с семьёй. Но как далеко, как бесконечно далеко они сейчас от него!

За два дня он никак не успеет. В обычное время успел бы, а сейчас нет. Паника наверняка уже блокировала все транспортные артерии. Так было всегда. В эти смутные два дня человеческая сущность проявляется во всей своей обнажённости.

Со стороны моря доносился плеск волн, разбитых волноломом, с ним гармонично резонировали истошные вопли чаек, зорко высматривающих добычу в морской пучине.

Никогда, никогда ещё война не настигала его вдали от дома. О себе он не беспокоился: как-никак мужик, выдюжит, сумеет защитить себя. А кто защитит его семью? Когда *это* нач-

нётся, каждый будет сам за себя. Да нет, какое там «сам за себя»! Каждый будет против всех. Таковы правила игры, установленные Триумвиратом.

Он заскрипел зубами от охватившего его бессилия. Сколько раз он зарекался не уезжать от дома слишком далеко, не покидать семью более чем на три дня! Всегда держал в мыслях возможность войны, понимал, что за этот короткий срок – с даты объявления войны до начала военных действий – должен обязательно успеть вернуться к домашнему очагу. Всегда жил в напряжении и ожидании, всегда был начеку, всегда рассчитывал на интуицию и едва зримые приметы надвигающегося бедствия. Девять лет уже минуло с прошлой войны, срок немалый, если сравнивать с предыдущими мирными интервалами, рассечёнными чередой краткосрочных, дней по десять-пятнадцать, войн, и в глубине его души потихоньку крепла призрачная надежда, что войн больше не будет. И вот ведь так случилось, что именно в этот момент, когда о войне он помышлял менее всего, его направили в дальнюю командировку, к далёкому тёплому морю, в маленький курортный городок, именно его, одного из лучших специалистов по деурбанизации городских поселений с численностью населения, не превышающей сто тысяч жителей.

Неделя усердных трудов пролетела незаметно, сегодня был последний день его командировки. Вся работа уже позади, до отхода поезда оставалось несколько часов, и это пустое время, не занятое никакими делами, он решил посвятить отдыху, провести на городском пляже, на который до сих пор так и не удосужился выбраться. Отдохнул, называется…

Он выругался, поднялся, отряхнулся от налипшего на тело песка и начал торопливо одеваться. Шанс вовремя добраться до дома всё-таки был – если поезд будет чётко следовать расписанию. Шанс, конечно, ничтожный, но всё же… Авось повезёт. Одно уже хорошо, что о билете он позаботился заранее. Он представил, как страждущие курортники штурмуют сейчас железнодорожные кассы! Все ведь хотят встретить начало войны в кругу семьи, чтобы вместе с родными и близкими, плечом к плечу противостоять нашествию вооружённых мародёров и алчных скальперов.

Он поднял с песка брюки, намереваясь сунуть в них ноги, и замер. Карманы брюк были вывернуты, всё их содержимое бесследно исчезло. И деньги, и документы, и, главное, билет на поезд. Пока он спал, кто-то нагло обшарил его одежду, аккуратно сложенную рядом. Воспользовался суматохой, вызванной вестью о войне, и под шумок обчистил до нитки. На душе стало мерзко и гадко.

А ведь ещё утром он предусмотрительно отвёз свой багаж – всего один чемодан – на вокзал и распорядился, чтобы его погрузили в багажный вагон! Теперь все его командировочные пожитки уедут без него. Как бы он хотел сейчас оказаться на месте того чемодана!

Ситуация резко менялась. Законным путём на поезд он теперь вряд ли попадёт. Не стоит и пытаться, там сейчас такое столпотворение происходит, что и мать родную затопчут, глазом моргнуть не успеешь. Нет, здесь нужен другой выход.

Он наскоро оделся, ещё раз с досадой похлопал себя по пустым карманам и, утопая ногами в сухом сыпучем песке, поспешил в город. Городской отдел по деурбанизации располагался в двух кварталах от набережной в отдельно стоящем трёхэтажном особнячке, выполненном в традиционном санаторно-курортном стиле, и путь до него не отнял много времени. Широко шагая, порой срываясь на лёгкую трусцу, он за семь минут домчался до пункта назначения. Однако этих семи минут ему хватило, чтобы заметить, как преобразился беззаботный доселе пляжный городок: на улицах царили хаос и смятение, люди, выпучив глаза, в панике носились взад-вперёд, волоча за собой набитые поклажей чемоданы, сумки, баулы, в воздухе висела тяжёлая матерная брань, женские причитания перемежались с детским плачем, а на углу ближайшей улицы группа каких-то молодчиков беззастенчиво обчищала припаркованный у газона автомобиль.

У здания городского отдела по деурбанизации суеты было ничуть не меньше. Хлопали двери подъездов, потоки озабоченных чиновников вливались внутрь и изливались вовне, словно гигантские земляные черви, служебные машины то и дело отъезжали от здания, их место тут же занимали другие авто, только что прибывшие. Кто-то в отчаянии выбрасывал из окон кипы бумаг, одну за другой, и вскоре вся улица перед зданием городского отдела была усеяна никому уже не нужной документацией.

Он не пошёл в здание, а обогнул его справа и очутился на стоянке служебного автотранспорта. Здесь был припаркован старенький джип, закреплённый за ним на время выполнения им служебных обязанностей в качестве представителя головной организации. Сегодня был последний, седьмой день его командировки, и хотя деловая часть визита была завершена, автомобиль оставался забронирован за ним до двадцати четырёх ноль-ноль. Таковы правила. Не он их придумал, не ему их отменять.

У джипа вертелся чиновник местной администрации. Худющий, как жердь, в тяжёлых очках, с трудом державшихся на тонком лисьем носу, в полувоенном френче, с массивной кобурой на поясе, он обнюхивал автомобиль, словно профессиональная ищейка, заглядывал под капот, стучал по колёсам, проводил пальцем по пыльным стёклам, качал маленькой головой и что-то попутно помечал в блокноте. На звук приближающихся шагов чиновник обернулся. Лицо его приняло каменное выражение.

– Ваш автомобиль аннулируется, – официально заявил он. – В связи с внештатной ситуацией класса «форс-мажор», вызванной…

– Не сейчас. Сегодня он мне ещё будет нужен. Верну после полуночи. Я свои права знаю.

Пришлось бесцеремонно, как бы невзначай, двинуть чиновника корпусом. Потом, пользуясь замешательством оного, распахнуть дверцу автомобиля и нырнуть внутрь. И уже оттуда завершить начатый отпор резким окриком:

– В сторону! Я тороплюсь.

Уникальный цифровой код, введённый с сенсорной клавиатуры приборной панели автомобиля, заставил мощный двигатель послушно заурчать.

Но чиновник оказался ершистым и въедливым. Он и не думал сдаваться

– Служебная необходимость. – Рука его скользнула к кобуре. – Прошу вас выйти из… иначе… вынужден буду…

– В сторону! – В новом окрике уже зазвучала угроза. – Дорогу, ну!

Педаль газа резко ушла в пол, джип дёрнулся, затрясся и вдруг резко рванул вперёд, едва не сбив упрямого чиновника с ног. Тот едва успел отскочить вправо. Автомобиль, вырвавшись на оперативный простор, пересёк стоянку и выскочил на проезжую часть. Сзади раздалось несколько выстрелов, одна из пуль чиркнула по корпусу машины, не причинив ей, впрочем, вреда. Уходя с линии огня, от греха подальше, он свернул в ближайший переулок. Кинув последний взгляд в зеркало заднего вида, он заметил, как группа подростков, неведомо откуда взявшаяся, жестоко избивает тщедушного чиновника – видны были их склонённые спины, мелькающие локти и кулаки. Ещё несколько малолеток короткими металлическими ломиками с остервенением крушили оставшиеся на стоянке автомобили.

Вирус безумия проник в человеческие души. И это ещё только начало! Он пережил уже не одну войну и не понаслышке знал, как будут развиваться события.

Он ехал не на вокзал, куда устремился основной людской поток, а в противоположную сторону – в аэропорт.

2.

Город утопал в золоте. Золотом были отделаны фасады домов, золотая инкрустация изобиловала в отделке многочисленных городских фонтанов, которыми по праву гордились местные жители; золотые канделябры, светильники, бра и люстры были обязательным атрибутом городских кафе и ресторанов, присутственных мест, учреждений культуры и всевозможных офисов; уличные фонари, что стройными рядами тянулись вдоль тротуаров и городских трасс, желтели массивными золотыми плафонами, а здание городской ратуши было покрыто листами высокопробного червонного золота, не подверженного коррозии, влиянию кислотных дождей и других воздействий химически-агрессивной окружающей среды. Что и говорить, с золотом в городе проблем не было, если не считать, конечно, проблемы с его избытком.

Ещё час назад этот небольшой приморский городок привычно зазывал толпы отдыхающих под сень своих пальм и магнолий, в уютные кафешантаны и караван-сараи, что бесконечной чередой протянулись вдоль набережной, на белые песчаные пляжи, морские прогулки и встречи с игривыми дельфинами, на горные туры и экстремальные экскурсии в древние карстовые пещеры – и вот уже декорации сменились, статисты скинули старые маски, впопыхах наложили новый грим. Город вдруг надел серый саван, поблек, потерял былую яркость и многокрасочность, перестал быть курортным, стал заштатным, судорожно-нервным, агрессивно-истерическим. Короткий шок, вызванный дурной вестью, был прерван взрывом уличной суеты и приступом гиперактивности горожан. Людские массы заполнили улицы, в миг образовались очереди в продовольственные магазины и многочисленные городские парикмахерские. Цирюльники в эти дни пользовались повышенным спросом. Стриглись целыми семьями, от мала до велика, включая женщин и грудных младенцев, стриглись наголо, «под ноль». Начисто выбритые затылки всё чаще мелькали в экзальтированной людской толчее: вероятность выжить в предстоящие две недели у стриженых была на порядок выше. С прилавков магазинов сметалось всё подряд, начиная от крупы (в ассортименте) и консервов и кончая мылом и спичками. Хватали ящиками, коробками, мешками, контейнерами. Война есть война, даже если она длится всего две недели.

По улицам потянулись целые караваны беженцев. Использовались любые средства передвижения: пешие, конные, гужевые, автомобильные, воздушные. На перекрёстках то и дело возникали пробки, закипали страсти, вспыхивали ссоры, мелькали кулаки, сыпались угрозы и проклятья. Нескончаемой чередой проплывали усталые, отрешённые лица отцов семейств, серые, поникшие фигуры женщин, цепляющиеся за юбки матерей ручонки детворы, зыркающей по сторонам испуганными глазёнками. Гудящая, орущая, матерящаяся толпа, потоком изливающаяся из городских артерий, захлестнула пригороды и перекинулась в горные предместья, где, по мере удаления от города, постепенно рассасывалась, растекалась, разбредалась по сёлам и деревням, хуторам и дачным посёлкам, лесным строжкам, далёким заимкам и тайным семейным схронам. Люди покидали город, чтобы в час «Х» оказаться как можно дальше друг от друга. Потому что ближайший сосед по дому, по лестничной клетке, по двору как раз и оказывался наиболее опасным врагом в этой идиотской братоубийственной войне.

Но не все покидали город. Примерно треть коренного населения, напротив, укрепляла свои жилища, намереваясь пересидеть в них грядущую бойню. Это были в основном состоятельные граждане, которые опасались оставлять своё добро на произвол судьбы: в эту лихую годину мародёры обычно шерстили квартирки побогаче, где есть чем поживиться. Окна забивались деревянными щитами, на двери навешивались мощные засовы, а на оконные проёмы – пуленепробиваемые ставни из специального сверхпрочного пластика. Из пыльных кладовок, сырых подполов и тёмных погребов извлекалась нехитрая утварь, съестные припасы долговременного хранения, средства индивидуальной противохимической или радиационной

защиты, походные аптечки и прочая дребедень – вся та мелочёвка, что позволяла отсидеться в отдельно взятом изолированном жилище в условиях тотальной блокады. Более предусмотрительные и дальновидные жители на случай войны имели подземные бункеры, полностью оборудованные системами жизнеобеспечения и оснащённые всем необходимым для долговременной осады. Опасаясь перебоев с подачей электроэнергии, люди расхватывали компактные дизель-генераторы, запасались бензином, керосином и соляркой. То здесь, то там слышался стук молотков, визг циркулярок, шипение газовых горелок, сухой треск электросварки, ну и конечно же виртуозная профессиональная брань столяров-плотников-каменщиков-землекопов-монтажников-такелажников. Стали известны первые случаи мародёрства, которые, правда, до начала военных действий жестоко пресекались специализированными отрядами полиции. Эти подразделения формировались исключительно на предвоенный период, то есть на те два-три дня, что отделяли дату объявления войны от даты её фактического начала, и предназначались для поддержания порядка в крупных и средних населённых пунктах. Их полномочия были практически беспредельными и ограничивались лишь указаниями Триумвирата.

Он то и дело застревал в дорожных «пробках», которые возникали повсеместно по пути его следования – то из-за нерасторопности горе-водителей, совершивших неудачный манёвр и перегородивших движение своим транспортным средством, то по причине низкой пропускной способности отдельных участков трассы, так называемых «бутылочных горлышек», то из-за стычек, которые рождались прямо на дороге и тут же обрастали толпой разъярённых попутчиков, жаждущих почесать кулаки и выпустить пар. Тогда он нервно давил на клаксон, матерился и резко крутил баранку вправо-влево, пытаясь втиснуться в любую дыру, в любой «карман», в любое свободное пространство, которое порой возникало по мере движения всей этой тысячеголовой автомобильной гидры-трансформера. Не помогали ни государственные номера его джипа, ни муниципальная символика на дверцах и капоте – напротив, у окружающих это вызывало раздражение, ропот и даже угрозы. Принадлежность к когорте чиновников сейчас была не самой лучшей рекомендацией, если не сказать опасной.

Однако по мере удаления от города плотность движения падала, а скорость, напротив, росла. Когда он вырвался на прямой, как стрела, загородный участок трассы, с одной стороны отсечённый отвесной скальной породой, а с другой обрывающийся в пропасть, по дну которой стремился к морю горный поток, на дороге стало почти свободно.

Когда он прибыл в аэропорт, то застал там удручающую картину. Удручающую и вместе с тем безнадёжную. Толпы людей осаждали готовые к взлёту лайнеры, пытались прорваться к трапам, а кордоны полиции на пределе своих возможностей сдерживали их. То и дело в воздухе мелькали полосатые полицейские дубинки, слышались вопли, проклятия и стоны, изредка кто-то спотыкался и падал, и тогда на этом месте возникала свалка из человеческих тел. Людские волны то накатывали на стройный частокол высоких, в человеческий рост, полицейских щитов, то снова откатывали назад, отброшенные скоординированными действиями блюстителей порядка. Но вот группа агрессивно настроенных молодчиков, изрядно подогретых спиртным, смяла один из полицейских кордонов и рванула наперерез ближайшему самолёту, который только что закончил загрузку пассажиров и уже выруливал на взлётную полосу. Толпа взорвалась громкими поощрительными криками, подбадривая смельчаков, в полицию с удвоенной энергией полетели проклятия, пустые бутылки и камни. Однако торжество правонарушителей было недолгим: на лётное поле выкатилось с десяток бронемашин с водомётными пушками. Выстроившись в боевой порядок, они в два счёта разметали мощными водяными струями многочисленные людские скопления, включая и ту группу пьяных молодчиков.

Он вышел из машины и в сердцах хлопнул дверцей. И здесь тупик, дьявол их забери! Без законных оснований улететь отсюда не мог никто – для него это теперь было более чем очевидно. А законных оснований, скажем, в виде авиабилета, спецброни или удостоверения члена Триумвирата, у него не имелось. Последняя надежда вырваться из города потерпела фиаско.

Оставалась, правда, автомобильная трасса, но и она не решала проблемы: после полуночи он терял право на пользование служебным автомобилем, и на первом же полицейском посту его попросту задержат. Ну, если не на первом, то на втором уж точно. С этим в условиях военного времени было чрезвычайно строго: угон служебного автотранспортного средства, тем более с государственными номерами, грозил нарушителю высшей мерой наказания. Без суда и следствия: приговор приводился в исполнение прямо на месте.

Уныние овладело им. Он был выжат, опустошён и обессилен. Нет, не суждено ему добраться домой, увы, не суждено! И как он мог совершить такую оплошность, как позволил обокрасть себя! Сейчас бы преспокойно трясся в купе международного вагона и горя б не знал. Да что уж… Теперь ведь никому не докажешь, что билет у него был. Да и доказывать, собственно, некому.

Он сплюнул и поднял глаза к небу, с тоской провожая взглядом только что взлетевший пассажирский «Боинг». Звуковая волна накрыла его с головой и ушла вперёд, вслед за лайнером. А он всё стоял с задранной вверх головой и продолжал смотреть в душное мутное небо.

Там, наверху, под самым небесным куполом, неподвижно висел розовый дирижабль с традиционной надписью на борту: «Good Year!» А под ним, прямо в небе, гигантскими буквами, видными за десятки километров, светилась лазерная голограмма, дублировавшая текст розовой листовки об объявлении войны:

Дорогие сограждане! Мы, члены Триумвирата Единого земного государства, призываем вас к спокойствию, пониманию и терпимости. Приоритеты государственной политики, обострившаяся демографическая ситуация в планетарном масштабе, рост кризисных явлений в сфере макроэкономики и ваши исконные интересы требуют от нас принятия тяжёлого, но справедливого и единственно верного решения. Такое решение принято.

В третий день месяца июля, в пятницу, в 12:00 по Гринвичу, одновременно на всей территории Единого земного государства объявляется начало тотальных военных действий…

Дальше следовал подробный свод правил поведения в условиях военного времени, с особым упором на запретах, нарушение которых каралось очень строго, вплоть до смертной казни. В самом конце официального послания народу шёл подробный перечень поощрений, наград и бонусов наиболее отличившимся на арене военных действий, а завершал эпохальный документ прейскурант цен на человеческие скальпы: скальп мужчины – сто баков, женский – пятьдесят, детский – двадцать пять. Лысые, себорейные скальпы и скальпы, стриженные «под ноль», в приёмных пунктах не принимались и оценке не подлежали.

Всё как обычно, ничего нового.

Он поднял голову ещё выше. Там, на границе стратосферы, теряясь в облачном слое, тонкой, едва различимой серебряной нитью пролегала сверхскоростная правительственная монорельсовая трасса. Простым смертным туда путь был заказан.

Ходили легенды, что она сделана из чистой углеродистой стали. Однако никто в этот бред не верил.

3.

Он курил сигарету за сигаретой и с тоской смотрел, как один за другим взлетают в небо белоснежные лайнеры. Когда лётное поле окончательно опустело, народ с шумом, с гвалтом, с бранью повалил с территории аэропорта, изливая нереализованные гнев и агрессию на интерьер аэровокзала, на не успевших увернуться служащих терминала, на цветочные клумбы и припаркованный автотранспорт. Досталось и его машине: кто-то в сердцах пнул ногой бампер, кто-то своротил зеркало заднего вида, а кто-то «уронил» кирпич на заднее стекло, и оно с характерным шелестом осыпалось в салон. А он продолжал пускать дым, пыхтя уже пятой сигаретой, и не замечал ни людей, оценивающих его одинокую фигуру враждебными взглядами, ни полицейских, с безопасного расстояния наблюдающих за экзальтированной толпой, ни перепуганных работников аэропорта, жавшихся по углам во избежание побоев.

Когда толпа схлынула, он снова сел за руль. В сознании забрезжила одна идейка, некий авантюрный план-прожект, абсурдный, фантастический, практически не выполнимый, но единственный: другого не было, и выбирать особенно не приходилось. В двух-трёх верстах отсюда, если двигаться не по основной трассе, а по другой, незаметной и пустынной, той, что огибала аэропорт и, по-заячьи петляя, уводила в горы, располагался компактный закрытый аэродром, специально предназначенный для высших чиновников государства. По слухам, таких площадок, всегда готовых к услугам членов Триумвирата, было около сотни по всей планете, и там «под парами» всегда стояло несколько единиц летательной техники. Туда-то он и решил направиться, надеясь лишь на чудо. Потому что прорваться на территорию усиленно охраняемого закрытого объекта класса «top secret» мог попытаться только сумасшедший.

Но едва он вырулил на трассу, как мимо него на бешеной скорости, с визгом, сиренами и мигалками пронеслась кавалькада чёрных правительственных «линкольнов». Видно, большой чин проследовал на тот самый охраняемый объект повышенной секретности. Вот оно, чудо! Если он не воспользуется им прямо сейчас, то будет полным кретином. Выждав, когда кавалькада скрылась за поворотом, он вдавил педаль газа до отказа и вырвался на шоссе. Примерно через километр он сумел догнать последний «линкольн» и пристроился ему в хвост по принципу «как бы я с вами, ребята». Государственные номера его джипа и муниципальная символика оказались очень кстати: он вполне сошёл за представителя местного муниципалитета в качестве сопровождающего.

Стиснув зубы, навалившись на руль всем телом, впившись взглядом в серую ленту шоссе, он выжимал из джипа последние лошадиные силы, старался держать требуемую дистанцию и не слишком отрываться от VIP-кортежа. Джип словно приклеился к идущей впереди машине. Дорога перестала петлять, теперь она шла по идеальной прямой. Это могло означать только одно: скоро объект. Он никогда не был здесь раньше и ориентировался лишь по кулуарным рассказам служащих городского муниципалитета, с которыми ему пришлось трудиться всю последнюю неделю, обучая их таинствам великой науки практической деурбанизации.

Что и говорить, в последние десятилетия деурбанизация устойчиво пользовалась повышенным спросом. Переселение целых народов в сельскую местность сначала из крупных мегаполисов, а потом и из городов поменьше приобрело характер глобальной миграции, своего рода массового исхода, тотальной эпидемии. Маститые учёные долго ломали голову над причиной такой спонтанности, выдвигали различные остроумные гипотезы, созывали конференции и научные симпозиумы, спорили до хрипоты и психических расстройств, пока какой-то никому не известный молодой журналист не тиснул в провинциальной заштатной газетке небольшую статейку, в которой просто, в доступной для обывателя форме увязал новое великое переселение народов с краткосрочными войнами, которые регулярно, раз в шесть-восемь лет, лихорадят всю планету. Объяснение оказалось до смешного банальным: в период ведения тоталь-

ных военных действий шансов выжить в городской тесноте значительно (в разы) меньше, чем в условиях относительно низкой плотности населения. Тогда-то и зародилась наука практической деурбанизации, которая, в частности, математически определила критический порог плотности населения, превышение которого в условиях военного времени приводило к скачкообразному росту процента смертности. В городах, даже небольших, этот порог, как правило, был значительно превзойдён…

Он тряхнул головой, возвращаясь к реальности. Кортеж мчался с прежней скоростью, рассекая пространство, забираясь всё выше и выше в горы. А потом произошло то, что он называл чудом. Не сбавляя скорости, вереница машин пронеслась сквозь предусмотрительно распахнутые ворота и влетела на территорию правительственного аэродрома. Ему повезло: никто не заподозрил его в самозванстве и не попытался остановить. Дальнейшие события развивались молниеносно. В поле его зрения попала взлётная площадка, на которой одиноко стоял геликоптер с вращающимися винтами. Пилот в кабине нервничал, то и дело посматривая на часы. Глаз отметил отсутствие охраны внутри периметра объекта, концентрацию каких-то людей у подъезда двухэтажной постройки, скорее всего, административного здания. К нему-то и устремился кортеж, в последнюю минуту резко вильнув вправо и оставив лётное поле по левому борту.

Вот он, шанс! Вертолёт был в каких-нибудь сорока метрах прямо по курсу. Оторвавшись от группы правительственных «линкольнов», джип вырвался на лётное поле и помчался к нему. Счёт пошёл на доли секунды. Резкий визг тормозов – и вот он уже у кабины пилота. Легко вскочив на подножку, он упал на свободное кресло рядом с «летуном».

– Взлетаем! – крикнул он, перекрывая шум работающих винтов.

Однако пилот не торопился выполнять приказ.

– Кто вы? Я вас не знаю.

– Я тот, кого ты должен везти. Взлетай, ну!

– Я вас не знаю, – упёрся «летун».

– А тебе лучше не знать, кто я. – Он склонился к пилоту и зловещим шёпотом продолжал. – Людям вообще вредно знакомство со мной. Работа у меня такая, понял? А твоё дело – выполнять приказ. Заводи свою шарманку, я сказал!

Блефовать, так красиво, с размахом. Главное сейчас – результат. Краем глаза он видел, как на лётном поле появились люди. Они бежали к вертолёту, что-то кричали и махали руками. Значит, попытка несанкционированного захвата летательного аппарата не осталась незамеченной. Что ж, придётся действовать более решительно.

– Если ты сейчас не взлетишь, – крикнул он в самое ухо пилоту, – я сделаю из тебя решето. – И ткнул ему под рёбра пальцем, имитируя пистолет.

Трюк подействовал. «Летун» вздрогнул, бросил на него затравленный взгляд, поспешно кивнул и принялся колдовать над панелью управления. Машина дёрнулась и вскоре легко оторвалась от земли. Преследователи были совсем уже рядом, когда вертолёт стремительно взмыл в небо. Снизу раздались беспорядочные выстрелы. Пули дружно зацокали по алюминиевой обшивке.

Пилот запаниковал.

– Они стреляют!

– Лучше они, чем я, понял? – Пришлось продолжать начатую игру. – Жми на всю катушку!

– Куда?

– Туда. – Он поднял глаза и кивком указал на тонкую, затерянную в облаках, едва различимую нить сверхскоростной правительственной монорельсовой трассы.

Пилот кивнул в ответ. Чем дальше уходил он от земли, тем более спокойными и уверенными были его движения.

Они поднимались всё выше и выше, уходя по спирали в молочное небо. С земли достать их уже не могли, разве что из крупнокалиберного пулемёта. Но пулемёты давно канули в Лету, ушли в область предания, стали частью легенды, осталось лишь смутное представление о каком-то мощном оружии, которое запросто пробивало бетонные стены и легко снимало с километровой высоты геликоптеры.

Пилот скользнул взглядом по пассажиру.

– Вы не тот, за кого себя выдаёте.

– А тебе что за дело? Вези, куда сказано, глядишь, в живых останешься.

– У вас нет оружия.

– Зато у меня хватит сил, чтобы выкинуть тебя из кабины. Лучше веди свою колымагу да помалкивай.

У пилота достало ума больше не провоцировать террориста, захватившего вертолёт, и он надолго замолчал. Лучше доставить его, куда требует, глядишь, и впрямь сухим из воды выйти удастся.

Прошёл час. Геликоптер всё дальше и дальше забирался в горы, лавируя между остроконечными пиками и снежными вершинами. Высота над уровнем моря неуклонно росла, температура за бортом упала почти до нуля, а таинственная монорельсовая трасса оставалась всё такой же недосягаемой и далёкой. Рваные облака болтались в воздухе, словно клочья ваты, цеплялись за скалы, сползали в тёмные пропасти, обманчивым белесым мхом устилали дно ущелий, влажным конденсатом стекали по лобовому стеклу вертолёта. Холод и сырость просачивались в кабину, превращая дыхание людей в клубы пара.

Лётный комбинезон надёжно защищал пилота от перепадов температуры и атмосферных явлений, а вот его пассажиру, одетому совсем по-летнему, приходилось несладко. Он основательно продрог, его била крупная дрожь. Пилот невольно посочувствовал ему.

– Там, за креслом, есть запасной комбез. Возьмите, а то окончательно в сосульку превратитесь.

– Спасибо.

Комбинезон оказался очень кстати. Он ощутил истинное блаженство, когда втиснул окоченевшее тело в его мягкую тёплую полость. Ещё немного, и прогноз «летуна» относительно превращения в сосульку оправдался бы.

– Спасибо, – ещё раз поблагодарил он. Немного согревшись, ткнул пальцем вперёд и вверх, туда, где едва различимо мерцала отражённым светом правительственная трасса. – Приходилось там бывать?

Пилот молча кивнул. Многословием он явно не отличался.

День подходил к концу, с востока на горную страну наползал вечерний мрак, с каждой минутой отвоёвывая всё большую и большую территорию.

– Скоро прибудем на место? – спросил он, опасаясь, что ночь застигнет их в полёте.

– Скоро, до темноты успеем, – отозвался пилот. – Сразу за тем хребтом уйдём на восемь тысяч, там, на высокогорном плато, станция монорельса. Дальше вы сами.

– Дальше я сам, – согласно кивнул он.

Стремительное развитие событий, дерзкий захват правительственного вертолёта, длительный перелёт через горы, замаячившая надежда – всё это подействовало на него возбуждающе, придало сил, вселило уверенность в успехе. В конце концов, Фортуна помогает только смельчакам. Дай Бог, не отвернётся она от него и в этот раз.

Пролетело ещё полчаса. Небо на востоке совсем почернело. Надвигалась ночь. Перевалив через горный хребет, «летун», как и обещал, повёл машину круто вверх. Затем, достигнув расчётной точки, изменил направление на горизонтальное. Прямо по курсу, сквозь туманное марево сгущающихся сумерек, замелькали электрические огни. А далеко внизу, играя бликами отражённого света, мерцала тёмная гладь горного озера.

– Прибываем, – предупредил пилот.

Но он уже не слышал его. Внимание его в этот момент было приковано к горному плато, где среди нагромождения скальных пород блеснула вдруг чуть заметная вспышка, и сразу вслед за этим стремительно метнулся в их сторону огненный трек с дымным охвостьем.

– Ракета!!! – заорал он во всю силу своих лёгких, распахнул дверцу, хватанул ртом порцию ледяного воздуха и сиганул вниз, в пустоту. Воздушный поток тут же подхватил его и швырнул далеко в сторону, прежде чем сила тяготения неудержимо потянула к земле.

Он успел заметить, как огненная точка, словно ядовитое жало, вонзилась в вертолёт. Мощный взрыв мгновенно разнёс машину вдребезги, яркая вспышка на миг ослепила его, гигантский язык пламени жадно лизнул небо у него над головой. А потом он увидел, как навстречу стремительно несётся водная гладь горного озера. Зажмурившись, он машинально сгруппировался.

Удар, всплеск и…

4.

– Кажется, жив.

– Да что с ним станется? Они ведь живучи, эти элитники. На стимуляторах, говорят, каких-то особых сидят, чтобы, значит, мозги лучше варили. А то как они нами править будут, если мозги вдруг откажут? Они ж за всех за нас думать должны, судьбы мира вершить да вдаль глядеть, в перспективу.

– Что-то я его не припомню… Вроде бы всех знаю, а этого в первый раз вижу.

– Да ты голову-то не ломай, не поможет. Да и не можешь ты их всех знать, молодой ещё. Их на моём веку знаешь сколько здесь побывало? И у всех особые полномочия, спецпропуска, «розовые карты». А то ведь ходят слухи, что их откуда-то из параллельного мира к нам забрасывают, вроде как в помощь элитникам, опыт передавать. Только об этом лучше не трепаться, понял?

– Могила!

– Вот я и думаю, может этот тоже из тех, из потусторонников? В смысле, чужой?

– А хрен его разберёт! Да и не нашего это ума дело.

– Это ты верно заметил, не нашего. Наше-то дело малое, кондукторское: ксиву удостоверить, ДНК-контроль провести, на место клиента усадить, комфортом обеспечить, чай, кофе, сникерсы-трипперсы, прочие удовольствия… Чего смеёшься? Я ведь побольше твоего по этой трассе мотаюсь, уж под сотню лет будет, всякого повидал, знаю, как, что и где. А ты учись, парень, мотай на ус, сменишь меня, когда надоест мне вся эта кутерьма.

– А это правда, что вы самого… возили?

– Фильтруй базар, парень. О таких вещах вслух не спрашивают, сечёшь?.. Глянь-ка, шевельнулся! В себя, кажется, приходит.

Он давно уже пришёл в себя, однако вида не подавал и продолжал лежать без движения с закрытыми веками, пытаясь понять, куда его занесла нелёгкая, и вслушиваясь в чужие голоса над собой. Однако неосторожное движение кисти руки выдало его. Понимая, что дальше притворяться нет смысла, он открыл глаза и попытался встать.

– Лежите, лежите, сэр, – мягко, но настойчиво попытался снова уложить его первый кондуктор, тот, что постарше. – Вам следует отдохнуть. Путь не близкий, времени вдоволь. Как вы себя чувствуете? Не трясёт, на уши не давит? Воздух на этой высоте, сами понимаете, разряженный…

– Где я? – прохрипел он, не узнавая собственного голоса.

– На борту «Олимпа», в медицинском отсеке. Спасатели вовремя выловили вас из озера. Ваш вертолёт совсем немного не дотянул до станции. Произошёл сбой в системе ПВО, и вас накрыто ракетой «земля-воздух». Виновные уже наказаны, приговор приведён в исполнение. Но хорошо всё то, что хорошо кончается.

Да-да, всё так и было. Он припомнил, как там, в воздухе, спасаясь от бешеной ракеты, он выпрыгнул из вертолёта и камнем полетел вниз, прямиком в озеро. А потом провал в памяти…

– Вы родились в рубашке, сэр. Когда вас подняли, борт уже ждал вас.

Интересно, за кого они его принимают? За высшего правительственного чиновника? За того, кто мчался в чёрном бронированном «линкольне»? Наверняка.

Второй кондуктор, совсем ещё юнец, с нескрываемым интересом рассматривал несостоявшегося утопленника.

– Скажите спасибо нашему врачу, сэр, – продолжал первый кондуктор. – Он быстро привёл вас в порядок. Вам крупно повезло, вы отделались ледяной ванной да парой лёгких ссадин.

Вопреки протестам кондуктора, он всё-таки встал. На нём была надета длинная, до самых пят, белая ночная рубашка, круто накрахмаленная, ещё несущая запах прачечной.

– Где мои вещи?

– Сушатся, сэр. Они ведь намокли, сами понимаете.

– Мне нужны мои вещи.

– Позже, сэр, где-то через час. Раньше никак нельзя.

Борт «Олимпа» мчал его сквозь пространство со сверхзвуковой скоростью. Движения почти не чувствовалось, лишь лёгкая щекочущая вибрация передавалась ногам, поднимаясь от ступней и щиколоток до колен и, ещё выше, к бёдрам, да чуть слышный гул ненавязчиво вливался в ушные раковины. Что и говорить, секретная монорельсовая трасса была выполнена с использованием самых последних научно-технических инноваций. Он огляделся по сторонам. Уютный салон лечебного отсека, с кучей всяких медицинских прибамбасов, мягкий свет, струящийся из невидимых светильников, койка, с которой он только что поднялся, слепые оконные проёмы, за которыми летела вспять чёрная непроглядная ночь… Пока всё шло по плану. Хотя, если честно, плана никакого не было, а была спонтанная бредовая идея, изначально обречённая на провал, именно в силу своей бредовости, но каким-то чудом сработавшая. И вот теперь он здесь, в секретном вагоне секретного поезда, в этой идиотской ночной сорочке, мчится домой, к своей семье, к своим дорогим, любимым…

– А он и впрямь сделан из железа, – прошептал он, скользя восхищённым взглядом по стальным конструкциям отсека. И это было не меньшим чудом: на Земле уже триста лет как не было ничего железосодержащего. Не сохранилось.

– Сэр, вам необходимо пройти процедуру идентификации, – перебил его мысли первый кондуктор. – Таковы правила. Нам, простым смертным, не положено знать, кто вы, но бортовая система должна идентифицировать всех, кто попадает на борт. В противном случае неидентифицированная личность подвергается автоматической локализации с последующей консервацией и передачей в ближайшее структурное подразделение внутренней планетарной безопасности. А там… лучше туда не попадать.

Он резко повернулся к кондуктору.

– В чём дело? – грозно спросил он. – Какая, к чёрту, идентификация? Моя личность слишком секретна, чтобы оставлять след в памяти вашей дурацкой бортовой системы. Я отказываюсь. Категорически.

– Вас знакомили с правилами, сэр, – вежливо возразил проводник, – вы давали подписку. Иначе вы не были бы сейчас здесь. Будьте добры подойти к этому аппарату и положить ладонь вот на эту стеклянную поверхность. Процедура идентификации личности по ДНК совершенно безболезненна и займёт не более десяти секунд. А потом вы сможете…

– К чёрту! К чёрту все ваши правила! Оставьте меня в покое, не вынуждайте меня на крайние меры. На кон поставлены интересы государственной безопасности.

Проводники испуганно переглянулись.

– Но как же, сэр… Не мы придумали правила…

– Вот и подите прочь, шестёрки!

Он попытался было пройти мимо них, направляясь к выходу из медицинского отсека, но младший кондуктор вдруг схватил его за руку.

– Нет, постойте! Вы не можете взять и вот так просто покинуть отсек. Вам придётся пройти процедуру идентификации. – Кондуктор сделал упор на слове «придётся».

Вот он и попался. Прижат к стене, уничтожен, распят. Как по-глупому всё вышло! Идентификация выявит подлог, раскроет его самозванство. А отказ от процедуры даст тот же результат: локализация, консервация, передача в ВПБ, короткий суд и расстрел. Увы, чуда не получилось. За каждое чудо надо расплачиваться. Бесплатное чудо бывает только на том свете, как бесплатный сыр – только в мышеловке.

А потому ему ничего другого не оставалось, как прокладывать себе путь силой. Приняв такое решение, он выдернул руку из цепких пальцев молодого кондуктора, тут же двинул

ему кулаком поддых, отчего тот выпучил глаза, побагровел и резко согнулся пополам, а его напарника отправил в нокаут хорошо поставленным ударом в челюсть. Перепрыгнув через тела поверженных противников, корчившихся на полу, он в два счёта достиг конца отсека. Ночная рубашка сковывала его движения, путалась в ногах, но что он мог поделать? Другой одежды у него не было, а скинуть её и остаться голышом он как-то не рискнул.

Толкнув тонкую дверь, он легко проник в соседний отсек. Это было комфортное жилое помещение, выполненное в стиле «Тысячи и одной ночи», с мягкими диванами, глубокими креслами, зеркалами, инкрустированными позолотой, ломберным столиком для игры в нарды, шикарным мраморным камином, золотыми торшерами и люстрой под потолком, с книжными стеллажами и электронным панно на одной из стен. В интерьере преобладал цвет бордо, в воздухе витал приторно-пряный аромат восточного фимиама. Отсек был пуст. Он лишь скользнул по нему взглядом, пожалев, что не может поваляться на том вон уютном диване, полистать книжку, покурить кальян, выпить бокал холодного шампанского. Увы, приходилось уносить ноги, которые то и дело путались в этой дурацкой ночной сорочке, будь она неладна! Хорошо же он сейчас в ней выглядит!

Следующий отсек тоже пустовал. Однако на этот раз предпочтение было отдано изумрудным тонам и стилю «Океания». Он и его проскочил без препятствий. Потом поочерёдно последовали отсеки, отделанные соответственно пастелью, охрой, бирюзой, бронзой и ливанским кедром. И ни одного живого существа на пути, все помещения оказались пусты. На бронзе на него обрушился вой сирены, оповещавший, по-видимому, о ЧП на борту «Олимпа» (нетрудно было догадаться, что ЧП – это и есть он сам), а на ливанском кедре его настиг топот преследующих ног. А тут как назло он споткнулся и нырнул головой в кресло, раскрывшее ему свои объятия.

5.

В какой-то момент он запаниковал. Если его сейчас догонят, ему каюк. Его даже судить не будут, а просто вышвырнут за борт как никому не нужный балласт. В этой глухой горной стране его окоченевшее тело никто никогда не найдёт, по крайней мере в ближайшие лет сто. Бр-р! Перспектива, надо признаться, не из радужных. Он резво вскочил на ноги и обернулся.

За ним бежали уже не те два кондуктора, которых он легко уложил двумя короткими ударами, а дюжие секьюрити, здоровые качки с бычьими шеями и кулаками величиной с тыкву. Они уже ворвались в последний отсек и теперь быстро приближались к злоумышленнику.

– Вот чёрт! – выругался он и рванул вперёд с удвоенной скоростью. За спиной он слышал мерное сопение своих преследователей.

Следующий отсек оказался кабиной машинистов. Два человека в униформе сидели в креслах перед большими панелями, усеянными многочисленными индикаторами и датчиками. Во всю стену по правому борту располагалась электронная карта с указанием маршрута «Олимпа» и точкой его нахождения на траектории в он-лайн режиме.

– Ребята, выручайте! – заорал он, задыхаясь. – Меня сейчас убьют!..

Один из машинистов, тот, что помоложе, мгновенно оценил ситуацию. Не мешкая ни секунды, он вскочил, в два счёта достиг входной двери, куда более массивной, чем прежние, отсекавшие друг от друга жилые апартаменты, и повернул ключ в замке. И в тот же миг в неё задубасили могучие кулаки. Казалось, дверь сейчас не выдержит натиска и рухнет под напором тел охранников, но стальная преграда оказалась вполне надёжной.

Второй машинист, который постарше, по-видимому, главный в их бригаде, с опаской поглядел на дверь, окинул чужака беглым взглядом и с чуть заметной усмешкой покачал головой.

– Классно выглядишь, парень. Видать, серьёзно влип? Не прошёл процедуру идентификации личности?

– Не прошёл.

На дверь обрушилась новая серия мощных ударов. Дверь затрещала, однако и на этот раз выдержала.

– Эй, там, в рубке! – донёсся с той стороны грубый, приглушённый металлической преградой голос. – Живо откройте! А то шмальну, мало не покажется! У меня бронебойные!

– Они всё равно войдут, – нахмурился старший машинист и полуобернулся к чужаку. – Ну что стоишь, давай беги, коли жить охота! Видишь тот трап? – Он ткнул пальцем в крутую металлическую лестницу, верхним концом упирающуюся в потолок. – Дуй наверх. Увидишь кресло, сядешь в него, нажмёшь зелёную кнопку на правом подлокотнике. Только не перепутай: зелёную, а не красную! Понял? На какое-то время это отсрочит твою гибель.

Он всё сделал так, как было велено. Едва палец коснулся зелёной кнопки, как грудь и пояс его перехватило с полдюжины ремней и накрепко пристегнуло к креслу. Он инстинктивно дёрнулся, пытаясь высвободиться, но тщетно. Глаз уловил смутное движение. Сверху медленно опускался прозрачный колпак, вскоре превративший и само кресло с человеком в нём, и часть пространства вокруг него в герметично упакованную капсулу.

Пожалуй, машинист прав, на какое-то время это и впрямь может отсрочить его гибель. Вопрос только, надолго ли.

Из люка возле капсулы показалась бычья шея одного из преследователей, увенчанная бритой потной головой. Маленькие поросячьи глазки зло стрельнули в него, губы изрыгнули беззвучное проклятие. Потом из люка выскочило всё тело целиком, за ним второе, затем ещё одно. У первого секьюрити в руках оказалось какое-то оружие, похожее на ручной пулемёт, но с коротким стволом и уродливо изогнутым прикладом. Троица облепила капсулу со всех

сторон и тупо уставилась на беглеца, туго спеленатого ремнями. Один из них кивком головы велел ему выйти наружу: мол, хорош ерепениться, прояви благоразумие и сдайся по-доброму. Тот, что с пулемётом, видимо, главный, не стал дожидаться конца немого диалога и грохнул прикладом по прозрачной оболочке капсулы. Та отозвалась гулкой вибрацией – и только.

Выждав с минуту, главный отдал какую-то команду – какую именно, расслышать было невозможно, так как оболочка капсулы обеспечивала полную звукоизоляцию, – и вся троица отошла на несколько шагов назад. Потом главный поднял ствол и снял псевдо-пулемёт с предохранителя.

Пальцы сами вцепились в подлокотники, спазм в горле сковал дыхание, взгляд впился в воронёный ствол, в любую секунду готовый изрыгнуть порцию смертоносного свинца. Если этот урод и впрямь шмальнёт, то разнесёт капсулу в два счёта. Такая пушка запросто бетонную стену пробьёт, не то что тонкую стеклянную преграду.

Он приготовился умереть. Все его потуги оказались тщетны. Он не только не доберётся домой вовремя – он не доберётся домой вообще. А какой удачной поначалу казалась мысль с монорельсовой дорогой! Как он ловко оседлал этот грёбаный «Олимп»! Увы, всё в прошлом… Он ещё крепче сжал подлокотник. Палец нащупал выпуклую поверхность кнопки. «Только не перепутай: зелёную, а не красную!» А если красную, то что? Всё полетит к чёрту? Всё и так летит к чёрту, так к чему весь этот спектакль? Он скосил глаза на подлокотник. Кнопка, что он нащупал, была красной. И тогда он с силой, до боли в суставе, вдавил её пальцем.

Резкий толчок едва не размазал его по спинке кресла. Сильная перегрузка вдавила его в сидение. Вспышка где-то там, внизу, под ногами, на миг ослепила его, удивлённые физиономии быков-охранников, отброшенных в сторону, исчезли в клубах дыма. Могучая сила выдернула его вместе с креслом и капсулой и с бешеным ускорением швырнула вверх, в чёрное ночное небо.

Катапульта! Он катапультирован! Запретная красная кнопка сразу же обрела смысл.

6.

Светало. Далеко внизу мутными бельмами проступали снежные шапки горных пиков. Он медленно опускался в предрассветной мгле, свирепый ветер порывами налетал на беззащитную капсулу, раскачивал её и безбожно трепал, и тогда туго натянутые стропы издавали надрывный скрип, подобный скрипу вёсел в уключинах лодки. А над головой, закрыв добрых полнеба, висел купол гигантского парашюта.

Наверное, со стороны он представлял комичное зрелище: человек в ночной рубашке, с голыми коленками и одержимостью во взоре, подвешенный в пространстве, запакованный в прозрачную яйцевидную капсулу. Именно так, пожалуй, и рождались в древности мифы о богах, спустившихся с небес.

Чем ниже он опускался, тем ярче становился рассвет и тем чётче проступал рельеф безжизненной горной страны, раскинувшейся внизу от горизонта и до горизонта. В какую точку этой страны забросит его судьба, к какому берегу прибьёт капсулу капризный изменчивый ветер, он не знал. Он был одинок в этом мире, одинок, заброшен и забыт. И ещё голоден: он не ел со вчерашнего дня. Заоблачный «Олимп» давно уже умчался восвояси, моргнув напоследок кормовыми огнями. Теперь он понял, откуда взялось такое название: мифическая гора Олимп издревле считалась пристанищем божественных небожителей. А члены Триумвирата иначе как носителями божественной власти на земле себя и не позиционировали.

Он опускался уже минут двадцать. Ветер по мере сгущения атмосферы крепчал, его порывы, внезапные, резкие, шквалистые, то и дело меняли траекторию капсулы, швыряли её из стороны в сторону, раскачивали на стропах, словно маятник. Но вот купол парашюта попал в устойчивый восходящий поток, который подхватил и понёс его строго на север. Беспорядочные флуктуации капсулы прекратились, как прекратилось и снижение – на длительное время установилось горизонтальное её парение над горными вершинами. Парашют превратился в своего рода планер.

Обессиленный и уставший, вымотанный до предела треволнениями последних суток, он задремал. Очнулся он от резкого удара. С трудом вернувшись к реальности, он проводил взглядом скальную поверхность, о которую вскользь зацепилась капсула, и невольно зажмурился, когда слоёный базальт другой скалы внезапно вынырнул по правому борту и прошёл всего лишь в десятке сантиметров от него. Ветер стих, горы окутал вязкий клочковатый туман.

Он снова опускался, на этот раз окончательно и безвозвратно. Вскоре горы расступились, и парашют понёс его над каменистой долиной, обильно усеянной бурыми проплешинами колоний мха. По дну долины змеилась быстрая речушка, а по обе стороны круто вздымались вверх голые скалы, изрытые чёрными зевами многочисленных пещер. Здесь-то капсула и нашла своё последнее пристанище. Потеряв ветер, парашют безвольной тряпкой опустился на грунт, капсула клюнула носом в мшистый валун и завалилась набок. Всё, конец пути.

Нажатие зелёной кнопки привело к открытию защитного колпака и автоматическому освобождению его от ремней. Затёкшее тело плохо слушалось сигналов центральной нервной системы, однако вскоре кровообращение восстановилось, суставы вновь заработали, и он смог выбраться из капсулы наружу. Утолив жажду студёной ледниковой водой из ручья, он зашагал в северном направлении – туда, где за сотни вёрст отсюда был его дом. Ночная сорочка и домашние шлёпанцы были далеко не самой лучшей одеждой для многодневного горного перехода, но выбора у него не было. Он должен был идти, идти, идти, невзирая на холод, голод и усталость.

Он шёл уже много часов. Полдень остался позади, где-то в небесах, за плотным облачным слоем, кипело в космической пустоте неведомое и невидимое солнце. День был в самом разгаре. Ночная прохлада сменилась дневной духотой, шквалистый ветер, донимавший его во

время полёта в капсуле, – полным безветрием. Долина, стиснутая с обеих сторон горными хребтами, то раздвигала свои границы, превращаясь в плоскогорье, то сжималась в узкое ущелье с нависающими над головой скалами. Безымянная речушка, струившаяся по её дну, неуклонно вела путника на север. Когда голод достиг кульминации, а шлёпанцы изодрались в клочья об острые камни, он решил сделать привал. Двигаться дальше уже не было сил. Пот катил с него градом, ночная сорочка промокла насквозь – хоть выжимай. Расположившись на большом плоском валуне, прогретом за день и густо поросшем мягким буро-зелёным мхом, он незаметно уснул. Усталость взяла своё.

Очнулся он от звука чьих-то голосов. Он не сразу понял, где находится. Возвращение к реальности было трудным и мучительным. Всё тело ломило от неудобной позы, в которой сморил его сон. Он сел, протёр глаза – и отшатнулся. Вокруг валуна толпилась группа уродливых человекообразных существ, словно сошедших с полотен Босха или Дали (древний, источенный временем проспект с избранными репродукциями великих мастеров пылился на чердаке их дома – он-то и был источником столь «глубоких» познаний творчества оных живописцев).

– Мир тебе, добрый человек! – произнесло одно из существ глухим скрипучим голосом и кивнуло в знак приветствия.

Их смуглые, обветренные, иссохшие лица изборождены были глубокими морщинами, космы седых волос венчали их туго обтянутые пергаментной кожей черепа, на плечи накинуты были длинные просторные балахоны, а костлявые, в гипертрофированных жилах руки сжимали узловатые, подстать рукам, посохи. Несмотря на свой карикатурно-уродливый облик, они не выказывали ни враждебности, ни угрозы.

Его вдруг осенило. Грейт-эйнджеры! Или «великовозрастные», как величала их молва. Эти мифические существа жили в легендах и преданиях, которые из поколения в поколение передавались от отца сыну, от деда внуку на протяжении многих-многих столетий. Их колонии, если верить мифам, были затеряны в самых отдалённых, самых глухих уголках Земли: в непроходимых тропических джунглях, в жарких безводных пустынях, в неприступных высокогорьях, в северных льдах – там, куда человеческая цивилизация не сумела или не сочла нужным дотянуть свои жадные вездесущие щупальца. В эти мифы почти никто не верил.

Однако находились смельчаки, которые под страхом самых жестоких репрессий утверждали, что эти уродливые существа – ни кто иные, как старики, сумевшие выжить в Переходную эпоху великого омоложения. Обычно таких смельчаков куда-то увозили в глухих безоконных авто, и они больше никогда не возвращались.

Слово «старик» было изъято из лексикона всех земных языков, а его употребление преследовалось по закону.

– Мир тебе, добрый человек! – повторил грейт-эйнджер.

Но незнакомец, неведомым образом оказавшийся в этом глухом горном ущелье, вновь ничего не ответил.

– Послушай, Джон Фил, – слегка двинул плечом первого старика его сосед слева, – вряд ли я ошибусь, если скажу, что этот человек прибыл из внешнего мира.

– Ты не ошибёшься, Ганс Вислер, он действительно оттуда. И он нуждается в нашем участии. Пойдём с нами, добрый человек, – вновь обратился старик к пришельцу, – мы не причиним тебе вреда. Ты получишь кров, пищу, тёплую постель и ночлег. Ты устал с дороги, тебе нужен отдых.

Ему был нужен не только отдых – ему нужна была помощь. В таком состоянии продолжать путь он не мог. И он принял приглашение.

Поселение грейт-эйнджеров насчитывало порядка тридцати колонистов. Все они были весьма преклонного возраста, встречались и глубокие старики, не способные передвигаться самостоятельно; были среди них и женщины. Местом их обитания служило несколько естественных пещер, которыми изобиловали здешние скальные образования. Люди жили здесь

веками, оторванные от мира и от себе подобных. Впрочем, им подобных – то есть стариков – на земле почти не осталось, да и те были объявлены вне закона. «Старикам здесь не место!» – гласил неписаный постулат, претворённый в жизнь ещё на заре Эпохи вечной молодости. Никто уже сейчас не помнил, как, куда и каким образом исчезли с планеты все старики. Вернее, почти все.

Его разместили в одной из пещер, плотно накормили, напоили отваром из целебных трав и уложили в постель, устроенную из шкур диких животных. Сытый и обогретый, он вновь заснул.

Когда он проснулся, была уже ночь. В центре пещеры весело потрескивал костёр, от которого исходили живительное тепло и терпкий аромат горелой хвои. Возле костра сидело несколько убелённых сединами стариков.

Он поднялся со своего ложа. Силы вновь вернулись к нему, а вместе с силами и вера в благополучный исход его миссии. Он готов был двинуться в путь немедленно.

Однако один из стариков, угадав его намерение, остановил его жестом руки.

– Сядь рядом с нами, чужестранец.

Он повиновался и сел у костра.

– Расскажи, чужестранец, что нового во внешнем мире. Так же раздирают его вражда и ненависть, как и семь веков назад?

– У нас нет ни вражды, ни ненависти, уважаемый хозяин. Но у нас случаются войны.

– Мне уже более семисот лет, остальным поселенцам столько же. В вашем мире столько не живут, несмотря на вечную молодость и бессмертие. Потому что, как ты сказал, у вас случаются войны. Случаются с завидным постоянством. И они уносят лучших.

– Войны необходимы. Они регулируют народонаселение, расчищают место для новых поколений.

– Вот и нас когда-то таким же образом «расчистили», – печально произнёс старик. – Ты, наверное, уже понял, чужестранец, в какое общество попал?

– Вы – старики. Грейт-эйнджеры. Те, кто объявлен вне закона и подлежит локализации.

Старик расхохотался скрипучим невесёлым смехом.

– Ты повторяешь избитые тезисы официальной пропаганды, чужестранец. Разве быть стариком – тяжкое преступление? За что нас преследуют, за что объявили вне закона? Мы просто хотим, чтобы нас оставили в покое, хотим радоваться жизни, насколько это ещё в наших силах. Бессмертие настигло нас уже в преклонном возрасте, но разве мы в этом виноваты?.. Ладно, оставим эту неблагодарную тему в покое. Ответь лучше, куда путь держишь, какими судьбами забросило тебя в наши земли?

– Завтра ровно в полдень объявлено начало тотальных военных действий. Очередной войны, если говорить проще. К этому времени я должен попасть домой, чтобы спасти семью от убийц.

– Где твой дом, чужестранец?

Он назвал.

– Ты не успеешь, – убеждённо сказал старик. – Но тебе всё равно надо спешить. Мы окажем тебе посильную помощь: дадим обувь, посох и пропитание на три дня, а также проводника, который доставит тебя до границ наших земель. Дальше пойдёшь сам.

– Спасибо, добрый старик.

– Одно условие, чужестранец. Ты никому не расскажешь о нашей колонии. Иначе сюда нагрянут «чистильщики», и тогда от нашей маленькой общины не останется даже воспоминаний.

– Я буду нем, как могила.

– Тогда собирайся. Ты выходишь через четверть часа. Проводник зайдёт за тобой. Прощай, чужестранец.

7.

Он вновь остался один. На рассвете проводник, один из обитателей общины стариков, простился с ним и отбыл в обратный путь, в земли мифического племени грейт-эйнджеров. Ровно в полдень с запада, со стороны океана, донёсся глухой рокот канонады. Это могло означать только одно: военные действия начались. С этого момента любой встречный становился потенциальным врагом – убийцей, скальпером или обычным любителем поживиться за чужой счёт. Ибо закон в ближайшие две недели был на стороне тех, кто убивал, срезал скальпы и грабил всех без разбору. Столь радикально-тривиальным способом решалась на территории Единого земного государства демографическая проблема.

Когда-то, много веков назад, человечество лелеяло мечту о космической экспансии, о колонизации пригодных для жизни инопланетных миров, о расселении земных homo sapiens на территории обозримого Космоса и даже за его пределами. Однако наука не поспевала за полётом безудержной фантазии землян, а мечты о покорении безбрежных просторов Вселенной так и оставались мечтами. «Железная катастрофа» лишила фантазёров и мечтателей последней надежды. Отныне человечество обречено было вариться в собственном соку, в отдельно взятом замкнутом планетарном пространстве. А избыток человеческого материала, который в условиях тотального бессмертия рос в геометрической прогрессии, «локализовался» силами самого же человеческого материала – то есть путём взаимоуничтожения. Вообще, слово «локализация» с некоторых времён стало весьма популярным и вытеснило из обихода такие слова, как «уничтожение» и «ликвидация».

Однако исторические экскурсы, казусы демографической политики и этимология расхожих терминов сейчас мало волновали его. Все мысли его были только об одном: о жене и близнецах. Смогут ли они защитить себя? Выстоять в этой братоубийственной резне? Если они погибнут… о, нет! Лучше не думать об этом, не думать, не думать…

Шёл уже третий день пути. Запасы пищи, оставленные ему заботливыми грейт-эйнджерами, подходили к концу. Давно уже остались позади горные кряжи и остроконечные снежные вершины, путь его отныне пролегал по равнинной местности. Он обессилел, не столько от физической усталости, сколько от мыслей, одолевавших его. Каждая улетавшая минута казалась ему *той самой*, последней, после которой ничего уже поправить будет нельзя, а жизнь его уподобится беспросветному мраку. Но он всё-таки шёл, надеясь на чудо – хотя и не верил в него.

Он старательно обходил деревни, сёла и города, опасаясь засады скальперов: банды этих отморозков обычно околачивались на ближних подступах к населённым пунктам, отлавливая одиноких путников и скальпируя их. Ведь за скальп взрослого мужчины государство отваливало аж по сто баков! Весьма немалая сумма за плёвую работёнку, не так ли?

К исходу дня он вышел к безымянному полустанку. Порыв знойного сухого ветра донёс до него тошнотворный сладковатый запах разлагающейся плоти. Полустанок был совершенно безлюден, если не считать десятков трупов, в беспорядке разбросанных вдоль железнодорожного полотна. Тучи мух роями кружились над вздувшимися от жары телами, стаи стервятников и полчища крыс жадно пожирали мёртвую плоть. А на путях стоял разграбленный пассажирский поезд.

Он замер, не в силах ступить больше ни шагу. Жуткое зрелище массовой смерти парализовало его. Он брезгливо зажал нос и, с трудом пересилив себя, двинулся вдоль состава, держась на значительном расстоянии от него. Беглого взгляда на неподвижные тела умерщвлённых пассажиров было достаточно, чтобы понять, что здесь поработала банда профессиональных убийц: все мертвецы были оскальпированы. Особым шиком у скальперов считалось снять плоть с головы живой ещё жертвы, так, чтобы не порезать лишних сосудов и успеть уви-

деть биение артерий и пульсацию нежно-белой мозговой ткани, пока жизнь ещё не покинула несчастного. По слухам, они даже устраивали своеобразные соревнования в мастерстве виртуозного владения ножом.

Казалось, состав не кончится никогда. Он едва сдерживал тошноту и старался не смотреть на трупы, но взгляд помимо его воли вновь и вновь возвращался к плодам человеческой алчности и жестокости. Вид чужой смерти всегда завораживает, даже если эта смерть и вселяет ужас – такова уж природа человека. Но его сейчас интересовало другое: он искал багажный вагон. Некое смутное подозрение, ещё не оформившееся в конкретную мысль, всё более и более овладевало им.

Нужный вагон оказался почти в самом конце состава. Он сразу узнал его: багажный вагон отличался отсутствие окон и разбросанной возле него поклажей. Чемоданы, рюкзаки, дорожные сумки, полиэтиленовые пакеты, когда-то бережно перевязанные верёвками или стянутые ремнями, набитые купальными принадлежностями, курортными сувенирами, подарками для родных и близких, томиками стихов или детективов карманного формата, которые обычно берут в дорогу, чтобы скоротать время в пути или на пляже – теперь всё это свидетельство курортной беспечности было выброшено из вагона, выпотрошено грубыми руками мародёров, безжалостно втоптано в гравий железнодорожной насыпи. Зато здесь, у багажного вагона, не было человеческих трупов – только трупы чемоданов.

Подозрение наконец оформилось в конкретную мысль, а вскоре эта мысль получила реальное подтверждение: в массе разбросанной поклажи он узнал свой чемодан. Тот самый чемодан, который он предусмотрительно сдал в багажное отделение в злополучное утро объявления войны. Ошибки быть не могло, он узнал его по тому специфическому набору вещей, которые обычно укладывал сам, отправляясь в дорогу, не доверяя столь интимное дело жене. Как и его соседи, чемодан был грубо вспорот ножом, однако вещи в большинстве своём остались нетронуты: позариться грабителям здесь было не на что.

Это был *тот самый* поезд. *Его* поезд. Поезд, билет на который у него украли. Поезд, подвергшийся нападению и разграблению мародёров. Попади он на него тогда, в последний день злополучной командировки, то сейчас, вероятнее всего, он был бы уже мёртв. Такая вот гримаса судьбы.

Среди своих вещей он нашёл то, что искал: нижнее бельё, брюки, сорочку и летнюю куртку-ветровку. Скинув ночную рубашку, в которой он прошагал добрую сотню миль, он облачился в привычную одежду и сразу же почувствовал себя намного уверенней. Вот только с обувью вышла заминка: лишней пары в чемодане не оказалось, а та, что выделили ему грейт-эйнджеры, откровенно дышала на ладан. Снять же с трупа у него рука не поднялась. Это не было предрассудком, это было обычное, вполне естественное физическое отвращение к мёртвой плоти.

Он торопился покинуть это жуткое место. Забрав с собой ещё кое-что из своих пожитков, которые могли бы пригодиться в дороге, он собрался было уже тронуться в путь, как почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Взгляд жёг ему затылок, сквозь черепную коробку буравил тыльную часть мозга. Он резко обернулся.

За чахлым кустарником скрывался человек. Живой человек. Поняв, что обнаружен, незнакомец осторожно приподнялся над кустом и настороженно улыбнулся. Это было маленькое плешивое существо мужского пола, тонкогубое, с крохотной крысиной физиономией, с острым носом и большими оттопыренными ушами. Вид его был комичен и вместе с тем жалок и беспомощен.

– Ты кто? – в упор спросил он существо.

– Я, знаете ли… – залепетал человек и осёкся. – А вы не убьёте меня? – вдруг выпалил он скороговоркой. – За мой скальп вам ничего не дадут, ручаюсь!

– Мне не нужен твой скальп. И мне не нужна твоя жизнь. Откуда ты здесь взялся? Ты что, с этого поезда?

– Да, да, я с этого поезда! – обрадовался человек и быстро-быстро закивал. – Все, все погибли, я один остался жив. Чудом уцелел. Они налетели, как ураган, и начали всех резать. О, это был ужас, ужас!

– Кто это был?

– Не знаю. Это получилось так внезапно. Наверное, они заранее сели на этот поезд и лишь ждали удобного момента. Их было человек восемь, может быть больше. Я успел спрятаться, и они меня не заметили.

– Почему ты остался здесь? Почему не ушёл, когда всё кончилось?

– А куда мне идти? В одиночку я всё равно погибну, если не от рук бандитов, то от голода. А здесь как-никак и еда кое-какая имеется, – человечек кивнул на развороченный багаж, – да и спокойней здесь как-то: они сюда уже наверняка не вернутся. Пережду, пока всё не кончится.

– Ну как знаешь.

Он пожал плечами и повернулся, чтобы уйти, но маленький человечек вдруг выскочил из своего убежища и бухнулся перед ним на колени:

– Стойте! Стойте! Возьмите меня с собой! Возьмите, умоляю! Я больше не могу здесь оставаться, это свыше моих сил. Ещё сутки, и я свихнусь, это точно. Возьмите, прошу вас!

Его раздумья заняли не больше минуты.

– Нет, мне не нужен попутчик. Прощай.

Он повернулся и зашагал прочь. Склонность к благотворительности никогда не значилась в списке черт его характера. Пускай этот тип добирается сам. А ему нужно спасать семью.

Однако маленький человечек и не думал сдаваться. Выудил из кустов внушительный мешок с поклажей, размахнулся, описал им в воздухе дугу и тяжело взвалил его на плечи. Потом, пыхтя и отдуваясь, засеменил вслед за незнакомцем. Он двигался за ним на почтительном расстоянии, не рискуя приблизиться, дабы тот не подумал, что он ослушался и увязался за ним вопреки его воле. Если что, он идёт сам по себе, а то, что этот отрезок пути оказался у них общим, произошло совершенно «случайно».

Скоро на землю опустилась ночь. Мутные небеса лучились космическим светом, пробивавшимся сквозь толщу вековой облачности, и в этом призрачном свете скользили по безлюдной равнине две человеческие тени: одна, высокая, широко шагающая – впереди, вторая, мелкая, согбенная под тяжестью ноши – позади. Но вот первая тень остановилась. Остановилась и вторая, чуть поодаль от первой.

Усталость брала своё. Без отдыха и восстановительного сна дальнейший путь был невозможен. Он разжёг костёр, достал остатки пищи, готовясь поужинать. Потом устремил взгляд в темноту – туда, где смутно маячил силуэт его невольного спутника.

– Ладно, оставайся, – разрешил он.

Маленький человек с мешком на спине словно только того и ждал. Не прошло и минуты, как он уже сидел у огня, расточая слова благодарности и вечной преданности.

Ужин пришлось поделить на двоих.

8.

Всю ночь его мучили кошмары. Видения разграбленного поезда, сотен оскальпированных мертвецов, подверженных тлению, раздувшихся от скопившихся трупных газов, облепленных насекомыми, крысами и крылатыми стервятниками, сгустки чёрной запёкшейся крови, которой обильно была умащена земля на десятки метров вдоль железнодорожного полотна – и ещё этот запах… Особенно запах, вернее, трупная вонь, миазмы гниющего человеческого мяса. Вонь преследовала его неотступно, душила, давила, проникала в каждую клеточку его тела.

Измотанный до предела и не отдохнувший ни на йоту, он очнулся от сна в предрассветных сумерках. Однако запах разлагающейся плоти продолжал преследовать его и наяву. Он был слишком реальным, чтобы быть плодом больного воображения или ночного кошмара. Наверное, этим запахом пропиталась его одежда, пока несколько суток лежала в развороченном чемодане. Придя к столь рациональному заключению, он решил двигаться в путь. Он не мог позволить себе лишней минуты бездействия, зная, что его близким грозит реальная опасность.

Но ещё прежде, чем открыть глаза, он почувствовал в чрезмерной близости от себя чьё-то присутствие. И это присутствие не сулило ничего доброго. Потом у самого уха он ощутил прерывистое дыхание. Всё последующее произошло в считанные доли секунды. Распахнув глаза, он увидел лезвие ножа, блеснувшее у левого виска, быстро перехватил руку, в которой был зажат кусок смертоносного металла, резко вывернул её, услышал хруст суставов и чей-то крик, потом всем телом навалился на неизвестного, посмевшего поднять на него руку, и крепко прижал его к земле.

– Всё, всё, сдаюсь! Ай, руку отпустите! – взмолился тот. – Больно же.

– Ты!!! – заорал он, узнав в незнакомце своего вчерашнего попутчика. – Ты, мразь!

Он ослабил хватку, подобрал нож, выпавший из руки нападавшего, и поднялся на ноги.

– Лежать, сука! – рявкнул он, заметив, что человек пытается встать.

Тот вновь распластался на земле, вывернув шею так, чтобы краем глаза можно было наблюдать за противником.

Нож был большим и очень острым, сделанный, по-видимому, из хорошего титанового сплава. У рукоятки явно были видны следы запёкшейся крови. Такими ножами обычно орудовали скальперы.

Скальперы… Так вот, значит, кем был его попутчик!

Ярость поднялась откуда-то снизу, из глубин живота, и подкатила к самому горлу.

– Встать! И чтоб без глупостей!

– Да какие уж тут глупости… Не до них, поди…

Маленький человек, кряхтя, поднялся. Он был жалок и послушен.

– А теперь на колени! На колени, сказал!

Тот подчинился. В крысиных глазках его вспыхнул злобный огонёк, тонкогубый рот исказила гримаса ненависти, жёлтые клыки обнажились в хищном оскале, большие уши прижались к плешивому черепу. Теперь он окончательно уподобился мерзкой мусорной крысе, готовой в любой момент вцепиться в горло врагу.

– А теперь отвечай на мои вопросы! Быстро и чётко! Ты хотел убить меня?

Маленький человек, продолжая скалиться, развёл руками.

– Всё по закону, уважаемый. Либо я тебя, либо ты… Война ведь.

– Значит, так ты отплатил за моё добро, вероломная тварь? Так, да?.. Сидеть! Дёрнешься, и я тебя твоим же ножичком в фарш покромсаю! Отвечай: ты хотел снять с меня скальп?

– Так ведь закон… Ничего личного…

– Хотел?!

– Ну, хотел… Сто баков на дороге не валяются.

Он больше не мог себя сдерживать и чётким ударом в челюсть свалил мерзавца на землю. Тот долго корчился в пыли и скулил, просил больше не бить его по лицу, но вскоре затих и снова готов был к «конструктивному диалогу».

– А теперь открывай свой мешок, – последовал новый приказ. – Да поживее!

Маленький человек внезапно заартачился.

– Нет-нет, не надо! В мешке мои личные вещи, всякие интимные принадлежности. Вам это будет не интересно, клянусь!

Остриё ножа, коснувшееся его горла, сделало его намного сговорчивее.

– Ну хорошо, хорошо, сейчас открою. Только ведь всё по закону… всё по закону… Там нет ничего противозаконного… всё согласно требованиям военного времени…

Он подполз к своему мешку, долго возился с ремнями, которыми тот был опоясан, и наконец раскрыл его. В нос шибануло вонью разлагающейся плоти.

Так вот, значит, где был источник ночных кошмаров! Вот откуда эта вонь, которая преследовала его всю ночь!

– Вываливай всё на землю! – приказал он, уже заранее зная, что там увидит.

Маленький человек нехотя подчинился. Ухватив за нижнюю часть мешка, он с большим трудом перевернул его и вывалил содержимое на чахлую траву.

Это были скальпы. Десятки скальпов, перепачканных кровью, со спутавшимися волосами, слипшихся, спрессованных в один большой комок. Кое-где уже копошились черви – белые и красные, большие и мелкие. И всё это источало такую вонь, что он вновь почувствовал подступающий к горлу приступ тошноты.

Но это были не просто скальпы – это были женские и детские скальпы.

Стиснув зубы, до боли в кисти сжав нож, он двинулся на новоявленного скальпера.

– Ну что вы, что вы… – не на шутку перепугался тот. – Я ж не убийца какой-нибудь. Они были уже мертвы, когда я… делал это. Те ублюдки убили всех, включая женщин и детей, а скальпы сняли только с мужчин. Вес тот же, а стоимость в два, а то и в четыре раза выше. Они и мужские-то едва на себе упёрли, каждый по здоровенному мешку. А мне крохи остались.

– Крохи, говоришь?! – прошипел он.

– Жить-то как-то надо, уважаемый. Хоть небольшой, но капиталец. После войны, глядишь, дело своё открою, бакалейную лавку, давно мечтал, да случая всё не было.

– А сейчас, значит, подвернулся? Случай-то?

– Ну да. Да не смотрите вы на меня так, нет на мне чужой крови. Всё по закону. Имто, – он кивнул на гору скальпов, – уже всё равно, а мне как-никак прибыль. Открою дело, семью заведу…

Семью… Его всего передёрнуло от этого слова. Он вдруг отчётливо представил, как среди этой горы скальпов находит скальпы своей любимой жены и двух ребятишек. Ему даже показалось, что он уже видит их: вот тот, с длинными волосами цвета скошенного льна, и те вон два, маленькие, белобрысые, коротко стриженые, с кровавым сгустком на темечке…

Он ещё крепче сжал рукоятку ножа.

– Значит, говоришь, по закону? Вот тебе по закону!

Нож на всю длину лезвия вошёл в грудь маленького человека с крысиной физиономией.

Из архивных записей

23 октября 1985 года. г. Москва.

Из отчёта заведующего 2-м психиатрическим отделением N-го военного госпиталя майора М.М. Лебедева главному врачу N-го госпиталя полковнику С.П. Ерёмину.

Гриф: сов. секретно.

«Довожу до Вашего сведения, что 22 октября сего года, в 23:45, больные Петров и Матросов, содержащиеся в психиатрическом отделении особого режима с 1974 года, исчезли при невыясненных обстоятельствах.

Петров и Матросов страдают прогрессирующей формой шизофрении. Течение болезни усугубляется ярко выраженной суицидальной направленностью, однако агрессии по отношению к окружающим не проявляют. В контакт с медперсоналом клиники не вступают, на попытки установить контакт никак не реагируют. Лишены болевых ощущений, полностью отсутствует реакция на внешние раздражители: свет, звук, тепло, вибрация и т.д. В соответствии с особыми условиями их содержания, доступ к больным крайне ограничен.

Доставлены в октябре 1974 года из пожарной части ПЧ-NN, дислоцированной в М-ском районе Калининской области, где с мая 1973 года проходили срочную службу. Помещению Петрова и Матросова в клинику предшествовали события, которые, вероятно, каким-то образом оказали негативное влияние на состояние психики указанных больных. В августе 1974 г., в ходе выполнения штатного задания, они исчезли при весьма странных обстоятельствах (докладная записка командира пожарного расчёта лейтенанта М.И. Серёгина начальнику пожарной части ПЧ-NN майору С.Н. Марченко прилагается), однако два месяца спустя внезапно объявились в части. Объяснить своё отсутствие они не смогли. Более того, военнослужащие Петров и Матросов уже тогда находились в невменяемом состоянии и на обращения сослуживцев и командования части никак не реагировали. Речь их была бессвязна и невнятна, хотя в лексиконе обоих можно было чётко распознать такие словосочетания, как «небесный свет» и «подводная лодка».

Считаю важным отметить, что за период, проведённый Петровым и Матросовым в клинике, никаких изменений в их физиологическом состоянии не произошло. Особо обращаю Ваше внимание на отсутствие каких-либо признаков старения их организмов, а также на полное прекращение роста волос и ногтей.

Исчезновение больных Петрова и Матросова из клиники не подлежит никакому рациональному объяснению, так как их содержание в вверенном мне отделении обеспечивалось в соответствии с категорией безопасности класса «А», что исключает какое-либо проникновение больных за пределы палаты».

Часть вторая. Эдем

Вещество устало. Сладко дремало время.
Владимир Набоков, «Приглашение на казнь»

1.

– Ты ничего не понимаешь! – вновь начала кипятиться Лена. – Разве ты не видишь, как здесь чудесно? Ты оглянись, оглянись, Витенька! Посмотри вокруг! Да здесь… здесь просто рай!

Я смотрел на неё – и не узнавал в этой девушке мою прежнюю Лену.

– Ленок, хорошая моя, давай по порядку, – попытался я её вразумить, в очередной раз взывая к женской логике моей супруги (в наличии которой, увы, я всё более и более сомневался). – Во-первых, мы совершенно не знаем, что это за место. Во-вторых, здесь происходят странные вещи, от которых у меня голова вот-вот лопнет. В-третьих, этого места просто не может быть. Это какая-то дикая мистификация. И после всего этого ты хочешь…

– Ничего не хочу слышать! – категорически отрезала она, отгораживаясь от меня своей маленькой ладошкой.

А я взял эту ладошку и поочерёдно поцеловал каждый её пальчик.

– Давай не будем ссориться, ладно? – примирительно сказал я. – Тем более, из-за каких-то пустяков. Давай, а?

Она улыбнулась.

– Давай, Витенька. Ты себе не представляешь, как мне плохо, когда мы ругаемся.

А мне как будто хорошо, – мысленно проговорил я.

– Вот и отлично, – подхватил я. – Давай сядем и спокойно обсудим наши дальнейшие действия. Согласись, так дальше продолжаться не может.

Лена удивлённо посмотрела на меня.

– Сядем? Ты что, Витенька! Меня же работа ждёт! Мне бежать надо, а ты – обсудим… Если бы ты знал, какая тут чудесная лаборатория! Я всю жизнь о такой мечтала, честно. Давай поговорим, когда я вернусь. После работы, ладно? Ну не обижайся, прошу тебя.

Она чмокнула меня в щёку и выпорхнула из комнаты.

Вот и весь разговор. И так каждый… день? Нет, здесь не бывает дней. Здесь не бывает ни дней, ни ночей. Здесь не бывает ничего, кроме работы.

Я сел на диван и обхватил голову руками. Всё, что происходило с нами после того, как рухнула каменная преграда и мы сделали первый шаг из подземного мрака навстречу яркому свету, походило даже не на мистификацию, а на откровенный параноидальный бред. Пролетая над гнездом кукушки, мы с моей любимой жёнушкой камнем рухнули вниз – и очутились в каком-то инфернальном Зазеркалье, в тёмной комнате нашего замутнённого сознания, уже за гранью объяснимого, рационально-привычного.

Диван был мягким, удобным. Как и вся окружающая меня гостиничная атрибутика. Всё для человека, всё на благо человека. Старый социалистический слоган эпохи исторического материализма. Всё в номере дышало функциональностью, уютом и ностальгией по восьмидесятым. И в то же время ничего лишнего, никакого даже намёка на буржуазную роскошь. Строго, выдержанно, удобно. Идеал советского гостиничного номера, который в реальной жизни, увы, редко когда достигался.

И что за хрень лезет мне в голову!

Часы стояли. Не потому, что кончился заряд аккумулятора или полетела к чертям электроника. Просто здесь не было времени. Время как таковое отсутствовало. Отсутствовало как онтологическое понятие, как фундаментальная категория бытия. Здесь всегда был день. Тёплый летний день без признаков солнца. И здесь никогда не дул ветер перемен.

Я встал с дивана, пнул ногой входную дверь и бесцельно поплёлся по лестнице вниз, игнорируя лифт. Я не доверял электронике, каким-то чудом продолжавшей работать в этом

вязком, застывшем безвременье вопреки всем законам физики. Здесь действовали какие-то другие законы. Или не действовали никакие. Полнейшее беззаконие.

Я вышел из здания и зашагал по тротуару, вымощенному уличной плиткой. Плитка была разного цвета и составляла незамысловатый узор в виде нанизанных на невидимую ось ромбов, которые бесконечной чередой убегали вдаль, туда, где в голубоватой дымке высились голые скалы. Подгоняемый безотрадными мыслями, доплёлся до набережной и побрёл вдоль водной кромки, шурша ногами по красному гравию. Остановился, поднял красный кругляк и швырнул его в воду. Тихий всплеск – и никаких кругов на воде, ни малейших признаков ряби. Камень вошёл в воду, словно в масло, словно пальцы филиппинского хирурга в податливое тело пациента, и водная гладь, на долю секунды расступившаяся под напором твёрдого кругляка, тут же восстановила свою девственную целостность.

Я сел на скамейку, подумал было о сигарете, но тут же отбросил эту мерзкую мысль. «Что? Табакокурение? Какая гадость!» С тех самых пор, как мы оказались здесь, я не выкурил ни одной сигареты, не сделал ни одной затяжки. Нет, никто мне не запрещал. Просто не хотелось. Да-да, мне, убеждённому курильщику с многолетним стажем, который за одну-единственную сигарету готов был Родину продать (фигурально, конечно), совершенно не хотелось курить. Ни капельки. Я даже пытался себя заставить, но всё впустую: сигарета во рту так и осталась не зажжённой. Пожевал-пожевал, да и сунул обратно в пачку. Это окончательно выбило меня из колеи, может быть, даже больше, чем всё остальное.

Осознать всё происходящее я был бессилен. Ни это место, ни абсурдность ситуации, в которой мы оказались, не укладывались у меня в голове. Слишком тесен оказался мой мозг для таких вещей. Но не это было самое страшное. Рухнувший мир и попранные законы природы ещё можно как-то переварить, если не понять, то хотя бы принять, безоговорочно капитулировав перед фактами. И даже утраченная привычка к табакокурению, если откровенно, меркла перед более важной – самой важной! – проблемой. И этой проблемой была Лена.

Она изменилась. Изменилась так, что я едва её узнавал. С каждым улетавшим мгновением (убегавшей секундой – хотел я сказать, но, увы, категории времени, как и вся сопутствующая ему словесная атрибутика, здесь теряли всякую актуальность), – итак, с каждым улетавшим мгновением она становилась всё более и более чужой. Внешне всё как бы оставалось по-прежнему, но внутри… Я чувствовал пустоту, которая образовалась между нами, ледяным жалом вклинилась между нашими сердцами, и чем дальше, тем больше эта пустота росла, уплотнялась, неизменно отдаляя нас друг от друга.

Здесь, в этом месте, она нашла точку приложения своего недюжинного интеллекта и таланта учёного – прекрасно оборудованную химическую лабораторию, оказавшуюся в полном её распоряжении. И с тех пор она постоянно пропадала там, забыв обо всё на свете, и обо мне в том числе, появляясь в нашем гостиничном номере эпохи соцреализма только затем, чтобы выспаться.

Это место словно околдовало её, мою Лену. Она превратилась в зомби. Как и все вокруг.

А мне только и оставалось, что бесцельно бродить по узорчатым тротуарам, по дорожкам набережной, усеянным красными шуршащими кругляшами, да пялиться на далёкие красные скалы.

2.

Эти скалы почему-то вызывали у меня ассоциацию с Большим Каньоном Североамериканских Соединённых Штатов, в котором (и которых), честно говоря, мне до сих пор побывать не привелось. И ещё здесь было большое озеро. Впрочем, привычные понятия и словесные ярлыки теряли в этом месте привычный смысл. От самых моих ног до красно-коричневых скал на противоположном берегу на сотни метров простёрлась многотонная масса застывшей воды. Ни единый порыв ветра, ни случайный плеск взыгравшей в глубине рыбины не морщили её идеально ровной глади. Вряд ли это гигантское вместилище сотен миллиардов молекул «аш-два-о» можно было назвать озером. Далёкие лысые скалы торчали вверх, упираясь в пустое небо, а их зеркальные клоны-двойники тонули в стеклянной воде, являя собой прекрасную иллюстрацию понятия «симметрия», осью которой служила граница раздела двух сред – воздушной и водяной. Какой мир был реальным – верхний или нижний, а какой отражением, понять было невозможно.

А на нашем берегу раскинулся целый научный городок. Десятка два однотипных корпусов стройными рядами спускались к озеру, разделённые стрелами прямых безликих улочек с узорчатыми кафельными тротуарами. Единственным видом транспорта здесь был велосипед – по крайней мере, ни одного автомобиля я до сих пор не увидел. Население городка – сплошь молодёжь, не старше тридцати пяти – передвигалась по прилегающей местности либо на двух колёсах, либо на своих двоих.

И все трудились. Пахали, как «папы Карло». Без фанатизма, без остервенения, однако с удовольствием, с одержимостью увлечённых любимым делом людей. Их никто не принуждал, не тянул силком – они всё делали добровольно, так сказать, по велению сердца, с осознанием важности своей научной миссии.

Глядя на этот городок, мне вспоминалась муравьиная коммуна из старой детской книжки про Баранкина, который никак не хотел стать человеком. Там бедных муравьишек гнал на работу инстинкт. А что – или кто – гонит в научные лаборатории этих молодых парней и девчонок?

За то время, пока я здесь находился, мне ни разу не встретилось ни одного хмурого, мрачного или просто недовольного лица. Всё здесь дышало энтузиазмом, энергией молодости, интеллектом, люди вокруг светились каким-то внутренним светом – словно схватили чрезмерную дозу радиации и теперь отчаянно «фонили» в атмосферу избытком гамма-лучей. Тематика их бесед была исключительно научной и носила, как правило, узко специальный характер, понять который могли только близкие коллеги, работающие в одной области знания. Поэтому обитатели городка редко общались друг с другом вне стен своих лабораторий и научных центров, а на улицах, приведись им столкнуться нос к носу, лишь вежливо кивали друг другу, желали всяческих взаимных благ и молча расходились восвояси.

Лена ничем не отличалась от них – нынешняя Лена, а не та, которую я знал в *прошлой* жизни. Она вся была в своей работе. Поговорить с ней о чём-либо постороннем, не имеющем отношения к её чёртовой химии (о жизни, например, о нашей с ней семье, о будущем, которое ждёт нас где-то впереди, о нас двоих, в конце концов) я не мог: она тут же уходила от беседы, ссылалась на массу дел, ждущих её в лаборатории, дежурно чмокала меня в щёку, мило улыбалась напоследок и упархивала, словно птичка. И так каждый… я хотел сказать – день… так каждый раз. Это вошло в систему, в своеобразный ритуал, и чем дальше, тем было сложнее его нарушить, сломать его, разбить вдребезги.

Здесь была вполне приличная столовая, работавшая непрерывно (*круглые сутки? 24 часа? от зари и до зари?*). Большой светлый зал запросто мог разом вместить всех обитателей городка, однако обычно он бывал заполнен только на треть, а то и того меньше. Сюда можно

было зайти, когда захочешь, и слегка (или плотно, как душа пожелает) перекусить. Кормили очень даже неплохо, и хотя буржуазными изысками местная кухня явно не отличалась, добротный горячий обед, приготовленный «по-домашнему», всегда был к услугам проголодавшегося посетителя. Просто, сытно и вкусно – таков был неписаный девиз здешних кулинаров. И, главное, бесплатно.

На первых порах, когда мы с Леной ещё не разлучались, всюду ходили вместе, разинув от удивления рты и пялясь по сторонам, словно инопланетяне, а вирус трудоголизма ещё не завладел моей женой полностью, без остатка, мы всегда обедали (ужинали, завтракали – на выбор) вдвоём. Здесь у каждого был свой столик. Переступив порог столовой в первый раз, мы тут же оказались под опекой молодого человека, который проводил нас на наше место. На столике стояли таблички с нашими именами.

– Это ваши постоянные места, коллеги, – вежливо пояснил наш сопровождающий. – Всегда занимайте именно их. Здесь так положено.

Из всего сказанного меня зацепило именно это «всегда». Тогда я ещё не знал, что из этого места люди не возвращаются. Что-то вроде конца света в понимании Харуки Мураками. Всё, тупик, дальше ходу нет. И обратно тоже. Последнее пристанище на этой бренной, грешной… да полно! на Земле ли мы вообще! Что-то не слыхал я раньше, чтобы на нашей зелёной планетке обнаружилось такое аномальное место, где время как понятие напрочь отсутствует, где царит вечное лето и вечный день, где пустынное небо, лишённое солнца и звёзд, всегда голубое, а человеческое сообщество живёт по принципу: «каждому по потребности, от каждого – по желанию»!

И всё-таки кормили здесь хорошо. Я бы сказал «на убой», но опасался, как бы мои слова не оказались пророческими. Когда принципы бытия здешнего мира остаются за гранью понимания, строить прогнозы относительно нашего дальнейшего существования было бы большой смелостью. Может быть, нас и впрямь откармливают для того, чтобы потом скормить какому-нибудь чудищу, которое живёт за теми вон красно-коричневыми скалами? Однако не будем о грустном.

Итак, с кормёжкой у нас проблем не было. В первое время (опять *время*!) мы с Леной, как я уже говорил, предавались чревоугодию на пару. Садились за столик с табличками, на которых были начертаны наши имена (я даже не пытался задавать себе вопрос, откуда они их знают), и, пока услужливые официанты занимались нехитрой сервировкой, жадно глазели по сторонам. Как правило, полупустой зал был наполнен приглушёнными голосами обедающих. Никто не обращал на нас внимания. Вообще, любопытством тамошние обитатели за пределами своих научных келий явно не страдали, полностью изливая его на предметы своих исследований. Дежурная улыбка при встрече, в лучшем случае – стандартный вопрос об успехах, – и всё. Ритуальное действо закончено.

Потом наши совместные трапезы стали всё реже и реже. Порой я заходил за ней в лабораторию, чтобы пригласить на обед. Иногда мне это удавалось, но чаще я отправлялся в столовую один: работа для неё была превыше всего. «Как ты не понимаешь! Это же так важно!» Я ни черта не смыслил в химии, но всё чаще и чаще задавал себе вопрос: а что она там, собственно, делает? Что за научные опыты ставит? И кому всё это надо?

Кстати, тот же вопрос можно было применить к любому из обитателей этого места. Что движет всеми этими людьми (я, кажется, повторяюсь)? Кто регламентирует научный процесс в масштабах всего городка? Или хотя бы в рамках отдельного направления или области знания? Увы, это осталось для меня тайной за семью печатями и по сей день.

И вот однажды во время обеда (в тот раз я был один, без Лены) я поймал на себе любопытный взгляд – первый с момента нашего появления здесь. Это был молодой парень лет двадцати пяти, он сидел за соседним столиком и с интересом разглядывал мою персону. Я с трудом оторвался от полтавской котлеты с жареной картошкой (очень уж вкусно было приготовлено!)

и поднял глаза. Наши взгляды пересеклись. Он мягко улыбнулся и кивнул в знак приветствия. Я ответил ему тем же. На том наш первый контакт и закончился.

Во второй раз я увидел его здесь же, в столовой. На этот раз Лена уже сопровождала меня – видно, физиологический голод временно взял верх над затянувшимся приступом трудоголизма, и она сдалась на мои уговоры. Как и прежде, он сидел за соседним столиком. Увидев меня, перенёк кивнул мне, как старому знакомому. Когда наша трапеза подошла к завершающей стадии (компот и булочка с маком), он встал, придвинул свой стул к нашему столику, спинкой вперёд, и, извинившись, оседлал его верхом.

– Вы новенькие, да? Давайте знакомиться. Меня зовут Дмитрий. Можно просто Дима.

– Здравствуйте, Дмитрий. Я – Лена.

– Виктор, – представился я в свою очередь.

Промокнув губки салфеткой, Лена выпорхнула из-за столика и умчалась в свою лабораторию, а мы с Дмитрием ещё какое-то время молча оставались в столовой. Помню, как он сверлил меня взглядом, грустно улыбался и барабанил пальцами по пластиковой столешнице. А я тем временем дожёвывал свою булку, которая под его пристальным взглядом никак не лезла в горло.

Потом он встал и по-английски, не простившись, ушёл.

Может быть, здесь так принято?

3.

Скалы были повсюду. Они обрамляли этот маленький мирок неприступным частоколом, проникнуть сквозь который казалось совершенно невозможным. Да так оно и было на самом деле, позже я смог убедиться в этом воочию. Каменные глыбы, словно многочисленные пальцы великана, упирались в вечно-голубое застывшее небо, отражались в мраморно-неподвижном озере, и не было, казалось, силы изменить что-либо в этом союзе трёх стихий – камня, воздуха и воды.

Здесь совсем не было мух. Не было комаров. Здесь не было даже крыс и тараканов, этих обязательных спутников человеческой цивилизации. Здесь вообще не водилось никакой живности: ни насекомых, ни птиц, ни домашних зверушек. Подозреваю, что и рыбы в озере тоже не было. Собаки не бродили по улицам в поисках случайной косточки, кошки не грели на подоконниках свои мягкие полосатые шкурки, сизые голуби не урчали утробно под крышами домов, и не исчерчивали пространство мимолётными треками юркие воробьиные стайки.

Здешний мир казался рафинированным, выхолощенным, словно из него исключили всё лишнее, чуждое, оставив только то, что приносит человеку пользу. Максимум эргономики, оптимум бытового комфорта и удобств, минимум посторонних вещей, отвлекающих от научной деятельности.

В памяти всплыла та первая мысль, что пришла мне на ум, едва мы с Леной только-только перешагнули порог этого мира. Если и есть где-нибудь на земле рай, то он был именно здесь. Я и сейчас не отрекаюсь от этих слов. Рай именно таким и должен быть: рационально-функциональным, планово-детерминированным, не допускающим случайных всплесков и флуктуаций. Люди не должны беспокоиться о завтрашнем дне, хотя бы потому, что никакого «завтра» здесь никогда не будет. Одно только сплошное «сегодня», ровное, гладкое, безмятежное «сегодня». Истинный Эдем…

Здешний мир походил на декорации к «Утопии» Томаса Мора или «Новой Атлантиде» Бэкона. Казалось, таинственный режиссёр махнёт сейчас рукой, давая сигнал к окончанию театрального действа, и сценическую площадку заполонят толпы рабочих. Сантехники в синих комбезах, поднатужившись, выдернут со дна озера гигантскую пробку, и вода по спирали устремится в образовавшееся отверстие – пока озеро не обмелеет и не обнажит выложенное голубым кафелем дно. Десятка два небритых смуглых гастарбайтеров в оранжевых куртках, словно тараканы, рассредоточатся по территории и начнут скатывать газоны – пока внушительная горка из рулонов не вырастет на берегу опустевшего озера-бассейна. Ушлые строители, со смешками, матерком и частыми перекурами, во мгновение ока разберут здания научного городка, которые на поверку окажутся всего лишь нагромождением бутафорских картонных коробок. А команда мускулистых лесорубов распилит красные скалы, склеенные из папье-маше, и растащит их на сувениры своим детям…

И чего только в голову не лезет, когда нечем занять ни мозги, ни руки!

Нет, я вовсе не бездельничал, как могло показаться из только что сказанного. Едва мы с Леной очутились в этом райском местечке, как нас тут же взяли в оборот тамошние медики. Стандартная процедура, объяснили нам, обязательная для всех вновь прибывающих. А вдруг мы какую-нибудь заразу с собой принесём? Необходимо, знаете ли, пройти диспансеризацию. И много у вас этих вновь прибывающих? – поинтересовался я. Они лишь улыбнулись в ответ и вежливо промолчали. Вообще, как я заметил, улыбка заменяла местным жителям ответы на очень многие вопросы, особенно каверзные. Не хочешь отвечать – просто улыбнись. И вопрос сразу снимается с повестки дня.

С Леной никаких проблем не возникло, врачи, один за другим, быстро осмотрели её, провели необходимые тесты, взяли анализы, просветили чем надо – и вынесли единодушный

вердикт: «Здорова!» А вот со мной заминочка вышла. Что именно в моей персоне привлекло их внимание и вызвало профессиональный интерес, они мне, естественно, не сообщили. Необходимо комплексное обследование, – сказал мне главный медик, – более тщательное, чем для обычных пациентов, с применением самых современных методов. А я, значит, необычный? Дежурная улыбочка в ответ. Я пожал плечами: что ж, обследуйте, коли надо, от меня не убудет. Может, и впрямь что интересное найдёте. Это мы во Вселенной на расстоянии сотни-другой парсеков всё как на ладони видим, благо, в телескопах у нас недостатка нет, а вот собственный организм для нас – настоящие потёмки. Так что ищите, господа Эскулапы.

Надо отдать им должное: врачи меня сильно не донимали. Я был полностью предоставлен самому себе, и лишь изредка, в самые неожиданные моменты – на берегу озера, где я предавался одолевавшим меня думам, или на выходе из столовой, отягощённый принятой пищей, а то и сразу после сна, прямо в гостиничном холле – ко мне с застенчивой улыбкой подходил человек, всё время разный, и вежливо просил проследовать за ним в медицинский центр на очередное обследование. И что только со мной там не делали! Меня и прослушивали, и просвечивали, и простукивали, пропускали ток, облучали ультра– и инфразвуком, обвешивали десятками электродов, замуровывали в какие-то камеры, обрабатывали лазерным лучом, снимали диаграммы, изучали реакцию на различные раздражители, заставляли глотать какие-то пилюли. И я всё это терпеливо сносил, решив никаких вопросов не задавать.

А пока медицинские светила изучали мои внутренности, я всё больше и больше терял связь с моей Леной. Увы, она отдалялась от меня столь стремительно, что я начал подозревать во всём этом какое-то чуждое воздействие. Или влияние. Я слишком хорошо знал свою любимую жёнушку, чтобы допустить её добровольное отчуждение от семьи (от меня, то есть). Она и раньше была трудоголиком, это факт, однако никогда не теряла чувства меры, а семья (в моём лице) всегда оставалась для неё на первом месте. Мои попытки откровенно поговорить с ней, расставить все точки над «i» разбивались о её искреннее недоумение: «Да как же ты не понимаешь! Здесь такая чудесная лаборатория! А у меня такая интересная работа!» Какая такая работа? Откуда она вдруг взялась, здесь, в этом странном месте? Не кажется ли тебе, дорогая, что мы потихоньку сходим с ума? Или уже сошли, а?.. Лена только фыркала в ответ, гордо вскинув свою очаровательную головку, и молча уходила. Ясно, куда – в свою чёртову лабораторию!

А ей на смену в поле моего зрения всё чаще стал попадать Дмитрий, наш сосед по столовой. Я ловил его пристальные, с лёгким прищуром, взгляды в самых неожиданных местах, он словно случайно оказывался на моём пути, смущённо раскланивался и проходил мимо. Но я видел: его что-то гложет, и это «что-то» явно связано с моей персоной. Что-то очень важное для него, о чём очень хочется спросить – и в то же время страшно получить не тот ответ, которого ждёшь.

Но однажды он решился.

Я сидел на скамейке у самой кромки воды и тупо швырял в озеро красные кругляши, которые беззвучно уходили на дно. Он подсел ко мне, внезапно вынырнув из-за спины. Я даже вздрогнул от неожиданности.

– Так и заикой остаться недолго, – проворчал я.

– Извини, брат, – смутился он. – Я… давно хотел тебя спросить… Можно?

– Спрашивай.

Он сделал внушительную паузу. И вдруг выпалил:

– Какой сейчас год?

Я уставился на него, как на идиота.

– Год Жёлтого Земляного Быка. Две тысячи девятый от Рождества Христова.

Я видел, как застыло его лицо.

– Уже?.. – выдохнул он громким шёпотом.

– Ну да, уже. А… – Я осёкся, сражённый внезапной мыслью.

С ним творилось что-то неладное. Словно сомнамбула, Дмитрий поднялся со скамейки и на негнущихся ногах побрёл прочь. В стеклянных глазах бедняги замерла тоска, лицо покрыла матовая бледность.

А я остался сидеть, тщетно пытаясь отогнать надоедливую мысль, от которой веяло могильным холодом.

4.

Мы все привыкли к цикличности, к круговороту, к «вечному возвращению», к смене дня и ночи, зимы и лета, света и тьмы. Мир дуалистичен, он построен на контрастах, единстве и борьбе противоположностей, принципах адвайта-веданты – хорошо это или плохо, но это так. На смену одному всегда приходит другое. Наше сознание органично вплетено в этот цикличный дуализм, в этот круговорот времени и имеет в нём надёжную опору, прочный базис.

Здесь всего этого не было. Ни времени, ни цикличности, ни дуализма, ни диаметральных противоположностей. Здесь всё всегда оставалось неизменным, ничто ни с чем не противоречило, не вступало в конфликт, не создавало неразрешимых антиномий.

С одной стороны, мы попали в идеальное место, где были полностью лишены необходимости заниматься собственным жизнеобеспечением. Пища, крыша над головой, умеренный комфорт, масса свободного времени и никакого принуждения – о чём ещё может мечтать человек? Хочешь – работай, а хочешь – бей баклуши и валяй дурака, еда и кров тебе в любом случае гарантированы. Это ли не является идеалом социального общества? Я бы даже сказал, общества коммунистического (не побоюсь этого слова)?

Но была и другая сторона медали. А если я не хочу? Не хочу жить на всём готовом, не хочу, чтобы за меня всё решали, не хочу быть зомби?

Меня забыли об этом спросить. Просто втиснули в заданные рамки, в формат, как сейчас принято говорить, включили в отлаженную безальтернативную систему и, фактически, вынудили подчиниться ей. Хотя, должен признать, явного принуждения, конечно же, не было. Однако не было и выбора.

Революцию, что ли сделать? Поломать всю эту систему к чертям собачьим? Взорвать всё к едрене фене? Пускай лучше царит анархия. Анархия и свобода – братья-близнецы. А я без свободы не могу, так уж я скроен.

Бред всё это, бред свихнувшегося от безделья интеллектуала…

На этот раз Дмитрий сразу же пошёл на контакт. Вообще, с прошлой нашей встречи его поведение кардинально изменилось. Пропала прежняя скованность, взгляд стал прямой, открытый, глаза в глаза. Он подошёл и крепко пожал руку.

Кстати, рукопожатия здесь почему-то не приняты. Этот парень первым нарушил ритуал.

– Извини за прошлый раз, – сказал он. – Так… вышло.

– Ладно, проехали, – махнул я рукой.

Он улыбнулся.

– Я наблюдал за тобой, Виктор. Мне кажется, с тобой можно иметь дело.

– А разве здесь вообще можно иметь какое-либо дело? – раздражённо спросил я и сплюнул на разноцветный кафель тротуара. – Кроме как вкалывать на благо мировой науки?

Он кивнул.

– Нормально ответил. Тест прошёл. Пойдём покалякаем, брат.

Он был моложе меня, но держался покровительственно, наверное, на правах старожила. Мы не спеша зашагали вдоль озера туда, где красные скалы вплотную подступали к корпусам научного городка.

– Эта девушка, в столовой, твоя жена? Лена, кажется?

– Жена. По крайней мере, была ею до недавнего времени.

Он на ходу заглянул мне в глаза. Потом понимающе кивнул.

– Не бери в голову. Здесь это нормально. Привыкнешь.

– Да что это вообще за место такое?

– На этот вопрос ответа не существует, – тихо сказал он, глядя сквозь пространство, сквозь скалы, сквозь снедавшую его тоску куда-то в одному ему ведомую даль. – Забудь об этом, а то свихнёшься.

– А как же другие? Они-то, кажется, вполне счастливы. Вкалывают, вон, без продыху, науку вперёд двигают.

– Они *другие*, – так же тихо ответил он, сделав акцент на слове «другие». – Не такие, как ты. Не такие, как я.

– А Лена? – Я запнулся, страшась собственной мысли. – Она тоже… *другая*?

– Я думаю, да.

– Бред какой-то! Да такого просто не бывает!

Он печально улыбнулся.

– Оставь, брат. Не ты первый, не ты последний. И никто – заметь, никто! – до сих пор не приблизился к разгадке этой тайны. Расскажи лучше, как ты здесь оказался.

Я пожал плечами.

– Да я и сам хотел бы это понять. Отправились с женой отдохнуть – и вот, пожалуйста!..

Я вкратце поведал ему о наших злоключениях в тверских лесах, о брошенном военном объекте в недрах горы, о наших попытках выбраться из заколдованного круга. Он внимательно слушал меня, порой недоверчиво качая головой.

– Брошенная военная база? Что-то с трудом верится.

– Слыхал о конверсии?

Он пожал плечами.

– Не припомню такого.

– Есть такое словечко в русском языке. В нашем контексте означает разоружение, правда, частичное. После развала Союза… – Я осёкся, остановился, в упор посмотрел на него. – Погоди, друг. Ты… ты сам-то давно здесь?

Он почему-то смутился. Потупил взор, словно нашкодивший щенок, и тихо произнёс:

– С семидесятого года.

Мне показалось, что почва у меня под ногами заходила ходуном.

– С какого? – шёпотом спросил я, всё ещё надеясь, что ослышался.

– Ты не ослышался, брат. Там, на воле, сейчас какой месяц?

– Май. Самый конец.

– Значит скоро, в июле, пятнадцатого числа, как раз посерёдке лета, мне стукнет шестьдесят.

Я поперхнулся.

– Ско-олько?

– Шестьдесят, брат, – грустно отозвался он. – По сравнению с тобой я уже глубокий старик. Так-то.

– Что-то на глубокого ты не очень тянешь, – пробормотал я, думая в этот момент совершенно о другом.

Мне вдруг стал совершенно ясен смысл слов «время стоит». Это значит, что отсутствуют всякие изменения, в том числе и в человеческом организме. В результате человек перестаёт стареть и… живёт вечно! То, к чему человечество стремилось многие тысячи лет, решается простой остановкой времени. Достаточно остановить часы – и смерть побеждена. Здорово! Что ж, здесь не так уж и плохо, если разобраться. Живи себе в своё удовольствие, плюй в потолок, коли работать неохота, и оставайся вечно молодым…

И пялься до скончания века на это стеклянное озеро с мёртвой водой, в которой даже рыба не водится! На эти торчащие в пустое небо дурацкие каменные глыбы, словно спародированные со скал Большого Каньона! На эти идиотские цветные ромбики на идеально выли-

занных тротуарах! На эти молодые, улыбчивые, никогда не меняющиеся лица фанатиков-учёных! Ничего не скажешь, райское местечко!

Это что же получается, мы с Леной навсегда останемся молодыми и никогда, никогда не состаримся? И будем жить вечно в этом отдельно взятом Эдеме, которого не то что на карте Земли – на карте всей Вселенной не сыщешь?! Которого попросту не может быть!

Дмитрий, этот шестидесятилетний пацан с печальными глазами, внимательно наблюдал за моей реакцией, улавливая мельчайшие движения моей лицевой мускулатуры. Поэтому, наверное, мой вопрос не очень удивил его.

– Отсюда можно как-нибудь выбраться?

Он грустно улыбнулся.

– Увы!

– Но ведь как-то сюда все эти люди попали! – не сдавался я. – Да и ты, поди, не по воздуху сюда прилетел.

– Я – нет, а вот Летающий, тот точно по воздуху.

5.

– Что ещё за Летающий?

– Как-нибудь после расскажу. А на твой вопрос ответ может быть только один: выбраться отсюда невозможно. Даже и думать об этом забудь.

Плохо же ты меня знаешь, старичок! Думать я об этом буду постоянно, пока что-нибудь не придумаю. Ведь безвыходных ситуаций не бывает, не так ли?

Дмитрий между тем продолжал:

– До вас с Леной сюда очень долго никто не поступал. Все эти люди живут здесь так давно, что никто из них уже и не помнит своей прежней жизни. Говорить с ними об этом совершенно бесполезно. Я пробовал: полный ноль.

– Кто-то стёр им память? – деловито спросил я, решив блеснуть эрудицией.

– Да нет, вряд ли. Просто они всё забыли. Сами. Та, прежняя жизнь, перестала их интересовать, новые интересы полностью вытеснили её, и она выветрилась у них из памяти, как балласт, мешающий продуктивной научной работе.

– А ты? Ты ведь не забыл?

Взгляд его потускнел, стал почти стеклянным, однако в самой глубине его глаз я сумел уловить искорку острой боли, след старой незаживающей раны, продолжавшей кровоточить.

– Лучше бы я всё забыл, – прошептал он.

Он отвернулся. Глаза его блеснули от предательски набежавшей влаги. Я не стал бередить его прошлые раны излишним любопытством и переключился на более безопасную тему.

– Как же все эти люди попали сюда?

Он пожал плечами.

– Думаю, так же, как и я. Получили направление в служебную командировку на некий режимный объект. Своевременно были доставлены по назначению. Перевалочный пункт – та самая военная база. Уверен, никто из них тогда не думал, не гадал, что эта поездка – только в одну сторону. Знаешь, как камикадзе во Вторую мировую? Самолёт заправлялся из расчёта на полёт только «туда», «обратно» из сценария исключалось. Мы тоже стали камикадзе, с той единственной разницей, что японские асы знали, на что идут, нас же держали – и держат – в полном неведении. Многих наверняка оторвали от семей, от жён, детей, матерей, они и проститься-то толком, думаю, не успели. Рядовая командировка, пять-семь суток – и назад. Увы, назад не получилось. Представляешь, каково было их близким? Неделя, вторая, месяц, полгода – ни слуху, ни духу. И, главное, никто ничего не знает. Какая такая командировка? Первый раз слышим. Отойдите, гражданка, не мешайте решать важные государственные вопросы.

– И что же, никто из них не пытался вернуться назад? Ни у кого не проснулось хоть малейшее чувство ностальгии по прошлому, по близким?

Он неопределённо покачал головой.

– Они – *другие*. Стали *другими*. И что у них там на душе, один Бог знает.

– Чертовщина какая-то! Зачем их всех здесь собрали? Тебя? Меня, Лену?

– Я тоже задавался этим вопросом. Но на вопросы, как ты уже понял, здесь ответы давать не принято. Поэтому выскажу только свои догадки, а уж насколько они верны… – он развёл руками. – Судя по моим наблюдениям, здесь собрали молодых перспективных учёных, отобранных в разное время со всего Союза. С момента моего прибытия контингент здешних обитателей практически не изменился. Я хочу сказать, что основной набор был завершён ещё в начале семидесятых. Для них был построен настоящий научный городок, в котором они с тех пор с удовольствием трудятся.

– И кто всем этим руководит? Должен же быть кто-то, кто направляет весь этот научный процесс в нужное русло! Кто-то, кто стоит за всем этим.

– Должен. Но его нет. Люди просто приходят каждый в свою лабораторию и работают. Сами выбирают сферу применения своих знаний, опыта и научного потенциала. Сами определяют круг исследований. Иногда объединяются в группы «по интересам». Но всё это стихийно, без какого-либо видимого внешнего руководства. Зато для них созданы все условия для работы. Они ни в чём не знают недостатка: ни в приборах, ни в материалах для опытов, ни в информации. Все лаборатории оснащены самым современным оборудованием, включая ЭВМ.

Я усмехнулся.

– ЭВМ? Это что-то вроде допотопных монстров типа «Минска» или БЭСМа, работающих на перфокартах?

– Я говорю о новейших компьютерах, – заметил Дмитрий.

– В семидесятом ещё не было компьютеров, – возразил я.

– Ты плохо меня слушал, Виктор. Самым современным на сегодняшний день. Техническая база здесь постоянно обновляется. Как, когда, кем – не знаю, не видел, но это факт. Да ты зайди в любую лабораторию, сам увидишь. Тем более, ты сам недавно «оттуда» – запросто отличишь современную технику от морально устаревшей. Я, конечно, в компьютерах ничего не смыслю и об их возможностях знаю лишь понаслышке, но видеть в работе приходилось. Двери в любую лабораторию здесь всегда открыты. Секретов никто из своей работы не делает, поскольку утечка информации вовне исключена. Вот и хожу иногда по лабораториям, удовлетворяю праздное любопытство.

– А ты сам-то к учёной братии разве отношения не имеешь?

– Да из меня учёный как из свиньи паровоз! Я ведь раньше, до «командировки», в редакции газеты «Ленинское знамя» работал.

– Как же ты здесь оказался?

Дмитрий развёл руками.

– Для меня это полнейшая загадка. Трудился себе спокойно в редакции, звёзд с неба не хватал, никого не трогал, нигде особенно не высовывался – и вдруг, на тебе, командировка на режимный объект оборонного значения! Я сначала решил, ошибка это, с кем-то меня спутали, наверняка кто-то другой должен вместо меня ехать. Однако начальство было непреклонно: никакой ошибки нет, велено направить именно тебя. Веришь ли, я до сих пор не знаю, зачем я здесь. Одно знаю наверняка: случайно сюда не попадают… Кстати, ты ведь тоже не из этих, не из яйцеголовых?

– Не из этих. Я специалист в области маркетинга и рекламного бизнеса, если тебе это о чём-нибудь говорит.

Лицо у Дмитрия вытянулось.

– Специалист в области… чего?

– Значит, ни о чём. Послушай, друг, сюда хоть какая-то информация извне просачивается? О событиях в мире, например, об исторических катаклизмах, войнах, о той мерзости, которая выплеснулась наружу после развала Союза?

– Развала чего? Извини, брат, я, может быть, задаю глупые вопросы, но мы здесь, действительно, ничего не знаем. Единственное, что сюда поступает регулярно и в большом объёме, это информация о новейших достижениях в различных областях знания. Без этого наши доморощенные учёные вряд ли смогли бы творить в ногу, так сказать, со временем, их мозгам нужна постоянная информационная подпитка.

– Она нужна любым мозгам. Чтобы не свихнуться. Ладно, слушай, расскажу тебе, что в мире творится. Только крепче держись на ногах.

6.

Семидесятый год прошлого столетия… Точка отсчёта моего исторического экскурса, который я должен совершить ради просвещения моего нового приятеля. Должен признаться, я скрыл от него, что от событий последней трети двадцатого века свихнуть куда проще, чем от информационного вакуума.

Семидесятый год… Что я знаю о нём? Практически ничего. Советский Союз под руководством Коммунистической партии семимильными шагами шагает к победе коммунизма. Два года, как отцвела «Пражская весна». Продолжает греметь война во Вьетнаме. Советский народ клеймит позором американских агрессоров. Сальвадор Альенде становится президентом Чили. Исполняется сто лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина и семьдесят со дня смерти Фридриха Вильгельма Ницше. На Луну высаживается советский «Луноход». Японский писатель Юкио Мисима совершает ритуальное самоубийство. Уходят их жизни Керенский, Лев Кассиль, Ремарк, Джими Хендрикс, Дженис Джоплин. Распадается «Битлз». Леннон погибнет ещё только через десять лет, как и Высоцкий, как и Джо Дассен… Что-то больше ничего на ум не приходит. Может, позже вспомню…

Да, и самое главное событие того памятного года: в семидесятом родился я. Может быть, факт моего рождения когда-нибудь станет событием, определяющим весь ход мировой истории? (О, какими же пророческими оказались мои слова!)

Дмитрий слушал меня, раскрыв рот. Он был бледен, как простыня после стирки, и сильно напуган. Да, именно напуган. Испуг искорками вспыхивал в его глазах, и по мере моего продвижения по оси времени от благословенных семидесятых к смутным девяностым искорки эти загорались всё чаще и становились всё ярче. Война в Афганистане, Олимпиада-80, Чернобыль, смерть Брежнева и последовавшая быстрая смена лидеров государства, от Андропова до Горбачёва, закончившаяся пресловутой «перестройкой». Вывалив на беднягу целый сонм модных в то время словечек типа «гласность», «альтернатива», «плюрализм», я добрался, наконец, до девяностых. Здесь-то и началось для него самое страшное. Крушение КПСС, развал советской империи и всего соцлагеря, ГКЧП и штурм «белого дома», язвы «горячих точек» на теле бывшего постсоветского пространства, самая крупная из которых – Чечня, коррупция в высших эшелонах власти, криминал и беспредел во всех сферах жизни, серия терактов, потрясших всю страну, «Норд-Ост» и Беслан, Мавроди и Ходорковский, Ельцин и Березовский, нищие и миллиардеры бывшей страны Советов…

К концу моего рассказа его уже трясло.

– Да как же… как же вы живёте во всём этом? – клацал он зубами в нервном ознобе. – В *таком* мире?

– Так и живём, – мрачно ответил я. – Строим развитое капиталистическое общество. Со всеми вытекающими отсюда прибамбасами.

Мой рассказ и самого меня выбил из колеи – словно я заново пережил весь тот кусок отечественной истории, что год в год совпадал с отрезком моей собственной жизни, от момента моего рождения до злосчастной поездки в элитный пансионат, сокрытый в лесах Тверской губернии.

Как ни верти, а счастливый по-своему человек этот Дмитрий. Живёт здесь, как у Христа за пазухой, на всём готовом, без забот и проблем, сытый, одетый и обутый, с крышей над головой и с гарантией вечной жизни, надёжно отгороженный неведомыми покровителями от того дерьма, что потоками изливается на головы нашему поколению – там, в реальном мире, в мире, где всё продаётся и всё покупается, где деньги и власть – единственные кумиры, которым поклоняются массы, а человеческая жизнь давно перестала считаться наивысшей ценностью. Сколько ему? Шестьдесят? А выглядит на двадцать пять. И останется таким навсегда. И ни

катаклизмы ему не страшны, ни цунами с землетрясениями, ни мракобесие свихнувшихся от жажды власти политиков, ни нож маньяка-убийцы.

И такая злость взяла меня на этого парникового небожителя, так захотелось уколоть его побольнее – за то, что миновала его горькая чаша многих моих современников, безвременно сгинувших в круговерти смутного времени, что я не выдержал и ударил его ниже пояса.

– Это ещё что! – сказал я, продолжая урок политического ликбеза. – Ну вот скажи мне, мог ли ты когда-нибудь себе такое представить, чтобы по Москве открыто ходили толпы бритоголовых ублюдков со свастиками на руках, с нацистскими лозунгами и с криками «Хайль Гитлер!», а молодые антифашисты вынуждены были бы прятать свои лица, чтобы не оказаться узнанными этими подонками? Скажи, мог бы? А ведь это правда!

– Врёшь, сволочь! – вскочил Дмитрий, бледнея и яростно сжимая кулаки. – Чтобы в Москве… эта мразь… Врёшь!

Достойно ответил. Только я бы на его месте ещё и в лоб закатал.

Моя злость как-то разом иссякла. Действительно, ну что я на него взъелся? Парень тут совершенно не причём. Мне стало стыдно.

– Извини, друг, это было слишком для первого раза… – Я положил ему руку на плечо. – И всё-таки это правда! – упрямо добавил я, как бы оправдываясь перед самим собой за нанесённую ему рану.

Дмитрий медленно приходил в себя. Кое-как справившись с потоком полученной информации, он наконец произнёс:

– Ты знаешь, брат, я бы тебе никогда не поверил, но чтобы выдумать такое, никакой человеческой фантазии не хватит. После всего того, что ты мне рассказал, здешнее болото кажется настоящим раем.

– Это и есть рай. Другим он не может быть по определению.

Я нащупал в кармане мобильник, который здесь, в раю, естественно, бездействовал. Вынул его, повертел в руках. И решил, что пора менять направление нашей беседы.

– Знаешь, что это такое?

Он молча пожал плечами.

– Это мобильный телефон. Там, на «большой земле», по этой штуке я могу созвониться с абонентом в любой точке мира. Неважно, где я в тот момент нахожусь – в лесу, в пустыне или на Северном полюсе. Неважно, где находится он. Потому аппарат и называется – мобильный. Здесь он по понятным причинам не работает. А вот тут, видишь, отверстие? Это портативная видеокамера. – Я навёл её на Дмитрия, включил на запись, сделал несколько исторических кадров. Потом показал ему на дисплее отснятый материал. – Классная штуковина?

– Угу! – искренне восхитился Дмитрий. – Класс!

– Так вот, такая штуковина есть почти у каждого нашего школьника. А у взрослых, так по две, по три, а то и больше. А ещё у нас есть MP3-плееры, карманные компьютеры, Интернет и прочая электронная дребедень, за новинками которой следить просто не успеваешь, но без которой жизнь современного человека уже немыслима. Как видишь, не всё у нас так уж и плохо. Бог даст, когда-нибудь и мы из дерьма выберемся, в котором оказались по собственной дурости.

7.

Так уж устроен человеческий мозг: всегда и во всём тщится отыскать рациональное зерно. Или рациональное объяснение – каждому событию, каждому природному явлению, каждому человеческому поступку, чтобы потом принять это объяснение за истину в последней инстанции и навязать её в качестве обязательной нормы (научного постулата, нравственной догмы, государственного закона) всем и вся.

Мой мозг не исключение. Общение с Дмитрием, юным шестидесятилетним аборигеном научной колонии, нисколько не прояснило ситуации, а, напротив, только нагнало тумана. И сквозь этот вязкий психоделический туман я всё ещё пытался найти разумное объяснение всему, что с нами приключилось. Надеялся втиснуть это райское местечко в круг привычных понятий, навесив на него спасительный ярлык «аномалия». Спасительный для моего рассудка, разумеется, ведь мир спасать я не собирался, тем более этот, в котором время умерло навсегда. Я не Христос, не Бэтман и даже не Человек-Паук.

Пространственно-временная аномалия. Чем не амулет, оберегающий сознание от иррационального вакуума, беспочвенного индифферентизма, клерикально-мистических инсинуаций и безудержных психо-патологических фантазий? Да и звучит красиво, солидно: *аномалия*. Веет чем-то античным, не правда ли? Тем более, что к сказкам о параллельных мирах и телепортации я относился с изрядной долей скепсиса. И я уцепился за эту формулу, как утопающий цепляется за соломинку. И выстроил следующую схему.

Имеется некое аномальное место в Тверской области, в котором пространственно-временной континуум (ещё одно красивое словечко!) сильно искажён. Время течёт здесь в нарушение всех привычных законов, в некоторой точке и вовсе замедляет скорость до нуля. А где-то даже меняет направление на противоположное – вспомните историю с колонной фашистских «тигров». С пространством та же аномальная кутерьма. Оказавшись на секретной военной базе, то бишь в недрах горы, прошитой вдоль и поперёк подземными коридорами и напичканной кучей списанного оборудования оборонного назначения, мы из неё, из этой горы, так и не выбрались, как думали сначала, а оказались в некоем подземном гроте гигантских размеров, границы которого человеческий глаз различить не в состоянии. Своего рода «Плутония» двадцать первого столетия. А почему бы и нет? Этим, кстати, легко объясняется отсутствие солнца. А что касается источника света, тепла и других видов энергии, то и здесь запросто найдётся объяснение, стоит только как следует покопаться.

Красивая версия? Красивее не бывает. Одно только «но»: не слишком-то я в неё верил. То есть, на рассудочном уровне принимал, а в душе верить не хотел. В отличие от новейшей истории нашей многострадальной страны, перипетии которой заранее предсказать не взялся бы ни один литературный гений, история о пространственно-временной аномалии как раз запросто могла родиться в мозгу писателя-фантаста – родилась же она в моём! Это-то меня от неё и отвращало. Фантастика – не мой конёк.

Ладно, поживём – увидим. Рано или поздно я отсюда выберусь, в этом я нисколько не сомневался – тогда и разберёмся, что здесь реальность, а что фантастика…

Иногда я наведывался в лабораторию к Лене. При виде меня она мило улыбалась – и тут же вновь замыкалась в своём мирке, возвращалась к своим микроскопам, колбам-ретортам, калиям-натриям-пропанам-бутанам. Я вспыхивал в её сознании микроскопической, едва тлеющей звёздочкой, привычным атрибутом прошлой жизни, ныне почти стёршимся из памяти. Я всё ещё жил там, на самом дне её уснувшей души, в её некогда любящем сердце, но жил неким атавизмом – словно копчик или слепая кишка. Вроде не нужен, а отрезать больно. Мол, пусть живёт, жалко что ли?

И я жил – атавистическим отростком, эдаким полузабытым аппендиксом. Жил, как мог. А она, моя Лена, всё реже появлялась в гостинице, в нашем номере эпохи соцреализма, и всё дольше оставалась здесь, в этой ненавистной мне научной келье. Здесь же, в периоды короткого отдыха, она в конце концов приспособилась и спать, чем окончательно отдалилась от меня. Отныне мы встречались только в столовой – я специально поджидал её у входа в местный пищеблок, надеясь хоть чуть-чуть побыть с ней рядом вне стен проклятой лаборатории, хоть немного растопить лёд в её душе, вернуть, вдохнуть в неё прежнюю любовь. Всё было тщетно. Её обычное общение со мной сводилось к серии дежурных фраз, а на вопросы, заданные в лоб, она в ответ лишь вежливо улыбалась. Как я ненавидел тогда эту улыбку! О, я готов был размазать её по этому милому, дорогому личику, втоптать в эти мягкие губы, растереть в пыль, распылить на атомы! Но я был бессилен. Лена уходила от меня, уходила всё дальше и дальше – в вечность…

Неприкаянным бездельником бродил я по городку, изучал окрестности, плевал от нечего делать в озеро, вкладывая в каждый плевок всю свою безысходность и надеясь утопить её в этом стоячем болоте вечности. В поисках выхода безуспешно пытался забраться на острые скалы – в результате дважды сорвался и едва не разбил себе голову о камни. Залезал на крыши домов и подолгу стоял на самом краю, наполовину свесив ступни над пропастью, рискуя в любой момент сорваться вниз и расшибиться в лепёшку. «Интересно, – размышлял я в эти мгновения, – умру ли я тогда? Или, словно резиновый мячик, отскочу от асфальта и умчусь в голубое безоблачное небо к… едрене фене? Сохранилась ли здесь смерть хоть в каком-нибудь обличии? Если я, скажем, сдану вон того вундеркинда кирпичом пор чайнику, отдаст он Богу душу, или лишь одарит меня своей мерзопакостной улыбочкой и, как ни в чём не бывало, зашагает прочь?»

А с некоторых пор я начал прислушиваться к глухим ударам, которые порой доносились из недр земли. Тогда воздух начинал вибрировать, а озеро морщилось, вздрагивало мелкой рябью, которая тут же исчезала, едва подземные толчки прекращались.

Я как-то спросил у Дмитрия, что это за гул. Но он лишь пожал плечами.

– Он здесь постоянно. Сколько себя помню, столько его и слышу. Иногда он быстро проходит, но чаще длится достаточно долго. Никто не знает, откуда он.

Однако я ловил себя на мысли, что уже слышал нечто подобное. Там, в недрах горы, когда мы с Леной (прежней Леной) бродили по подземным лабиринтам, бетонные стены излучали подобную вибрацию – словно какие-то мощные механизмы работали в каменной толще.

Этот райский уголок всё более напоминал мне вершину айсберга, его видимую область. А какие страшные секреты таила в себе его скрытая, подземная часть, не знал никто. Возможно, именно там, внизу, под внешне благополучной оболочкой Эдема, и была сокрыта преисподняя, куда некогда спускался Данте в сопровождении верного Вергилия. Сковырни оболочку – и снизу попрёт нечисть, с рогами, копытами, сковородками, серной вонью и прочими адскими атрибутами.

8.

Иногда на меня накатывала дикая злость, и я готов был расквасить нос любому, кто попадётся под руку. Депрессия выплёскивалась наружу плохо управляемой агрессией, и мне едва удавалось сдерживать себя, чтобы не перейти от мыслей к делу. Как правило, досуг свой я проводил на набережной, которая являлась своего рода зоной отдыха для здешней учёной братии. Сия братия нередко прохлаждалась здесь, совершая променаж по гравиевым дорожкам или восседая на уютных скамейках, поодиночке, парами, а то и целыми косяками. Проходя мимо, я невольно прислушивался к их разговорам – и всегда слышал только одно: обсуждение научных проблем. Вот это-то меня и бесило больше всего.

Как-то раз я пребывал в особо мрачном настроении. Лена в очередной раз отказала мне в разговоре по душам, сославшись на массу неотложных дел. Я пулей вылетел из её лаборатории, боясь сорваться и наделать глупостей. И теперь, едва сдерживая клокотавшую в груди ярость, вышагивал вдоль озера и разминал костяшки пальцев на правой – ударной – руке, явно намереваясь сжать её в кулак при первом же удобном случае, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И тут, прямо по курсу, вижу парочку, уютно примостившуюся на скамейке. Пацан и девчонка. Воркуют, голубки. Ага, вот и первая жертва! Подхожу ближе, прислушиваюсь – и ловлю ухом термины, ставшими уже привычными: бином, дивергенция, асимптота, конгруэнтность и прочая белиберда. Ух, и вскипел же я тогда! Это стало последней каплей. Им что, голубкам, больше потрепаться не о чем? О любви, например, о сексе, о семейных заботах? Была б моя воля, я за употребление подобных выражений в общественных местах пожизненный срок давал бы, без суда и следствия, с отбыванием наказания в зоне строгого режима! А при повторном нарушении – вышку, расстрел на месте преступления. И никаких тебе мораториев на смертную казнь.

Кулак в ход я так и не пустил. Мне пришла на ум более изощрённая пытка.

Я поравнялся с ними, нагло поставил одну ногу на скамейку, как раз между ними, и упёрся в парня тяжёлым, как мне казалось, немигающим взглядом. Выдержал подобающую паузу, чем привёл голубков в немалое смущение.

– Эй, братан, не подскажешь, который сейчас час? А то мои, – я сунул ему под нос наручные часы, которые назло всем демонстративно продолжал носить, – остановились.

Словно по команде, они удивлённо вскинули брови и тут же одновременно улыбнулись. Смысл моих слов до них, кажется, не дошёл.

– Ну чего ты лыбишься, пацан? Я ведь, кажется, простой вопрос задал, – перешёл я на более грубый тон. – Время, спрашиваю, сколько сейчас?

Улыбка на его губах поблекла, в глазах мелькнула искорка испуга.

– Извините, я не понимаю… – проблеял он.

Ага, пробрало, бином яйцеголовый! Ну, сейчас ты у меня лезгинку плясать будешь!

– Котлы у меня остановились, сечёшь? – Я снова затряс перед его глазами запястьем со своими старенькими часами. – Стрелки на семи часах стоят, во, глянь! Никак не въеду, на семи утра или на семи вечера. По солнцу хотел определить, но солнце куда-то пропало. Так ты скажешь мне, утро сейчас или вечер?

О, это надо было видеть! Они вскочили, причём оба сразу, крепко сцепились руками, словно ища поддержки друг у друга, и вдруг дали дёру! Только пятки сверкали. А я, как полоумный, хохотал им вслед, держась руками за живот. Темень в голове несколько рассеялась, накал деструктивных желаний чуть снизился.

Думаю, именно эти слова – *утро, вечер, солнце, время, часы* – привели их в такое смущение, в их ушах они прозвучали чем-то вроде отборной матерной брани. Не знаю, как давно они здесь, насколько успешно промыли им мозги (судя по их реакции, вполне успешно) и

чем напичканы сейчас их мозговые извилины, но я был уверен: их наверняка закодировали, и теперь категории времени стали для них чем-то вроде табу. Так обычно кодируют от курения.

Позже я повторял подобные каверзы неоднократно. Врывался, например, в толпу молодняка, или приставал к парочкам на скамейках, а то вваливался в какую-либо лабораторию, и задавал самые безобидные, на мой взгляд, вопросы типа: «Пацаны, часы не находили? Обронил где-то здесь, третий день ищу», «Эй, салаги, какое сегодня число? А вчера какое было? А месяц какой? А год?» или «Говорят, к вечеру дождь обещают. Вы, часом, не слыхали?» А то шокировал их предложением вроде такого: «Мужики, может по пивку? Вчера с корешами перебрали, с утра башка трещит, вот-вот лопнет. Сгоношимся, а? Я сгоняю!»

Вскоре учёная братия начала от меня шарахаться. При моём появлении лица их бледнели, в глазах вспыхивал испуг, уголки рта подёргивались в нервном тике. Ага, отучил-таки я вас от ваших пошленьких улыбочек! То ли ещё будет, господа учёные! Дайте только *время*!..

Для меня это оказался лучший способ снятия стресса. Вместо утренней зарядки.

9.

В нашем гостиничном номере, на подоконнике, стоял радиорепродуктор. Стандартный трёхпрограммник, из тех, которые одно время были весьма популярны у советских обывателей последней четверти двадцатого столетия (интересно, Дмитрий это время ещё застал? надо будет его об этом спросить). Стоило его включить, как комната наполнялась классической музыкой. Местная ретрансляционная сеть баловала обитателей городка исключительно классикой, по всем трём каналам. Меня это только радовало – надоел откровенный дебилизм и пошлость современной попсы, которой круглые сутки грузит нас телевидение. Да и на репертуар я пожаловаться не мог – симфонии Бетховена, Моцарта, Стравинского и Рахманинова сменялись операми Римского-Корсакова, Верди, Вагнера и Россини, духовная музыка Генделя, Кастальского, Бортнянского и Чеснокова – органными фугами Баха. Знатоком классики я, конечно же, не был, но кое в чём разбирался. Я мог часами сидеть у себя в номере и слушать, слушать, слушать…

При звуках музыки Чайковского мне невольно вспоминались слова моего соседа по лестничной клетке, Олега Александровича, когда он с печальной улыбкой говорил, что у представителей его поколения «Лебединое озеро» ассоциируется, как правило, с проводами в последний путь очередного генсека. В день смерти Брежнева, Андропова и Черненко – в начале восьмидесятых это случалось регулярно с периодичностью в год-полтора – по всем советским каналам и программам крутили именно это гениальное творение…

Это так, к слову. Незначительный штрих к быту «небожителей»…

Между тем местные светила от медицины продолжали изучать особенности моего организма. Спрашивать их о чём-либо было бесполезно. Какие только уловки я не применял, чтобы вызвать их на откровенность и выпытать хоть что-нибудь! Увы! Каждый раз я натыкался на непробиваемый строй дежурных улыбок, включаемых, подобно условному рефлексу, в ответ на определённый тип внешнего раздражителя.

«Улыбнитесь! Вас снимает скрытая камера». (Кстати, не слишком ли далёк я от истины? Я насчёт камеры. В этом дурдоме всё возможно).

– Послушай, – как-то спросил я у Дмитрия, – тебе никогда не приходило на ум, что мы попали в идеально организованную психушку?

По его печальным глазам я понял: приходило, и не раз.

– То-то и оно, – проворчал я, зло швыряя в озеро целую горсть красных кругляшей.

Интересно, если я останусь здесь на вечное поселение, когда-нибудь эти камешки закончатся? Или наши невидимые благодетели как-то незаметно восполнят их нехватку?.. Судя по этим вопросам, обращённым к самому себе, мысль о психушке не казалась мне такой уж абсурдной. Даже нормальный человек, попав сюда, со временем (внимание! время в данном контексте используется как силлогизм, а не как основополагающая категория бытия) – так вот, даже обычный человек, с нормальной психикой, в этих условиях рано или поздно съедет с катушек. Или превратится в зомби с приклеенной улыбкой.

Всё чаще у меня возникало ощущение, что мы сидим под колпаком, а кто-то сверху за нами наблюдает. Не просто наблюдает, а манипулирует. Большой и сильный, у кого имеются ответы на все вопросы. Сидит у окуляра микроскопа и дёргает невидимые нити. А мы – всего лишь подопытные кролики. Белые мыши. Лягушки, которых поочерёдно окунают в серную кислоту и фиксируют их реакцию: дёрнет ли она лапкой?

Эти мысли навязчиво лезли в башку, липли, словно жвачка к подошве сандалий, загоняли в чёрную дыру депрессии. Избитая фраза «Улыбнитесь! Вас снимает скрытая камера», внезапно всплывшая в моём мозгу как безобидная, хоть и циничная шутка, теперь казалась мне наполненной зловещего смысла. Я поделился своими страхами с Дмитрием, однако он лишь

неопределённо пожал плечами. Хорошо ещё, что не улыбнулся! Я бы, наверное, не выдержал и врезал ему по роже. На беднягу порой что-то накатывало (я видел, как какой-то скрытый, но весьма прожорливый червь гложет его изнутри, точит, грызёт), и тогда он замыкался в себе, словно черепаха в панцире, становился совершенно непробиваемым. Нужно было немного подождать, и ступор проходил, он снова возвращался в своё обычное состояние, становился приветливым, разговорчивым пацаном с печальными серыми глазами.

Врачи (я возвращаюсь к медицинской теме) продолжали меня изучать, однако теперь их интерес к моей персоне ограничивался всего лишь одной процедурой: помещением меня в некую камеру обтекаемой формы, похожую на морскую торпеду и наполненную мерцающим лиловым свечением. Меня вежливо просили раздеться догола и занять горизонтальное положение в камере, после чего закрывали крышкой из матового пластика… и я отключался. Сколько времени я лежал в отключке, я не знал, но мне всегда казалось, что включался я уже в следующую секунду. Однако как-то при встрече с Дмитрием, как раз после одной из таких процедур, он с беспокойством поинтересовался, где это я так долго пропадал. Да и голод меня в тот момент одолевал сверх всякой меры. Большого ума здесь иметь не надо, ответ напрашивался сам собой. Действительно, я мог лежать в этой камере сколь угодно долго – и никогда не узнал бы об этом! В царстве почившего в бозе времени этот парадокс более чем естественен.

Как-то я заглянул в их лабораторию без приглашения, просто так, из любопытства. В этот раз здесь было безлюдно, и я долго плутал по длинным, тускло освещённым коридорам в поисках той самой камеры, но так и не встретил ни одной живой души. Наконец я нашёл нужную дверь. Шагнув внутрь, я очутился в кромешной темноте, и лишь от камеры, похожей на торпеду, струился холодный фосфоресцирующий свет, просачивающийся сквозь полупрозрачную пластиковую крышку. Я нагнулся над камерой и различил контур обнажённого человека; мягкие волны лиловых квантов омывали неподвижное тело. Я не мог разглядеть его лица и особенностей телосложения, но даже его смутный абрис говорил мне, что этот человек худ и стар, чело увенчано густой чёрной бородой, а череп – копной волос. Среди обитателей колонии мне такой экземпляр не попадался.

Я в смятении покинул это место. Воочию, как бы со стороны, я увидел себя самого в той же камере, голого, неподвижного, беспомощного, почти мёртвого, всеми оставленного. Мне стало жутко. А если я задохнусь под этим колпаком из оргстекла? Если произойдёт сбой в электронике, и воздух перестанет поступать внутрь корпуса, или что-то там замкнёт в электропроводке, и меня поджарят, словно цыплёнка-гриль?

Но не только это смутило меня. Зрение, конечно, могло сыграть со мной злую шутку, однако что-то в облике этого старика показалось мне знакомым. Как будто где-то я уже видел его… *Шагающий*? Бомж, который встретился нам с Леной в заколдованном лесу?

Я был почти уверен, что не ошибся. Та же борода, та же копна чёрных волос. Агасфер – так, кажется, он назвал себя.

Дмитрию я ничего об этом не сказал. Я знал, что он что-то скрывает от меня. Почему бы и мне не иметь от него тайну?

10.

Кое о чём я умолчал. Нет, не из забывчивости, просто не было подходящего момента. Сейчас этот момент настал.

Дело в том, что в колонии практически отсутствовала растительность. Бледно-зелёная травка, которая куцыми пучками пробивалась к свету на редких газонах и на набережной, да чахлые деревца вкупе с облезлым кустарником вдоль узорчатых тротуаров – вот и вся флора, представленная в здешнем Эдеме. И даже традиционные яблони с искусительными плодами, сочащимися грехом и похотью, здесь не росли (что было весьма символично, как я понял потом). Единственное исключение составлял остров.

Да, на озере был самый настоящий остров – именно о нём я до сих пор не обмолвился ни словом, решив оставить на закуску, хотя этому клочку суши суждено сыграть решающую роль в моей дальнейшей судьбе, а, может быть, и в судьбах всей Вселенной.

Остров диссонировал со здешним пейзажем и выглядел настоящим бунтарём на фоне безмятежного спокойствия колонии учёных. Этот диссонанс, несказанно радовавший мой глаз, вносился зелёной шапкой растительности, буйно произраставшей прямо посреди озера. Словно художник-великан ошибочным мазком прошёлся не по тому полотну.

Зелёный оазис притягивал мой взор, звал меня, тревожил, будил фантазию. Мне нестерпимо хотелось туда попасть. Я чувствовал, *пред*-чувствовал, что остров скрывает какую-то важную для меня тайну, раскрыть которую мне было жизненно необходимо. И ещё: с некоторых пор я обрёл уверенность, что именно там и следует искать выход из Эдема.

И ещё: этот остров странным образом перекликался в памяти с другим островом, который я видел ещё там, в далёкой прежней жизни – в секретном лесном пансионате для особо избранных толстосумов. То же буйство красок, тот же диссонанс с окружающей действительностью. Что это: случайное совпадение? звенья одной цепи? или повторы в сценарии того могущественного режиссёра, что дёргает за невидимые нити моей судьбы?

– Что это за остров? – спросил я как-то у Дмитрия. – Ты здесь давно и должен знать всё.

– Я знаю не больше твоего, – возразил он. – Этот остров – одно из белых пятен на карте здешней колонии.

– Зелёных, – заметил я. – Зелёных пятен… И что же, никто не пытался проникнуть туда? Вот ты, например – взял бы и сплавал. Здесь не более ста – ста пятидесяти метров, вплавь запросто добраться можно.

Дмитрий в упор посмотрел на меня.

– Выкинь это из головы, понял? – строго сказал он. – Сразу пойдёшь ко дну.

– Вообще-то, я хороший пловец.

– Здесь это не работает. Здесь, если ты это ещё не понял, всё по-другому. Земля другая, воздух другой, вода другая.

– А на лодке?

– Исключено. Утонет, даже глазом моргнуть не успеешь.

– Были прецеденты?

– На моей памяти нет. Однако так здесь говорят, и я склонен верить этому.

Я не сдавался.

– Что значит – говорят? Либо факт подтверждается – и тогда есть реальное свидетельство этому, либо не подтверждается. Промежуточное состояние исключается.

– Послушай, брат, я практически всю жизнь прожил в этом месте, да и большинство обитателей городка тоже. А там, где люди живут достаточно долго, всегда рождаются легенды.

– Я не верю в легенды, – категорически заявил я.

– Легенды не рождаются на пустом месте, их появлению всегда предшествуют реальные события.

– Кроме тех случаев, – возразил я, – когда кому-то выгодно, чтобы такая легенда появилась на свет. Искусственно созданный ореол таинственности с примесью «ужастика» в духе Фредди Крюгера или «ночи живых мертвецов», плюс грамотно пущенный слух – вот и вся атрибутика сфабрикованного мифа. Результат гарантирован. Мне кажется, с этим озером та же история. Кому-то очень важно, чтобы никто не попал на этот остров. Здесь, небось, и купаться запрещено?

– Здесь никто никогда не купается, – заявил Дмитрий. – Считается, что вода в озере ядовитая.

– Да?

Я ухмыльнулся, присел на корточки, склонился над озёрной гладью и зачерпнул в пригоршню воды. Перелил её из одной ладони в другую, внимательно наблюдая, как она стекает между пальцами и уходит в прибрежный песок. Вода как вода, ничего примечательного. Я встал, поднял руки, демонстрируя мокрые ладони Дмитрию, и не без лукавства объявил:

– Что ж, поглядим, не покроются ли они язвами.

Дмитрий смущённо потупил взор.

– Зря ты так. Я ведь тоже не слишком-то верю во всю эту чепуху, но… так здесь говорят.

Я по-дружески хлопнул его по плечу. Он непроизвольно вздрогнул от прикосновения моей мокрой ладони. Всё-таки сильно промыли ему здесь мозги, факт.

– Ладно, друг, не бери в голову, – примирительно сказал я. – А до этого острова я всё-таки доберусь, обещаю. Пойдёшь со мной?

Он ничего не ответил и молча зашагал прочь. Что-то с парнем творится.

А я сел на скамейку, выставил перед собой руки и стал ждать, когда высохнет на них влага. Где-то в самом потаённом уголке души, конечно же, жила тревога: а вдруг вода здесь действительно несёт смерть? Но с руками ничего не случилось.

11.

Городок с прилегающими окрестностями изобиловал десятками фонарей. Обычными уличными фонарями, примерно двух с половиной – трёх метров в высоту, увенчанными большими белыми стеклянными шарами. Их вереницы выстроились вдоль всех тротуаров, всех гравиевых дорожек на набережной, вдоль границы красных скал, словно бы очерчивая зону обжитой территории, вокруг лабораторных корпусов, столовой, гостиницы. Они были повсюду, эти белоголовые чудеса садово-паркового дизайна, и если бы не отсутствие растительности, их присутствие весьма гармонично вплеталось бы в окружающий пейзаж. Однако гармонии не получилось: чахлые деревца и куцый кустарник полностью терялись в однородной массе десятков (а может и сотен) декоративных уличных головастиков.

В долгие периоды томительного безделья я сидел на берегу и ломал голову: зачем их здесь установили? Ни один из них не горел, что было вполне естественно: смешно было бы включать их там, где на землю никогда не опускается ночь! Но они стояли, являя собой образец абсурда, бессмысленности и дурного вкуса.

Однажды у меня мелькнула мысль: а что если в этих фонарях скрывается какая-нибудь хитроумная аппаратура, типа сверхчувствительных микрофонов, камер слежения и прочая шпионско-диверсионная начинка? И что через эти фонари некто наблюдает за каждым нашим шагом? Случилось так, что в тот период я был подвержен депрессии более чем когда-либо, и это состояние требовало незамедлительного выхода. Чтобы окончательно не свихнуться от одолевавших меня мрачных мыслей, а заодно внести дисгармонию в этот идеальный мир сытого благоденствия и слащаво-фальшивых улыбок, я набрал на берегу камней покрупнее и перебил в городке все фонари. Все до единого. Но никакой аппаратуры я там не обнаружил, как не нашёл я и лампочек – обязательного атрибута любого электроосветительного прибора. Стеклянные шары-плафоны внутри оказались совершенно пусты. Обычная бутафория, не несущая никакой смысловой, практической и эстетической нагрузки. Абсолютная бессмыслица, как, впрочем, и весь этот мир.

Совершив невиданный по местным меркам акт вандализма и переполошив тем самым всё население городка, я озаботился уже иной мыслью. Интересно, злорадно вопрошал я себя, а кто будет убирать всё это дерьмо, что я здесь натворил? Все эти стёкла с тротуаров, все те осколки плафонов, рваные края которых в изобилии венчали теперь фонарные столбы? Ведь не оставят же *они* всё это так! И я решил во что бы то ни стало улучить момент, когда ремонтная бригада электриков (или как они там у них называются) устранит разрушительные последствия моего варварского поступка. С этой целью я разлёгся на газоне вблизи одной из групп фонарей и принялся ждать.

Ждать пришлось долго, очень долго. И за всё то время, пока я валялся на лысом газоне, изображая из себя тунеядца-дебила, которому не хрена делать, ни одна зараза не появилась в поле моего зрения. Я уже начал терять терпение, когда…

Когда я проснулся, ничего в мире не изменилось. Небожители всё так же безмятежно прохаживались по гравиевым дорожкам и предавались обсуждению научных проблем, а белые стеклянные шары всё так же венчали фонарные столбы. Злой и раздосадованный, я вскочил с газона и зашагал в гостиницу. Эти уроды вновь обошли меня! Только не говорите мне, что я заснул случайно – *они* наверняка усыпили меня! Направили на меня какой-нибудь сверхмощный электронный усыпитель, или незаметно распылили вокруг хлороформ – вот я и отключился. А что? Сейчас я готов был поверить в любую пакость с *их* стороны.

Всё! Довольно этого бреда! Пора серьёзно задуматься о будущем. И о том, как выбраться отсюда…

В следующую встречу с Дмитрием я демонстративно протянул ему руки.

– Ну как? Впечатляет? Покрылись мои руки язвами? Разъела их кислота? То-то же. А ты – «говорят, говорят»! – Я усмехнулся и хитро подмигнул ему. – А теперь гляди! Смертельный аттракцион! Глядите все! – крикнул я, заметив невдалеке несколько гуляющих парочек.

Я снова склонился к воде, сложил ладони лодочкой и зачерпнул в них порцию безобидной влаги. Припал к ладоням губами и демонстративно, громко причмокивая, выпил всё до капли. Вода оказалась совершенно безвкусной и пресной – чистейший дистиллят. Кто-то за моей спиной вскрикнул.

Я оглянулся. Девушка, оказавшаяся на тот момент ближе всего к нам, вылупила на меня свои круглые глазёнки и в ужасе пятилась назад, прижав к груди какую-то книжку.

– Ой! – повторила она, ожидая, наверное, что я сейчас грохнусь на землю и забьюсь в предсмертных конвульсиях, сжигаемый изнутри дьявольским пламенем.

А меня вдруг обуяло неудержимое веселье. Смеясь, я зачерпнул в ладони очередную порцию воды и неожиданно брызнул на неё. Она побледнела, зажмурилась, сморщив свою симпатичную мордашку, уронила книгу – и бросилась бежать. Краем глаза я видел, как опустела и вся набережная. Такого жуткого зрелища не смог вынести ни один из небожителей.

Дмитрий стоял рядом со мной и улыбался. Кажется, и он, наконец, понял, что легенда о страшных свойствах здешней воды – чистейшей воды обман (вот и скаламбурил!)

– Неплохо, – одобрительно кивнул он. – Красиво выступил. Впечатляет.

– Ну что, теперь ты со мной? – Я кивнул на остров. – В смысле, на тот берег? Или всё ещё дрейфишь?

В его глазах появилось отсутствующее выражение.

– Ты уж лучше сам, брат, – прошептал он, глядя сквозь меня. – Не смогу я…

Я пожал плечами.

– Ну, как знаешь. Ладно, пока. Пойду в столовку заскочу. Жрать охота. От этой озёрной водицы аппетит что-то зверский проснулся…

12.

В столовой я неожиданно встретил Лену. Завидев меня издали, она приветливо улыбнулась и даже помахала ручкой. Я вяло ответил ей тем же. Не верил я в эти гримасы лицевой мускулатуры – по крайней мере, с некоторых пор. Я плюхнулся за столик напротив неё, привычно щёлкнул пальцами, подзывая официантов – и те тут же засуетились вокруг, уставляя мою половину стола всевозможной снедью. И тут… не знаю, что на меня нашло. Наверное, горел ещё в душе озорной огонёк, зажжённый на берегу озера той выходкой с водой. Лена на какое-то мгновение отвлеклась, обратив взор в сторону, а я взял – и поменял наши с ней стаканы с компотом. Просто так, импульсивно, без какого-либо умысла, сам не зная, зачем.

Да, именно с компотом, потому что компот («витаминный напиток» – как именовался он в меню при входе в зал) здесь был обязательным атрибутом каждого приёма пищи. Ассортимент блюд мог меняться, хоть и незначительно, рыбные блюда сменяли мясные, борщ, как правило, шёл следом за гороховым супом, харчо – за окрошкой, но компот оставался всегда. Ни чай, ни кофе, ни газировка, ни минералка – только компот. Такие вот причуды у местных кулинаров.

Итак, я выпил её компот. А она, не заметив, мой. Не более, чем безобидная шалость. Которая, однако, имела далеко идущие последствия.

Закончив трапезу, Лена молча ушла. А я продолжал тупо ковыряться вилкой в макаронах «по-флотски», кляня судьбу за тот день и тот час, когда согласился ехать в этот дурацкий пансионат, в дремучую Тверскую тайгу… *Какую ещё тайгу? В Твери тайги не бывает… Да хрен с ней, с тайгой!.. Всё равно не бывает. Тайга – она в Сибири бывает. На Дальнем Востоке бывает. А в Твери – ни-ни…* Да пошёл ты, чмо позорное, со своей грёбаной тайгой!..

Люди, что сидели за соседними столиками, начали с опаской на меня оглядываться. Это что же, я сам с собой уже разговаривать начал? Вот дерьмо! Симптом, надо прямо сказать, никудышный. Даже опасный. Так и с катушек съехать недолго. Шизо, как говорится, подкралось незаметно. Сейчас головой о стену биться начну. Вот потеха начнётся!

Я резко встал и поспешно покинул столовую. Уже на выходе почувствовал, как меня одолевает сон. Кое-как добрался до своего гостиничного номера и рухнул на диван. Как я отключился, не помню.

И приснилось мне, что я на работе. По-прежнему руковожу своим отделом, совместно с коллегами, Игорем, Сергеем и Наташей, разрабатываю концепцию очередной рекламной кампании, налаживаю контакты со СМИ, рекламными и информационными агентствами, занимаюсь поиском дешёвой полиграфической базы для издания буклетов, годовых «аннуал-репортов» и карманных календариков с нашей фирменной символикой. Словом, с головой погружён в обычную повседневную рутину.

Когда я проснулся, сон ещё гулял по полушариям моего мозга. И когда я покинул гостиницу для традиционной прогулки по берегу озера, сон всё ещё не отпускал меня, а образы, навеянные им (весьма, кстати, отчётливые), витали в воздухе, накладываясь на реальность и создавая фантасмагорические картины в духе великого Дали. Вместо окон мне мерещились экраны мониторов с классическими заставками Windows XP, в балконах виделись дисководы CD-ROM с наполовину выдвинутыми «подстаканниками», да и сами здания научного городка внезапно трансформировались в партию системных блоков типа Mini-Tower и Midi-Tower. Целый город компьютеров! Неплохая тема для рекламной кампании! Идея, конечно, не нова, но сейчас она виделась мне в совершенно необычном ракурсе, под непривычным углом, и если бы мои видения удалось воплотить в бумагу… или в джипеговский файл… или… О, это был бы настоящий прорыв! Тут есть, есть над чем поработать, идеи, одна другой гениальней, вдруг полезли из моей головы. Меня распирало от идей, сердце заходилось в бешеном ритме от их

обилия, они просились наружу, требовали немедленного воплощения. Как угорелый, носился я по городку – и везде видел образы, образы, образы…

– Ты куда это бежишь?

Стоп! Я нос к носу столкнулся с Дмитрием. Он с недоумением, даже с каким-то страхом смотрел на меня. И явно не узнавал.

– Что с тобой стряслось?

– Ничего, – ответил я и судорожно пожал плечами. – Тут идея родилась… пусти, мне бежать надо!

– Нет, погоди! – Этот маньяк преградил мне путь и не пускал. Тупоголовый! Да как он не понимает!.. – Да что с тобой, брат? У тебя глаза бешеные. Не иначе, как озёрная водичка реакцию дала.

И тут вдруг в голове что-то треснуло – и наваждение словно рукой сняло. Всё разом схлынуло – и рекламные концепции, и гениальные идеи, и судорожное биение сердца, и желание куда-то бежать.

– Компот, – сказал я. – Компот дал.

– Что компот? – переспросил Дмитрий, с явной опаской поглядывая на меня. Уж не свихнулся ли я окончательно?

– Не водичка озёрная, а компот из столовки реакцию дал. Я всё понял.

Да, на смену наваждению пришло прозрение. Я действительно всё понял. Словно щёлкнуло что-то в мозгах, включился свет – и ответ на мучивший меня вопрос родился сам собой.

– Обычный компот, который нам в столовой дают. В котором повар ноги моет. – Я мрачно рассмеялся собственной идиотской шутке. – В нём причина, в нём весь корень зла. Извини, мне действительно пора. Надо кое-что проверить. После расскажу. А ты пока покумекай над таким вопросом: почему в столовой за каждым клиентом закреплён персональный столик? Более того, персональное место? Ведь ассортимент единый для всех, да и меню особыми изысками не отличается. Ага, озадачил я тебя!..

Я забежал в столовую, определил ближайшую цель, выхватил стакан с компотом из-под носа у опешившего аборигена, в тот момент подбиравшего с тарелки последнюю макаронину «по-флотски» и уже готового перейти к третьему блюду, и выскользнул обратно. Осторожно, чтобы не расплескать мутно-лиловую жидкость, домчался до химлаборатории, где обычно «химичила» моя Лена, и ворвался к ней, словно вихрь.

– Надо определить химический состав этого пойла, – переведя дух, сказал я. – Ленок, это очень важно, сделай это для меня.

Лена внимательно посмотрела на меня, сдвинула брови к переносице, как будто силясь что-то вспомнить, в глубине её глаз мелькнула едва уловимая, но такая знакомая, давно забытая искорка. Неужели?.. Нет, искорка погасла, фокус снова сбился, на губах вновь замаячила пошленькая улыбочка. Моя благоверная молча взяла стакан с компотом и, не задавая никаких вопросов, начала колдовать над ним.

Результат не заставил себя ждать. И от этого результата мне стало не по себе. В глубине души я всё ещё надеялся, что ошибся, но Лена развеяла мою надежду, словно солнечный луч утреннюю дымку над деревенским кладбищем.

Мысль о том, что нам что-то подмешивают в компот, пришла неожиданно. Решил не тянуть резину и проверить. Стащил стакан с компотом из столовой, с первого попавшегося столика, и отнёс его в химлабораторию на анализ. И что же там обнаружилось, в этом компоте? Сильнодействующее психотропное вещество, корректирующее мозговую деятельность и избирательно действующее на определённые функции головного мозга, включая блокировку памяти (отдельных её ячеек) и стимулирование творческой активности в весьма ограниченном диапазоне приложения. Кстати, полностью блокировалась половая функция. Секс из обихода колонистов исключён как вредная привычка, оказывающая негативное воздействие на

творческие процессы. Мощные механизмы сублимации направляли потенциал нерастраченного либидо моложавой учёной братии (обоего пола) исключительно в русло научного творчества.

Вот такие дела. И этим пойлом поили всех обитателей городка, включая мою Лену – отсюда её странное поведение и гипертрофированная страсть к научным изысканиям. Именно это ядовитое пойло и заставило мой мозг выплёскивать идиотские рекламные прожекты, именно оно обострило мой творческий потенциал в сфере обычного приложения моих интеллектуальных способностей – то есть в сфере рекламного бизнеса, где я чувствовал себя как рыба в воде.

Да, этим пойлом поили всех обитателей городка. За исключением двух человек: меня и Дмитрия. Это было ясно даже и без химических опытов.

Вот этот факт и смущал меня больше всего. Кому-то, кто дёргал нас за ниточки и разглядывал через окуляр микроскопа, почему-то было важно сохранить нас в твёрдой памяти и здравом рассудке.

А когда я чего-то не понимаю, мне становится не по себе.

13.

В этом перевёрнутом с ног на голову мире, где время умерло, солнце погасло, а вечность навсегда заморозила возраст здешних обитателей, невольно нарушается и хронология моего повествования.

Нарушается? Не может быть нарушено то, чего не существует, – возразят мне. И будут правы. Поэтому я с чистой совестью возвращаю мою историю вспять и начинаю с того момента, когда мы с Леной только-только переступили порог этого мира, где время умерло, солнце погасло, а…

Аккуратная гравиевая дорожка, мягко шурша красными кругляшами под нашими ногами, закладывала крутой вираж вправо, затем, постепенно уходя влево, полого вела нас вниз, к раскинувшемуся на берегу озера уютному городку. Красные скалы за спиной отвесно стремились ввысь, упираясь в белесый небосвод без единого признака облачности. Мы шли по дорожке, крепко держась за руки, и полной грудью вдыхали тёплый воздух. Люди – там, внизу – приветливо махали нам и улыбались. И все были молоды и красивы, все были счастливы словно ангелы в раю.

Каким чудесным показалось мне тогда это место!

А после этого начались странности. То ли воздух здесь был какой-то особенный, то ли само место определённым образом влияло на нас, то ли в голове у меня что-то дало сбой, но только в цепочке дальнейших событий образовались некие провалы, а сами события стали происходить как-то фрагментарно, с нарушением причинно-следственных связей. Едва мы поравнялись с первыми корпусами научного городка, как вдруг очутились в гостиничном номере. В том самом номере, который некие благодетели предназначили нам в качестве постоянного места жительства. Следующий фрагмент: мы уже в столовой. Сидим, уплетаем за обе щёки. Вкуснотища – за уши не оттащишь! Кто нас сюда привёл – ума не приложу. Тогда, на начальном этапе нашей «командировки» (если пользоваться терминологией Дмитрия), я списывал эти провалы на переутомление и усталость. Целый день блуждали по лесу, потом – в недрах горы; голова идёт кругом от череды головоломок и неожиданных открытий, нервы на пределе, натянуты, как канаты, вот-вот лопнут… Но потом понял: нет, здесь кое-что похуже будет. Здесь аномалия иного свойства.

А потом провалы прекратились. Всё выровнялось, цепочка событий выстроилась звено к звену, без разрывов и трещин. Но было поздно: я уже испил яд депрессии, уже облёкся в маску циника, уже ушёл в оппозицию к вечности. А Лена уже успела отдалиться от меня – настолько далеко, что я потерял надежду вернуть её. Увы…

Но это всё потом, а тогда, в первые мгновения… Тогда мы были счастливы. Мы улыбались друг другу, смеялись, шутили, бурно обсуждали свои впечатления. Одна только тема, по молчаливому согласию, была для нас закрыта: мы не пытались *понять*. Потому что знали: на этом пути, скользком, ухабистом, нас ждёт только один исход – психушка. Есть вещи, которые следует принимать как данность, без осмысления и попыток разложить на атомы. Такова, например, Библия для верующих. Таково голубое небо для обитателей Страны Слепых. Такова вечность для смертных.

Мы отъедались, отсыпались и отдыхали. Первое время, как я уже сказал, всё шло чудесно. Услужливый персонал гостиницы выдал нам лёгкие удобные комбинезоны оранжево-розового цвета, в которых ходили здесь все, а нашу походную одежду, пропахшую потом, лесом и усталостью, отправили в стирку. Я несколько забеспокоился, обнаружив однажды её пропажу, однако очень скоро она вернулась, выстиранная, отглаженная, аккуратно сложенная, пропитанная ароматом свежести. Наши рюкзаки с походной поклажей остались нетронутыми. Вообще, отношение к нам было самым доброжелательным, а сервис ненавязчивым.

О будущем мы не думали. Эта тема до поры до времени тоже оставалась под запретом. Как там любила говорить Скарлет О'Хара? «Об этом я подумаю завтра». Очень удобная, кстати, жизненная позиция, особенно если учесть, что «завтра» здесь никогда не наступит.

Однажды Лена, после продолжительной отлучки, вернулась в наш номер в белом халате. Глаза её при этом светились от возбуждения. Такие халаты носило большинство местных обитателей, накинув их поверх комбинезонов. Обычная рабочая одежда медицинских и научных работников. Здесь хватало и тех, и других, поэтому я воспринял эту метаморфозу совершенно спокойно, тем более что Лена, действительно, к науке имела самое непосредственное отношение – по крайней мере, там, в прошлой жизни.

– Ты не представляешь, дорогой, как мне повезло! Я начала работать над новой темой! О, у меня грандиозные замыслы! И теперь я смогу их осуществить! Здесь все условия для этого!..

Именно с этого момента начался раскол в наших отношениях. Трещина, которая ширилась с каждым уходящим мгновением.

– Здесь такая чудесная лаборатория! – повторяла она с тех пор то и дело, млея от счастья. – Я всю жизнь о такой мечтала!

А я всё больше и больше мрачнел…

14.

– Теперь понял? Нас здесь травят, как сусликов на кукурузном поле, а мы и уши развесили.

Дмитрий сдвинул брови к переносице и отчаянно скрёб затылок длинными нестриженными ногтями.

– Гм… Я об этом как-то не подумал. В смысле, о компоте. Догадывался, конечно, что чем-то нас пичкают, но чтобы так… Молодец, Виктор, – он сделал ударение на последнем слоге, на французский манер, – это ты здорово придумал!

Я махнул рукой: мол, не до похвал мне сейчас.

– Делать-то что будем? Ведь с этим надо как-то бороться.

Теперь настала очередь Дмитрия махать рукой.

– Бесполезно. Здесь некому предъявлять претензии и некого призвать к ответу. Всё делается настолько скрытно…

– Нет ничего скрытого, что бы когда-нибудь ни стало явным, – возразил я.

– Не тот случай. Здесь всё делается как бы само собой. Без всякой видимой причины в двух соседних стаканах вдруг оказывается разное содержимое. И как бы ты не пытался проследить, в какой именно момент в один из стаканов попадает яд, ты всё равно останешься в дураках. И дело вовсе не в сноровке этих людей, здесь просто место такое.

Я задумался. Место такое… Место, которое *водит*. Как тот лес, в котором мы недавно плутали – там, в прошлой жизни.

– Это место, – тихо произнёс я, скорее для самого себя, чем для Дмитрия, – мне чем-то напоминает Замок, описанный Кафкой.

– Кафку не читал, – мотнул головой он. – Не попадался.

– Ну разумеется, – кивнул я. – В ваше время он не издавался. Нельзя было.

Впрочем, мысли мои в этот момент были далеки и от Кафки, и от его творчества, и от запретов советской цензуры.

– Надо бежать отсюда, – сказал я решительно. – И чем быстрее, тем лучше.

Он опустил печальный взгляд вниз, себе под ноги, и невесело усмехнулся.

– Отсюда не убежишь.

– Опять ты за своё! – взорвался я. – Из каждого положения всегда есть выход. Из этого положения выход тоже должен быть, и я его найду. Клянусь!

– Я здесь уже больше тридцати лет. Не думай, что я провёл их бесцельно. Если бы выход был, я бы наверняка его нашёл. Его просто нет.

– А я говорю – есть! – заорал я на него, пытаясь в первую очередь убедить самого себя в собственной правоте. Но уже в следующий момент устыдился своей грубости. – Извини, друг…

Дмитрий никак не реагировал на мои выпады.

– Единственный, у кого есть мизерный шанс отсюда выбраться, это Летающий, – тихо сказал он, глядя на озеро. – Но ему это не надо. Он нашёл здесь то, что искал.

– Опять Летающий! В который раз уже слышу от тебя об этом таинственном типе. Кто он такой? Почему я ни разу не встретил его?

– Потому что он не любит показываться на людях. Здесь, в колонии, есть два человека, которые не похожи на всех остальных и которых практически нельзя увидеть. Первый – это Летающий. А второй…

– А второй – бородатый старикан жидовской наружности, – догадался я.

– Ты не любишь евреев?

– Да нет, это я так… На душе пакостно, вот и… Не бери в голову, продолжай.

– Да, это он. Ты уже встречал его?

– Дважды. Один раз здесь, один раз – там, на воле. – Я махнул рукой в сторону скал, из недр которых, как я полагал, мы с Леной выпали в этот мир.

– Значит, встречал, – задумчиво кивнул Дмитрий. – Всё правильно. Теперь ты встретишься с Летающим. Это произойдёт очень скоро… А вот, кстати, и он.

Я резко повернулся. По дорожке, усыпанной красными шуршащими кругляшами, семенил пузатый мужичёк лет сорока – сорока пяти. Сутулый, бледный, обрюзгший, с тусклыми глазами, он бесцельно брёл, неуклюже переваливаясь с боку на бок, мимо чахлого кустарника и пустующих скамеек, и при каждом его шаге обвислые щёки вздрагивали, словно плохо застывший студень.

Я расхохотался.

– И это – Летающий?

– Летающий.

– Этот тюфяк, набитый соломой?

– Он самый.

– Ты видел, как он летает?

– Увы, не пришлось.

– Так откуда же ты знаешь, что он это действительно делает?

Он улыбнулся с чувством явного превосходства – так улыбается обладатель тайного знания, неведомого больше никому.

– Есть вещи настолько очевидные, что в них достаточно просто верить.

– Очевидные? То, что *этот* человек умеет летать, ты считаешь очевидным? А вот мне так почему-то не кажется.

– Придёт время, и ты сам в этом убедишься.

– Никакое время не придёт, – раздражённо ответил я. – Его здесь просто нет.

– Оно придёт, брат. Когда ты услышишь его рассказ, твои сомнения рассеются, как дым после вчерашнего пожарища.

– Рассказ о чём?

– О жизни, естественно.

– С какой стати он будет мне что-то рассказывать? Ты ведь говорил, что он сторонится людей.

– Оставь это мне, брат, я устрою вашу встречу. Твоё дело – только слушать.

Я пожал плечами. Честно говоря, никакого интереса у меня этот Летающий не вызывал. Да и на рассказ его мне было откровенно наплевать. Ну что, скажите, может мне поведать дряхлеющий свихнувшийся мужичёк, возомнивший себя человеком-птицей?

И я выкинул этого невзрачного типа из головы. Однако, как оказалось, зря. Очень скоро он вновь напомнил о себе. Через Дмитрия. И я наконец услышал его удивительный рассказ.

В тот раз Дмитрий поймал меня на выходе из столовой, ухватил за рукав и потащил к озеру.

– Пойдём скорее! Он уже ждёт.

– Да кто он? – туго соображая после плотного обеда, вопросил я. – Куда ты меня тащишь?

– Летающий нас ждёт! Вон, видишь, на скамейке сидит. Я его уговорил. Он тебе всё расскажет.

Действительно, тот странный тип, именующий себя «Летающим», ссутулившись, сидел на скамейке у самой кромки воды и безучастно пялился в озеро. Икар, Ариэль и Супермен в одном флаконе. Любопытно.

Дмитрий подтолкнул меня к скамейке, и я, не удержавшись, плюхнулся рядом с мужиком. Мой провожатый занял место по другую его сторону.

Летающий никак не реагировал на наше появление. Взгляд его оставался тусклым, с поволокой, губы едва шевелились в беззвучном бормотании, слегка выбритые щёки подраги-

вали при любом мало-мальски заметном движении, а свисавшее на колени брюшко туго натягивало лоснящийся в этом месте стандартного пошива комбинезон.

Дмитрий склонился к нему, едва ли не касаясь носом его небритой щеки.

– Друг, мы пришли. Расскажи нам всё. Ты обещал, помнишь?

И тут началось преображение! Плечи мужика приподнялись, подбородок пошёл вверх, брюшко подтянулось, а грудь, напротив, выгнулась колесом. Он вырастал буквально на глазах, воздух с шумом устремился в освобождённые лёгкие, вызывая прилив крови к бледным щекам. И глаза! Только что тусклые, придавленные набрякшими веками, глаза вдруг запылали вырвавшимся на волю огнём.

Я невольно отшатнулся от этого человека. И поймал иронично-торжествующий взгляд Дмитрия, словно бы говоривший: «А ты не верил!»

Летающий заговорил спокойным, хорошо поставленным голосом, ни к кому конкретно не обращаясь. И чем дольше я его слушал, тем больше удивлялся этому странному человеку, чей рассказ стал последней точкой в моём решении убраться из этого места.

15.

Рассказ человека, который умел летать

– Только не говорите мне, что вы никогда не летали – во сне. Каждому человеку знакомо это чувство полёта, чувство отрыва от земли, чувство парения… Наверное, прав был всё-таки старик Дарвин, и когда-то все мы были птицами – в тех далёких прошлых жизнях, когда архетип человека ещё только-только формировался.

В детстве мы летаем часто и помногу, но с возрастом тематика наших снов меняется, полёты случаются всё реже и реже, а потом и вовсе исчезают. Человек складывает крылья, чтобы никогда больше не взлететь – и тогда к нему приходит старость.

Я не был исключением из правил. С годами мои сны всё больше становились отражением той повседневной рутины, в которой я погрязал всё глубже и глубже. До полётов ли мне было, когда жизнь превратилась в серую нескончаемую полосу, без разрывов и просветов, лишённая даже самых маленьких радостей!

Мои уникальные способности до поры до времени никак себя не проявляли. Пока мне не приснился *тот самый сон*.

…Это так просто, что я даже не задумываюсь, как мне это удаётся. Лёгкий толчок ногой – и я отрываюсь от земли. Мягко, плавно, без малейшего усилия загребаю упругий, податливый воздух руками и устремляюсь ввысь, в тёплое прозрачное небо. Я прекрасный пловец – наверное, именно поэтому на ум приходит аналогия с ныряльщиком или, скорее, с ловцом жемчуга, когда тот, сунув в набедренную сумку заветную раковину, отталкивается от дна и медленно, едва шевеля ногами, всплывает к поверхности. Многометровая толща воды не вызывает в нём страха, напротив, вода надёжно держит его, она – его союзник, опора, хранительница, привычная среда обитания. Как и он в водной стихии, я парю сейчас в воздухе в нескольких метрах над землёй. Полной грудью вдыхаю ароматы июня, дышится легко и отрадно, мягкий прохладный ветерок овевает лицо, шею, руки. Всё во мне переполнено восторгом, сердце сладко замирает, ровные ритмичные удары его короткими импульсами растекаются по телу, разнося живительную энергию и удивительное тепло. А внизу змеятся ленточки асфальтовых тротуаров, по сторонам громоздятся старенькие пятиэтажные «хрущёвки», чуть поодаль древний могучий дуб шелестит густой тёмно-зелёной кроной. Совсем рядом, всего в нескольких метрах от меня, стремительно проносится стайка быстрокрылых стрижей. А мне так и хочется крикнуть им вслед: «Я такой же как вы, я – ваш! Я тоже умею летать!» Хорошо-то как!.. Ещё один взмах руками, и я резко взмываю вверх, в считанные секунды покрываю два-три десятка метров и… просыпаюсь.

Какой это был сон! О!.. Весь день потом я пребывал под сильным эмоциональным, едва ли не наркотическим воздействием ночного полёта, весь день меня не покидало ощущение, что за спиной у меня растут крылья – я то и дело порывался взмахнуть ими и устремиться ввысь – но, увы, серая обыденность яви то и дело вырывала меня из объятий ушедшего сна, бесцеремонно вторгалась в мир волшебных грёз, грубо швыряла с небес на землю. Зато поздним вечером, на исходе суток – вот-вот должно было пробить двенадцать – я, уже лёжа в постели, попытался воскресить в памяти вчерашний сон – и видение вновь посетило меня! О, я был на седьмом небе от счастья! Снова окунуться в фантастический мир свободного полёта, слиться с ним в одно целое, почувствовать себя его органически-неотъемлемой частью – разве мог я тогда мечтать о чём-то большем?

С той ночи я обрёл власть над своими снами. Отныне я без особого труда мог задавать тему сновидения – достаточно было лишь небольшого усилия воли, немного воображения и соответствующего душевного настроя. Нужно ли говорить, какие сны я себе «заказывал»!

Эти сны ворвались в мою жизнь совершенно внезапно, и с тех пор всё моё существование наполнилось каким-то высшим, непостижимым для других, особым смыслом, обрело целостность и устремлённость к единственной мечте, со временем ставшей моей идеей-фикс. Вопреки всем законам физики, логики и всемирного тяготения, всем доводам холодного рассудка я мечтал только об одном – когда-нибудь взлететь, взлететь не во сне, а на самом деле, по-настоящему, наяву. Эта мечта, эта идея-фикс зрела в моей душе исподволь, постепенно распускалась в ней подобно удивительной красоты сказочному цветку, пока наконец полностью не овладела ею, без остатка, без компромиссов, без каких-либо «может быть» или «а вдруг». И с некоторых пор я окончательно утвердился в мысли, что действительно смогу это сделать. *Я знал это.*

Позже, годы спустя, сидя в боксе-одиночке с зарешёченным оконцем под самым потолком, единственной дверью без ручки, стенами с мягкой обивкой, привинченной к полу койкой и отсутствием каких бы то ни было колющих и режущих предметов, я с грустью оглядывался назад, в то недалёкое, освящённое чудесными грёзами прошлое, когда жизнь моя казалась одной сплошной светлой полосой, ещё не запятнанной жестокостью, душевной косностью, агрессивным скудоумием и враждебностью людей…

Однако не стану забегать вперёд.

Шло время. С каждым новым днём, с каждой ночью я всё больше и больше уносился в созданный мною мир мечты, бежал от серых будней, нескончаемой рутины вечных забот, эгоизма мелочных человеческих отношений. Я чувствовал себя птицей, долгие годы томившейся в клетке и вдруг, по мановению волшебной палочки, вырвавшейся на волю – к свету, солнцу, свободе. Еженощные полёты во сне питали мою душу живительной энергией, придавали ей такой мощный эмоциональный импульс, что его с избытком хватало на весь следующий день…

Почему люди не хотят летать? Ведь это так просто! Плюнуть на все законы, сбросить их проржавевшие оковы, оторваться от серого прошлого, оттолкнуться от тверди земной – и взмыть в небеса! Свободными, обновлёнными, очищенными от гнёта земного притяжения и вековых предрассудков сотен поколений человечества. С развязанными руками, расправленными плечами и прозревшими глазами. Да что может быть проще, чёрт побери! Неужели люди не видят всей прелести свободного полёта? Или не желают видеть? Боятся потерять почву под ногами? твёрдую опору? уподобиться висельнику, из-под ног которого выбивают табуретку? Да они просто слепы, эти упрямые кроты, не имеющие ни глаз, ни крыльев!..

На окраине городка, в котором я жил, высилась старая заброшенная каланча, в незапамятные времена служившая наблюдательной вышкой бравой команде городских пожарников. Те времена давно уже канули в прошлое, и проблема борьбы с пожарами теперь успешно решается с использованием современной техники, – однако каланча осталась. Она хорошо была видна из окна моей квартиры, и с некоторых пор я всё чаще и чаще обращал на неё свои пристальные взоры. Дело в том, что каланча была самым высоким строением в нашем городке – именно эта её особенность и привлекла моё внимание. Мысль взлететь – не во сне, а наяву! – использовав каланчу в качестве стартовой площадки, своего рода взлётной полосы, поначалу показалась мне совершенно несуразной, сумасбродной, однако с каждым днём я всё более и более проникался ею, пока наконец она полностью не овладела мною. И я решил: главный полёт своей жизни я совершу с этой каланчи.

Прошло несколько месяцев. На исходе был август, но дни стояли на удивление тёплыми и погожими. Я по-прежнему продолжал видеть один и тот же сон, с небольшими, правда, вариациями. Мои полёты во сне схожи были с учебными занятиями на виртуальном тренажёре, цель которых – отточить мастерство, приобрести навыки и опыт, придать технике полёта виртуозность и совершенство – словом, подготовить «стажёра» к действиям в реальных условиях. На самом деле, конечно же, всё было не так. Я просто наслаждался тем удивительным состоянием эйфории, в которую погружался сразу же после отхода ко сну. Мне не нужно было

учиться летать, техническая сторона процесса меня вообще мало интересовала – это знание было зашито в моём мозгу подобно микрочипу с заложенной в нём программой. Нет, не овладением искусством полёта занимался я короткими августовскими ночами. Для меня важно было другое: психологическая готовность к тому решающему шагу, который я вознамерился совершить вопреки всем научным догмам и устоявшимся стереотипам мышления, имеющим безграничную власть над умами подавляющего большинства людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.